

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

О.В. Глухова

**Уголовная ответственность
за недоносительство и укрывательство
преступлений**

Монография

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2010

УДК 343.328 (476)

ББК 67.408 (4Бей)

Г 55

Рецензенты:

кандидат юридических наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Д.С. Береговцова

кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

В.В. Лосев

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

С.М. Храмов

Глухова, О.В.

Уголовная ответственность за недоносительство и укрывательство преступлений : монография / О.В. Глухова ; Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2010. – 247 с.

В монографии исследуются проблемы уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступлений и недонесение о преступлении: рассматриваются теоретические аспекты института прикосновенности к преступлению, дается уголовно-правовая характеристика ее форм, анализируется практика применения статей 405 и 406 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Вносятся предложения по совершенствованию норм уголовного законодательства.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов юридических факультетов вузов и слушателей, проходящих переподготовку по специальности «Правоведение». Может быть использовано в правоприменительной деятельности, а также при организации повышения квалификации и обучения судей и сотрудников правоохранительных органов.

УДК 343.328 (476)

ББК 67.408 (4Бей)

Г 55

© УО Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина”, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
1. Недоносительство и заранее не обещанное укрывательство как формы прикосновенности к преступлению.....	7
1.1. Генезис института прикосновенности к преступлению.....	7
1.2. Понятие прикосновенности к преступлению, ее отличие от соучастия в преступлении.....	25
1.3. Формы прикосновенности к преступлению.....	35
1.4. Общая характеристика объективных и субъективных признаков прикосновенности к преступлению.....	55
2. Уголовно-правовая характеристика недонесения о преступлении.....	72
2.1. Понятие недоносительства в белорусском и зарубежном уголовном праве.....	72
2.2. Объективные признаки недонесения о преступлении.....	80
2.3. Субъективные признаки недонесения о преступлении.....	103
2.4. Разграничение недонесения о преступлении и смежных составов преступлений.....	125
3. Уголовно-правовая характеристика заранее не обещанного укрывательства преступлений.....	136
3.1. Понятие заранее не обещанного укрывательства преступлений в белорусском и зарубежном уголовном праве.....	136
3.2. Объективные признаки заранее не обещанного укрывательства преступлений.....	143
3.3. Субъективные признаки заранее не обещанного укрывательства преступлений.....	168
3.4. Разграничение заранее не обещанного укрывательства и смежных составов преступлений.....	182
4. Ответственность за недоносительство и укрывательство преступлений.....	200
4.1. Особенности привлечения к уголовной ответственности за недоносительство и укрывательство преступлений.....	200
4.2. Уголовная ответственность за недоносительство и укрывательство преступлений и некоторые вопросы Общей части уголовного права.....	215
4.3. Назначение наказания за недонесение и укрывательство.....	226
Заключение.....	237
Список литературы.....	241

ВВЕДЕНИЕ

Институт прикосновенности к преступлению вызывает интерес исследователей достаточно давно, что во многом связано с включением в российское законодательство понятия «прикосновенное лицо» Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Исследованием этого проявления преступной деятельности занимались такие видные дореволюционные юристы, как А.В. Лохвицкий, Н.А. Неклюдов, И.Я. Фойницкий. В советском уголовном праве можно условно выделить несколько этапов в изучении прикосновенности к преступлению и ее отдельных форм. Первый относится к периоду конца 40-х–50-м гг. прошлого века. В это время наблюдается повышенный интерес к данной тематике, видимо, в связи с подготовкой Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Именно тогда было защищено наибольшее количество кандидатских диссертаций, посвященных прикосновенности к преступлению (В.Г. Смирновым в 1954 г., Э. Раалом в 1956 г.) и ее формам – заранее не обещанному укрывательству преступлений (М.И. Ковалев – 1952 г., П.К. Евдокимов – 1953 г., А.С. Омаров – 1954 г.) и недонесению о преступлении (Г.М. Шур – 1949 г.). 60–80-е годы XX века ознаменовались изданием нескольких крупных монографий по вопросам прикосновенности к преступлению, авторами которых были Г. Баймурзин, И.А. Бушуев, Г. Виттенберг и П. Панченко, М.Х. Хабибуллин, Б.Т. Разгильдиев. Кандидатские диссертации защитили Н.А. Носкова по теме недоносительства и Н.Г. Радунцева – укрывательства преступлений. Затем наблюдается практически 20-летний период забвения рассматриваемой проблематики, интерес к которой возродился только в последние десять лет среди российских ученых. Здесь можно выделить работы, в том числе кандидатские, А.В. Зарубина, А.Д. Макарова, О.И. Семькиной, В.Г. Трифонова, Е.В. Пономаренко.

Укрывательство и недоносительство являются, как и ранее, предметом особого внимания и со стороны высших судебных органов. Пленумом Верховного Суда СССР 31 июля 1962 года было принято постановление № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества». Конституционный Суд Республики Беларусь обращался к вопросам конституционности установления ответственности за укрывательство преступлений и недонесение о преступлении дважды: в заключениях от 19 декабря 1994 года № 3-10/94 «О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь» и от 25 марта 1999 года № 3-77/99 «О толковании Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г. “О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь”».

К сожалению, белорусскими учеными серьезных исследований в данной области не проводилось и не проводится. Настоящее издание является фактически первой такого рода работой в Республике Беларусь. В ней сделана попытка рассмотреть ряд актуальных вопросов прикосновенности к преступлению, в том числе с учетом принятия в 1999 году Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), который по-новому урегулировал институт прикосновенности к преступлению, но оставил ряд пробелов.

До сих пор не нашло закрепления в уголовном законодательстве Республики Беларусь понятие прикосновенности к преступлению. Несмотря на достаточно длительные исследования, в литературе также не выработано единого его определения. Некоторые авторы вообще ставят под сомнение необходимость выделения и рассмотрения в рамках уголовного права прикосновенности к преступлению как отдельной категории (А.В. Наумов, П. Мишунин и др.). Разнообразие мнений существует в науке в части выделения преступных деяний, относящихся к формам прикосновенности (к примеру, по поводу отнесения к таковой заранее обещанного недонесения о преступлении).

Укрывательство и недонесение о преступлении представляют собой умышленную деятельность, связанную с готовящимся или совершенным другими лицами преступлением, лежащую вне данного преступления, не содействующую его совершению. Общественная опасность указанных деяний состоит в том, что они препятствуют раскрытию и расследованию преступлений, изобличению виновных лиц, затрудняют работу правоохранительных и судебных органов. Тем самым нарушается принцип неотвратимости уголовной ответственности, не достигается цель восстановления социальной справедливости, наносится ущерб нормальному состоянию общественных отношений. Так как данные деяния не обуславливают совершение преступления, с которым связаны, они имеют меньшую общественную опасность, чем это преступление, поэтому меры государственного принуждения к виновным должны применяться более мягкие либо их применение вовсе нецелесообразно. При этом чем большей степенью общественной опасности характеризуется преступление, тем больший вред общественным отношениям может причинить его укрывательство или недонесение о нем. Отсюда ответственность за укрывательство и недонесение ставится в зависимость от того, в отношении какого преступления они совершаются. В соответствии с нормами УК Республики Беларусь 1960 года рассматриваемые деяния являлись уголовно наказуемыми лишь в случаях, когда были связаны с преступлениями, исчерпывающий перечень которых содержался в УК 1960 г. (стст. 86, 86¹, 185, 186). По стст. 405, 406 действующего УК наказуемыми являются недонесение и укрывательство не отдельных перечисленных видов преступлений, а их категорий – только

тяжких и особо тяжких преступлений. По сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством изменился также круг лиц, ответственность которых за недоносительство не наступает (примечание к ст. 406 УК).

Спорными остаются в науке вопросы определения содержания субъективной стороны недоносительства и укрывательства (возможно ли их совершение с косвенным умыслом, является ли цель сокрытия преступления обязательным признаком укрывательства, в каком объеме укрыватель и недоноситель должны осознавать признаки основного преступления), описания объективных признаков наказуемых деяний прикосновенных лиц (возможность совершения укрывательства бездействием, допустимость интеллектуального укрывательства, суть обязанности, невыполнение которой влечет ответственность за недонесение о преступлении и др.), разграничения этих форм прикосновенности к преступлению между собой и их отличие от иных сходных преступлений, от соучастия в преступлении.

Впервые в настоящей работе проводится анализ судебной практики по соответствующим уголовным делам, допускаемых ошибок в применении норм стст. 405 и 406 УК органами уголовного преследования и судами, что еще раз подчеркивает необходимость исследования данной темы. Обобщение практики назначения наказаний за недоносительство и укрывательство также позволяет выделить ряд проблем в части индивидуализации ответственности виновных, учета при избрании меры наказания смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Таким образом, ни действующее уголовное законодательство, ни наука уголовного права не дают ответов на ряд важнейших вопросов, касающихся определения понятия, признаков, форм прикосновенности к преступлению, характеристики элементов составов недонесения и укрывательства преступлений. Правоприменительная практика показывает реальные проблемы, связанные с толкованием соответствующих норм уголовного закона и их действием. История развития отечественного права и зарубежное законодательство предлагают совершенно иные примеры регламентации оснований и условий уголовной ответственности прикосновенных лиц. Этим и обусловлена актуальность избранной для исследования темы, ее значимость в теоретическом и практическом аспектах.

1. НЕДОНОСИТЕЛЬСТВО И ЗАРАНЕЕ НЕ ОБЕЩАННОЕ УКРЫВАТЕЛЬСТВО КАК ФОРМЫ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

1.1. Генезис института прикосновенности к преступлению

Вопросы самобытности, специфичности собственной правовой системы в той или иной мере встают перед каждым государством на определенном этапе его развития. Реалии современного мира таковы, что все больший размах приобретают интеграционные процессы, тенденции к объединению экономического, территориального, политического пространства различных стран. Все это сопровождается унификацией законодательства, установлением неких правовых стандартов, эталонов, которые закрепляются в международных документах и обязательны для государств, их принявших. Вместе с тем каждое общество развивается в своих особых исторических, социальных, политических и т.п. условиях, которые не могут не воздействовать на формирование того права, посредством норм которого регулируются отношения в данном конкретном обществе. На содержание современного законодательства Республики Беларусь огромное влияние оказал опыт законотворческой деятельности, накопленный в рамках СССР, а также в более поздний период – модельные акты, принятые в качестве рекомендаций странам – участницам СНГ. Нельзя забывать и средневековый период развития белорусской государственности, из которого до нас дошли выдающиеся памятники права. Таким образом, правовая система Республики Беларусь образовывалась как на базе собственного исторически сложившегося и накопленного нормативного материала, так и с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, правотворческой практики других государств. Это характерно и для белорусского уголовного права, в том числе и такого его института, как прикосновенность к преступлению.

Важнейшим памятником древнего права восточных славян является Русская Правда (XI в.), основной источник которой – обычное право. Поскольку Киевская Русь была государством феодальным, нормы уголовного права, содержащиеся в Русской Правде, направлены в основном на защиту интересов господствующего класса, что присуще и наказуемости прикосновенности к преступлению. Так, предусматривалась ответственность за укрывательство иностранцами беглого челядина: «Аще ли челядин съкрыется любо у варяга, любо у колбяга, а его за три дни не выведуть, а познать и в трети день, то изымати ему свои челядин, а 3 гривне за обиду»

(ст. 11 Краткой редакции по академическому списку)¹. В ст. 32 Пространной редакции Русской Правды эта норма была отнесена ко всем домохозяевам, а не только к варягам и колбьягам. По ст. 112 Пространной Правды, наказывался тот, кто сознательно (умышленно) помогал беглому холопу: «слышав кто или зная и ведая, оже есть холоп, а дасть ему хлеба или укажет ему путь...»². Согласно ст. 115 помощь, оказанная беглому холопу по неведению о его положении («кто не ведая чюж холоп усрячеть»), не наказывается, если его укрыватель подтвердит свое неведение присягой.

В то же время, если господин предоставлял убежище своему холопу, ударившему свободного человека, то должен был заплатить за него 12 гривен уголовного штрафа (ст. 17 Краткой Правды, ст. 65 Пространной Правды).

Одним из вариантов наказуемого по Русской Правде укрывательства преступника можно назвать случаи выплаты дикой виры вервью, которая не желала выдавать убийцу.

Известно было Русской Правде и укрывательство похищенного имущества. В соответствии со ст. 121 Пространной Правды при участии жены и детей холопа в краже или в сокрытии краденого господин должен поступить с ними так же, как и с самим холопом. Те же действия, совершенные свободным человеком, наказывались уголовным штрафом (продажей).

Указывая на разграничение в нормах Русской Правды соучастия в преступлении и укрывательства, А.А. Арутюнов считает возможным «с определенными оговорками утверждать, что еще задолго до УК Франции 1810 года, главной заслугой которого считается исключение из соучастия любых форм прикосновенности, «Русская Правда» в общем виде успешно решала эту основную проблему соучастия»³.

В этот же период на белорусских землях господствующим было обычное право. Причем в каждом государстве-княжестве оно отличалось своей спецификой. Такое различие правовых норм отдельных территорий сохранялось вплоть до XVI в. Наиболее древними памятниками писаного права в Беларуси были грамоты, которые касались отношений Полоцка и Витебска с Ригой и немецкими купцами, а также договоры 1229, 1264 и 1338 годов⁴. В XIV и XV вв. начинает развиваться законодательство, которое постепенно ограничивает обычное право. Издаются законы в форме привилеев (грамот), в которых юридически подтверждались права и льготы феодалов, оформлялось правовое положение сословия шляхты, закреплялись автономные права некоторых земель (княжеств). В названных памятниках белорусского права практически отсутствовали уголовно-

¹ Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 47.

² Там же. С. 72.

³ Арутюнов А.А. Институт соучастия: исторический экскурс // Российский следователь. 2002. № 5. С. 38.

⁴ Юхо Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. Мінск, 2000. Ч. 1. С. 89–90.

правовые нормы, в том числе не было упоминаний о какой-либо из форм прикосновенности к преступлению.

Как отмечают исследователи, первая попытка установить единство правовых норм на всей территории Беларуси, ограничить самоуправство судей, а также укрепить правовую охрану феодальной собственности была сделана в Судебнике 1468 года. В основу его было положено местное белорусское обычное право в сочетании с правовыми нормами, выработанными судебной и административной практикой, в соответствии с новыми социально-экономическими условиями⁵.

В отличие от Русской Правды Судебник 1468 года не содержал детального описания деяний, которые можно было бы отнести к формам прикосновенности к преступлению в их современном понимании. В ряде его статей предусматривалась ответственность лиц, знавших о совершенном преступлении, однако ничего конкретно не говорилось о неисполнении ими обязанности сообщить о преступлении либо о совершении действий, направленных на сокрытие преступника или следов преступления. К примеру, в ст. 1 Судебника закреплялось: «Што с лицомъ приведают татя, боудеть ли мочи чимъ заплатити, ино заплатити истинну. Пак ли чого в дому не будеть, будеть жона тое ведала з детьми оужо изрослыми, жоною и з деотми платити, а самого на шибеницю. А што будеть малыи дети ниже семи годов, тыи в томъ невинни»⁶. По ст. 7 Судебника, ответственность наступала в случаях, когда: «А коли чий человекъ во злодеиство упадеть, а будеть господарь его то ведал а любо с нимъ удел имел, а будеть на то довод, тот тръпи, как которыи злодеи»⁷. Таким образом, наряду с виновным наказанию подвергались члены семьи (жена и взрослые дети) вора, а также феодал («господарь»), которому принадлежал преступник, если они лишь знали о совершенном преступлении.

Согласно стст. 5 и 6 Судебника, жена и взрослые дети преступника (вора) не подлежали ответственности, если они не знали о преступлении и не пользовались похищенным («а коли бы злодеи што у кого украл, а где украдено, а тамъ его ухватять с лицомъ, а в дом будеть не принес, жена и дети того не поживали, злодеи тръпи, а жена и дети, и дом их неповинень»⁸). По более древнему обычному праву вместе с преступником ответственность несла вся семья. Тем самым в Судебнике получила закрепление идея индивидуализации наказания.

Данные нормы условно можно назвать прообразом современных составов недоносительства и укрывательства, поскольку, хотя конкретных

⁵ Юхо Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. Мінск, 2000. Ч. 1. С. 202.

⁶ Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : вучэб. дапам. / пад агул. рэд. праф. А.Ф. Вішнеўскага. Мінск, 2003. С. 105.

⁷ Там же. С. 106.

⁸ Там же. С. 106.

признаков этих преступных деяний они не содержат, однако по направленности своей общественной опасности близки к прикосновенности. Указанные в них лица не принимают непосредственного участия и не оказывают содействия в совершении преступления. Их причастность к преступлению другого лица выражается в осведомленности о факте его совершения, пользовании полученными преступным путем благами.

В истории феодального права Беларуси первостепенное значение имеют Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов. Статуты представляли собой своды законов, в которых содержались нормы различных отраслей права, в том числе уголовного. Наиболее выдающимся стал Статут 1588 года, который действовал более 250 лет без существенных изменений, а многие его нормы были перенесены в «Свод законов Российской империи»⁹. Статут Великого княжества Литовского 1588 года оставался главным источником права на белорусских землях и в период включения их в состав Речи Посполитой. Ряд положений Статута 1588 года были посвящены регулированию прикосновенности к преступлению преимущественно в форме укрывательства.

В нем при определении категорий лиц, оказание помощи которым влекло ответственность, употребляется как общее понятие «преступник», так и более частные термины – «люди, законом осужденные на смерть», «разбойники явные», «изгнанники», «чести лишенные» (артикул 36 Раздела 11 Статута)¹⁰. Таким образом, феодальное уголовное право в целом не ставило наказуемость укрывательства в зависимость от тяжести совершенного укрываемым лицом преступления. Здесь речь идет о преступнике вообще, совершившем любое из запрещенных Статутом общественно опасных действий. Ответственность, согласно той же норме, наступала за сокрытие у себя такого лица, поддержание с ним сообщения, дачу совета, оказание помощи или пользование заведомо краденными вещами. Причем необходимо было осознание того, что укрываемое лицо является преступником. Например, в артикуле 13 Раздела 14 Статута говорится об укрывательстве «в своем доме уличенного вора, имея известие о нем». Незнание этого освобождало от наказания: «...А там в суде, если бы отговаривался неведением о том нашем декрете или судебном приговоре или тем, что, не зная того человека, укрывал, тогда, подтвердив это не голословно, а присягою, будет свободен. А если бы присягнуть не желал, тогда тем наказанием, которое заслужил тот преступник, наказан быть должен»¹¹.

Как видно из приведенной цитаты, Статут говорит об укрывательстве уже осужденных лиц, тех, чье преступление доказано и кому вынесен при-

⁹ Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : вучэб. дапам. / пад агул. рэд. праф. А.Ф. Вішнеўскага. Мінск, 2003. С. 103.

¹⁰ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. Мінск, 1989. С. 435.

¹¹ Там же. С. 435.

говор суда с назначением им наказания. Следовательно, общественная опасность укрывательства в данном случае состоит в том, что преступнику в связи с оказываемой помощью удастся избежать исполнения наказания. Подтверждением тому является норма артикула 68 Раздела 11 Статута, которым запрещалось укрывательство лиц, подлежащих изгнанию, «чтобы своевольные люди во время изгнания не имели потворства и общения в наших землях»¹². Также в связи с этим можно упомянуть, что одним из наказуемых способов укрывательства был выкуп за свои деньги явного во-ра от виселицы (артикул 13 Раздела 14).

Поскольку Великое княжество Литовское было феодальным государством, ряд норм Статута 1588 года предусматривал ответственность за укрывательство убежавшей челяди дворовой и пленной (артикулы 17–18 Раздела 12). Аналогичное наблюдаем и в Статуте 1529 года, в соответствии с которым «...если бы от кого-нибудь сбежал челядинец, крестьянин или несвободная женщина, а кто-либо, будучи извещен о побеге чужой челяди, указал им дорогу или дал хлеба, или на некоторое время дал им убежище у себя и это было бы доказано, то таковой должен отыскивать этих беглых. А если бы не нашел, то должен за них заплатить их хозяину»¹³. Существованием феодальных отношений объясняется также включение в Статуты правил, согласно которым господин при определенных условиях должен был нести ответственность за преступление, совершенное его слугой (например, когда убийство или причинение телесного повреждения произошло при защите господина). «Однако, если бы чей слуга своевольно не по приказу и не по причине ссоры своего господина на глазах кого убил или ранил, тогда его господин этого своего слугу должен поймать и, посадив в заключение, родственников убитого известить. А если бы, потворствуя своему служителю, поймать его не захотел или не смог и он потому убежал, тогда этот господин обязан будет сам головщину заплатить. А после выплаты головщины должен присягнуть в том, что без его приказанья и совета убийство и причинение ран произошли и по каким причинам слугу того поймать не смог. А если бы очиститься присягой не захотел, тогда после принесения присяги со стороны истца за голову должен быть наказан смертью, а за причинение ран – выплатить навязку»¹⁴. Таким образом, предусматривался еще один специфический вид укрывательства со специальным субъектом, следуя современной терминологии, т.е. укрывательство господином своего слуги, совершившего преступление.

При рассмотрении мер наказания, которые применялись к укрывателям, обращает на себя внимание их излишняя строгость. Общий принцип

¹² Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. Мінск, 1989. С. 440.

¹³ Там же. С. 204.

¹⁴ Там же. С. 431–432.

привлечения к ответственности за укрывательство был сформулирован в Статуте 1529 года – «по справедливости и совершающие преступление, и потворствующие ему должны подвергаться одинаковому наказанию»¹⁵. За укрывательство уличенного вора в Статуте 1588 года предусматривалось возложение обязанности «заплатить и удовлетворить весь вред, который был причинен вором чьему-либо имуществу»¹⁶.

Выделялось в Статуте в качестве преступления пользование женой и детьми преступника заведомо похищенным имуществом, которые должны были возместить вред или продавались в неволю, если не делали этого (артикул 23 Раздела 14). В статье прямо указывалось на необходимость осознания виновными того, что используемые ими вещи были краденными.

После присоединения в результате трех разделов Речи Посполитой белорусских земель к Российской империи на их территории распространилось действие российского права. Систематизация российского законодательства, проведенная при Николае I, в области уголовного права пошла дальше, чем в других отраслях права, и завершилась изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Уложение было утверждено указом императора от 15 августа 1845 года и введено в действие с 1 мая следующего года. В 1857 году Уложение было внесено в том XV Свода законов с некоторыми изменениями. Исследователи обращают внимание на характерную для прежнего законодательства и не преодоленную при составлении Свода казуальность, недостаточную определенность признаков составов преступлений, крайнюю дробность различных оттенков преступных деяний, неопределенность санкций, наличие пробелов в уголовном законодательстве и разбросанность норм уголовного права по различным томам Свода законов¹⁷. Такое утверждение справедливо и для составов преступлений, образующих прикосновенность. С одной стороны, в Уложении содержались общие нормы о прикосновенности к преступлению, в которых определялись виды прикосновенных лиц и пределы их ответственности. С другой стороны, отдельные нормы об укрывательстве, недоносительстве и попустительстве были включены в различные разделы Уложения и тем самым отнесены законодателем к таким же видам преступлений, как и основные преступные деяния.

Общие положения о прикосновенности к преступлению содержались в отделении третьем Главы первой Раздела первого Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года «О участии в преступлении». В соответствии со ст. 13 различалось соучастие в преступлении по предварительному сговору и без такового, которым соответствовали свои виды соучастни-

¹⁵ Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960. С. 183.

¹⁶ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. Мінск, 1989. С. 451.

¹⁷ Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6. С. 161.

ков. В преступлении, «учиненном несколькими лицами без предварительного их на то согласия», согласно ст. 14 выделялись главные виновные и участники, а в преступлениях, «учиненных несколькими лицами по предварительному на то их согласию», – зачинщики, сообщники, подговорщики, или подстрекатели, и пособники (ст. 15). При этом пособниками признавались «те, которые также, хотя не принимали прямого участия в самом совершении преступления, но из корыстных или иных личных видов помогали или обязались помогать умыслившим оное, советами или указаниями и сообщением сведений, или же доставлением других каких-либо средств для совершения преступления, или устранением представлявшихся к содеянию оного препятствия, или заведомо, пред совершением преступления, давали у себя убежище умыслившим оное, или же обещали способствовать сокрытию преступников или преступления после содеяния оного»¹⁸.

Кроме названных соучастников, по ст. 16 Уложения «из прикосновенных к делу и преступлению» признавались:

«попустителями: те, которые, имея власть или возможность предупредить преступление, с намерением или по крайней мере заведомо допустили содеяние оного;

укрывателями: те, которые, не имея никакого участия в самом содеянии преступления, только по совершении уже оного заведомо участвовали в сокрытии или истреблении следов его, или же в сокрытии самих преступников, или также заведомо взяли к себе или приняли на сбережение, или же передали или продали другим похищенные или отнятые у кого-либо, или же иным противозаконным образом добытые вещи».

Согласно ст. 17 прикосновенными к преступлению признавались и «те, которые, зная о умышленном или уже содеянном преступлении и имея возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности»¹⁹.

Нашли свое закрепление в Уложении и вопросы наказуемости лиц «по мере участия в преступлении». В соответствии со статьями 130 и 131 укрыватели, попустители и недоносители «о умышляемом» (т.е. готовящемся) преступлении подлежали наказанию одной степенью ниже, чем те из пособников в преступлении, «коих содействие не было необходимо для совершения оного»²⁰. Это говорит о том, что российский законодатель тогда уже признавал прикосновенность к преступлению менее опасным деянием, чем соучастие в нем. Исключение составляли случаи недонесения о готовящемся преступлении, за совершение которого более строгие меры ответственности были специально предусмотрены в иных статьях Уложения.

¹⁸ Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6. С. 176.

¹⁹ Там же. С. 176–177.

²⁰ Там же. С. 199.

В ст. 132 Уложения указывались альтернативные наказания, которые могли назначаться за недонесение «о содеянном уже» (совершенном) преступлении и, «смотря по важности и обстоятельствам дела», состояли в применении заключения в крепости, с ограничением некоторых особенных личных прав и преимуществ или без него, заключения в тюрьме, ареста, выговора, замечания, внушения или денежного взыскания.

Особым видом недонесения о преступлении, предусмотренном в ст. 133 Уложения, являлось несообщение о лице, совершившем преступление, когда недонеситель знал, что «обвинение в преступлении упадет на невинного». Такого рода бездействие наказывалось более строго (одной степенью выше) по сравнению с другими случаями недонесения о виновных в таком же преступлении.

Включены были в Уложение специальные основания освобождения от уголовной ответственности за недонесение некоторых категорий лиц. Согласно ст. 134 «наказаниям, в законах определенным, за недонесение о содеянном уже преступлении, не подвергаются недонесшие: дети на родителей и вообще на родственников по прямой восходящей линии, а равно и родители на детей и прочих нисходящих по прямой линии, супруги на супругов и родные братья и сестры на сестер и братьев. Сии наказания уменьшаются по усмотрению суда, а в случаях, когда и сам виновный не подвергается смертной казни или ссылке в каторжную работу, и вовсе отменяются, если недонесший был с учинившим преступление в близких связях свойства, до второй степени включительно, или же получил от него воспитание, или иным образом был им благодетельствован. На сем же основании смягчается, но только в меньшей мере, наказание за недонесение о известном злом умысле»²¹. Уменьшение или отмена наказания применялись также к заранее не обещанному укрывательству преступника, состоявшего с укрывателем «в брачном союзе или близких связях родства или свойства, или бывшего благодетелем его». Не распространялись данные нормы на виновных в недонесении или укрывательстве наиболее опасных государственных преступлений, запрещенных статьями 263 (посягательства на особу императора), 266 (посягательства на членов императорского дома), 271 (бунт против верховной власти) и 275 (государственная измена) Уложения.

Недостатком Уложения 1845 года можно назвать то, что законодатель включил в него множество специальных норм об укрывательстве, недонесительстве и попустительстве в отношении отдельных преступлений, поместив их в разные главы и тем самым признав их объектом те общественные отношения, на которые посягает основное преступление. Например, статьи о формах прикосновенности к преступлению имелись в разделах

²¹Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6. С. 199.

«О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» (стст. 185, 200, 217), «О преступлениях государственных» (стст. 265, 266, 269, 271, 274), «О преступлениях и проступках против порядка управления» (стст. 287, 344–348, 350 и др.) и т.д.

Субъект недоносительства, укрывательства и попустительства, по Уложению, в большинстве случаев общий. Попустительство в зависимости от характера бездействия могло совершаться как общим субъектом (попустительство совершению бунта против власти верховной – ст. 271), так и специальным (по ст. 371 отвечали чиновники, виновные в противозаконном бездействии с намерением попустить преступление).

В Уголовном уложении 1903 года статьи, устанавливающие ответственность за недонесение и укрывательство, были помещены в главу «О противодействии правосудию», т.е. объектом этих форм прикосновенности признавались интересы правосудия, что сохранено и в действующем УК Республики Беларусь. В указанной главе также была норма об освобождении от наказания за недонесение и укрывательство, если это касалось преступления, в котором принимал участие сам обвиняемый или члены его семьи, а также если между укрывателем и укрываемым существовали близкие родственные отношения.

Ответственность за недонесение по Уголовному уложению 1903 года предусматривалась несколькими статьями. По ст. 162, наказывалось неизвещение без уважительной причины «подлежащей власти или угрожаемого лица» о достоверно известном виновному замышляемом или предпринятом тяжком преступлении при условии возможности предупреждения или прекращения этого преступления. Нормы стст. 163–164 устанавливали ответственность за несообщение о достоверно известных определенных видах тяжких преступлений, направленных против Верховной Власти, священной Особы Императора, Членов Императорского Дома, о государственной измене, а также об участниках этих преступлений. Уголовно наказуемо было недонесение только об определенных преступлениях, представляющих повышенную общественную опасность. Субъектами этих преступлений являлись частные лица. Случаи недонесения, совершенные должностными лицами, были отнесены в главу о служебных злоупотреблениях (стст. 643–644)²².

Укрывательству были посвящены четыре статьи (стст. 166–169) Уголовного уложения. Укрывательство отграничивалось от соучастия в преступлении, а также от пользования плодами преступления, которое относилось к имущественным преступлениям (стст. 616–619). Уложение различало укрывательство преступного деяния и преступника. При первом виде

²² Голоднюк М. История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия // Уголовное право. 2002. № 2. С. 14–15.

укрывательства, предусмотренного ст. 166, действия виновного заключались в повреждении, сокрытии или захвате доказательства по уголовному или гражданскому делу. При этом в законе различалось два случая: 1) когда поврежденные, сокрытые или захваченные вещи уже приобщены к производству по уголовному или гражданскому делу лицами, производящими расследование, или судом; 2) когда они остались еще неизвестными органам правосудия. Второй вид укрывательства, предусматривавшийся статьями 167 и 169, включал сокрытие и содействие в сокрытии лица, совершившего преступление, причем укрывательство дифференцировалось в зависимости от вида наказания, к которому было приговорено укрываемое лицо, и от тяжести совершенного им преступления. Укрываемый мог быть привлечен к следствию или суду, либо мог разыскиваться властью по подозрению в совершении преступления, либо он еще не разыскивался властью, но совершил тяжкое преступление. Уложением выделялись также особые случаи укрывательства: явка с повинной в преступлении, заведомо совершенном другим лицом; заведомо ложная выдача себя за лицо, обвиняемое в преступлении; отбывание наказания в виде лишения свободы за другое лицо, приговоренное к такому наказанию²³.

Можно заключить, что российское законодательство XIX – начала XX вв. отличалось достаточно высоким уровнем развития, некоторые его достижения, в том числе и выделение института прикосновенности к преступлению, сохраняют свое значение до сих пор. Однако многие его прогрессивные нормы были отменены, недооценены в первые годы советской власти, что отразилось и на определении форм прикосновенности к преступлению. Как отмечает М.Х. Хабибуллин, характерной особенностью законодательных актов, изданных в первые годы советской власти, является то, что в них не проводится четкого разграничения прикосновенности и соучастия в преступлении. Наряду с подстрекательством и пособничеством прикосновенность рассматривается как разновидность соучастия²⁴.

До систематизации уголовного законодательства нормы об ответственности за прикосновенность к преступлению содержались во многих декретах советской власти. Впервые об ответственности лиц, прикосновенных к преступлению, сказано в декрете СНК РСФСР от 8 мая 1918 года «О взяточничестве», в соответствии с которым соучастники и все лица, прикосновенные к даче взятки, подлежали такому же наказанию, что и взяточполучатель. В декретах СНК РСФСР от 22 июля 1918 года «О спекуляции» и от 30 июля 1918 года «О набатном звоне» указывалось, что

²³ Голоднюк М. История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия // Уголовное право. 2002. № 2. С. 15.

²⁴ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 5.

подстрекатели, пособники и прикосновенные лица наказываются наравне с главными виновниками.

Об ответственности за укрывательство («покрывательство») впервые упоминается в постановлении Наркомфина о запрещении купли, продажи или передачи хлопковых предприятий всех видов и о регистрации акций и паев этих предприятий: «За неисполнение сего постановления, сообщение ложных сведений, сокрытие сведений, несоблюдение сроков и за содействие или покрывательство по нарушению сего постановления виновные предаются Революционному Трибуналу»²⁵.

В связи с началом гражданской войны и необходимостью защищать советское государство был принят ряд нормативных актов, предусматривающих ответственность за дезертирство, в том числе за укрывательство дезертиров. Постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918 года «О дезертирстве» за укрывательство отвечали председатели домовых комитетов и хозяева квартир, в которых находился дезертир. В постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 3 июня 1919 года «О мерах к искоренению дезертирства» было включено несколько норм об ответственности за укрывательство. Во-первых, ответственности подлежали семьи дезертиров, виновные в укрывательстве, и вообще укрыватели (ст. 6). Во-вторых, более строгие меры наказания (вплоть до расстрела) предусматривались для советских должностных лиц, виновных в укрывательстве мобилизованных и дезертиров. В-третьих, в ст. 8 постановления закреплялось: «В тех случаях, когда местное население упорно укрывает дезертиров или не оказывает содействия их задержанию, губернским комиссиям по борьбе с дезертирством предоставляется право налагать штрафы на целые волости, села и деревни за круговой порукой всего населения и назначить для них принудительные общественные работы. От штрафов и общественных работ освобождаются семьи красноармейцев и все, оказавшие содействие в поимке дезертиров». Введение этой нормы, по мнению А.В. Баркова, было оправдано необходимостью принятия самых радикальных административных мер в борьбе с опасными преступлениями, установление круговой поруки должно было активизировать участие населения в изобличении дезертиров²⁶.

Первым советским систематизированным уголовно-правовым актом стали «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», принятые постановлением НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 года. В «Руководящих началах» термин «прикосновенность к преступлению» не упоминался, а укрывательство и попустительство рассматривались как пособничество.

²⁵ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 541.

²⁶ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 20.

Недонесение о преступлении признавалось попустительством и влекло ответственность как за соучастие в преступлении.

В мае 1922 года был принят Уголовный кодекс РСФСР. ЦИК БССР постановлением от 24 июня 1922 года ввел в действие этот кодекс на всей территории Белорусской ССР с 1 июля того же года без всяких изменений. Более того, в постановлении указывалось, что «Уголовный кодекс применяется по отношению ко всем преступным деяниям, не рассмотренным в судебном порядке до введения его в действие»²⁷, т.е. ему придавалась обратная сила. Некоторые нормы о деяниях прикосновенных лиц содержались лишь в Особенной части УК РСФСР 1922 года. В разделе «О контрреволюционных преступлениях» главы первой «Государственные преступления» УК РСФСР 1922 года предусматривалась ответственность за укрывательство и пособничество контрреволюционным преступлениям, не связанное с непосредственным совершением этих преступлений и при неосведомленности об их конечных целях (ст. 68). Укрывательство, хоть и не отождествлялось с пособничеством, рассматривалось как проявление соучастия в преступлении независимо от того, было оно заранее обещано или нет.

В УК РСФСР 1922 года впервые в советском законодательстве была установлена ответственность за недоносительство, которое больше не признавалось пособничеством преступлению. В Общей части УК о недоносительстве ничего не говорилось, а в Особенной части к преступлениям против порядка управления было отнесено недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных контрреволюционных преступлениях. Недонесение о других преступлениях не являлось уголовно наказуемым.

В УК РСФСР 1922 года также было проведено разграничение попустительства и пособничества. В соответствии со ст. 107 УК ответственность за попустительство несли только должностные лица, в чьи обязанности входило оказание противодействия совершающемуся преступлению.

Принятые 31 октября 1924 года общесоюзные Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик характеризовались недостаточно четкой разработкой соучастия, не отличали от него прикосновенность к преступлению. В связи с этим в уголовных кодексах большинства союзных республик и заранее обещанное, и заранее не обещанное укрывательство относилось к пособничеству в преступлении. Только в кодексах Украинской и Грузинской ССР заранее не обещанное укрывательство рассматривалось как самостоятельное преступление.

По УК БССР 1928 года, пособниками признавались лица, содействующие выполнению преступления сокрытием преступника или следов преступления (ст. 24). Согласно ст. 26 данного закона недонесение о совер-

²⁷ Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : вучэб. дапам. Мінск, 2003. С. 232.

шенном или готовящемся преступлении преследовалось только в случаях, указанных в статьях УК. Такими статьями были: ст. 73 – недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении; ст. 86 – недонесение о достоверно известных готовящихся или совершенных массовых беспорядках, бандитизме, фальшивомонетничестве²⁸.

Ответственность за различные формы прикосновенности к преступлению устанавливалась и в других актах советского законодательства. Положением о преступлениях государственных (утверждено постановлением ЦИК СССР от 25 февраля 1927 года) уголовно наказуемым признавалось недонесение о контрреволюционных преступлениях и о некоторых особо опасных для СССР преступлениях против порядка управления. Специальный случай ответственности за укрывательство формулировался в примечании к ст. 14 Положения о воинских преступлениях, утвержденного постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 года. Эта норма приравнивала к соучастникам промотания воинского имущества лиц, принявших предметы, заведомо для них незаконно отчуждаемые, закладываемые либо предаваемые в пользование или на хранение. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» наказуемо было недонесение о хищении государственного и общественного имущества, совершенном повторно, а равно организованной группой или в крупных размерах. Ответственность за недонесение о разбое с целью завладения личным имуществом граждан определялась Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан».

В 30-е годы для обоснования политических репрессий границы соучастия были непомерно расширены. По мнению А.Я. Вышинского, «связь вообще» между деянием соучастника и результатом, когда деяние в той или иной мере и степени, прямо либо косвенным образом, опосредованно или непосредственно предопределило либо облегчило результат, являлась достаточным основанием для привлечения такого «соучастника» к уголовной ответственности²⁹. Подобное понимание соучастия позволяло относить к нему и деятельность прикосновенных лиц.

25 декабря 1958 года Верховным Советом СССР были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Основы четко разграничили заранее не обещанное укрывательство, ответственность за которое наступала только в специально установленных статьями Особенной

²⁸ Крымінальны кодэкс БССР. Афiц. выд. Мiнск, 1928. С. 24, 29.

²⁹ Арутюнов А.А. Институт соучастия: исторический экскурс // Российский следователь. 2002. № 5. С. 41.

части уголовных кодексов случаях (ст. 18), и заранее обещанное укрывательство, рассматриваемое как пособничество (ст. 17). Недоносительство также не охватывалось соучастием и влекло ответственность только в случаях, указанных в Особенной части уголовных кодексов (ст. 19).

Принятый Верховным Советом БССР 29 декабря 1960 года (введен в действие с 1 апреля 1961 года) УК БССР опирался на положения Основ 1958 года. В стст. 18 и 19 Общей части кодекса содержались указания на то, что заранее не обещанное укрывательство преступлений и недонесение о преступлении влекут ответственность лишь в случаях, предусмотренных статьями Особенной части УК.

Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство преступлений дифференцировалась в зависимости от вида укрываемого преступления и предусматривалась в двух статьях: ст. 185 – укрывательство преступлений, ст. 86¹ – укрывательство государственных преступлений. Соответственно первый из названных составов по родовому объекту относился к преступлениям против правосудия, второй – к государственным преступлениям. Аналогичным образом решался вопрос об ответственности за недоносительство, которая предусматривалась стст. 186 (недонесение о преступлении) и 86 (недонесение о государственных преступлениях). Санкции стст. 86, 86¹ были несколько строже по сравнению со стст. 185 и 186 УК. Такой подход советского законодателя мог быть объясним в условиях социалистического общества, где интересы государства превалировали над интересами личности и, следовательно, подлежали защите в большей степени, чем иные объекты уголовно-правовой охраны.

Законом Республики Беларусь от 1 марта 1994 года № 2827-ХІІ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь и некоторые другие законодательные акты Республики Беларусь» ст. 177 УК 1960 года была дополнена примечанием следующего содержания: «Не подлежат ответственности за преступления, предусмотренные статьями 177, 178, 185 и 186 настоящего Кодекса, близкие родственники лица, совершившего преступление, перечисленные в пункте 9 статьи 22 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» (далее – УПК). Таким образом, с учетом положений п. 9 ст. 22 УПК 1960 года из числа субъектов недонесения о преступлении и укрывательства преступлений были исключены: родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки, супруг (близкие родственники) лица, совершившего преступление.

В Заключении Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 года № 3-10/94 «О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь» Конституционный

Суд пришел к выводу, что отдельные положения примечания к ст. 177 УК не соответствуют Конституции, а именно:

1. Исключение уголовной ответственности близких родственников за дачу заведомо ложных показаний или укрывательство преступлений не соответствует требованиям статей 22, 23, 27 и 59 Конституции, а также статье 7 Всеобщей декларации прав человека и статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Вопреки положениям ст. 27 Конституции названные преступления представляют собой не пассивное бездействие, как это имеет место при недонесении о преступлении или отказе от дачи показаний, а активные действия, препятствующие осуществлению правосудия. Укрывательство преступления выражается в сокрытии преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем. Освобождение близких родственников от ответственности за указанные преступления препятствует осуществлению функций государства, предусмотренных в ст. 59 Конституции. Примечание к ст. 177 УК в этой части предоставляет необоснованные правовые привилегии близким родственникам лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Не может быть оно оправдано и соображениями усиления гарантий прав лица на защиту, поскольку близкий родственник может дать ложные показания не только в пользу этого лица, но и против него.

2. В соответствии с примечанием к ст. 177 УК в нарушение требований ст. 27 Конституции ответственность за недонесение о преступлении и отказ от дачи показаний исключается лишь для близких родственников лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, но сохраняется для членов семьи такого лица. Следовательно, примечание к ст. 177 УК безосновательно сужает круг лиц, которые в соответствии с Конституцией не должны принуждаться к даче показаний и объяснений против членов своей семьи и близких родственников.

3. В примечании к ст. 177 УК не содержится указания на ст. 86 УК, предусматривающую ответственность за недонесение о государственных преступлениях. Тем самым члены семьи и близкие родственники не освобождаются от ответственности за недонесение о государственном преступлении, чем нарушаются их права, гарантированные ст. 27 Конституции.

С учетом сказанного Конституционный Суд Республики Беларусь решил признать несоответствующим Конституции Республики Беларусь примечание к ст. 177 УК в части: 1) освобождения от ответственности за заведомо ложное показание и укрывательство преступлений близких родственников лица, совершившего преступление; 2) сохранения возможности привлечения к ответственности за недонесение о преступлении и отказ от дачи по-

казаний членов семьи, не являющихся близкими родственниками лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления; 3) сохранения ответственности членов семьи и близких родственников лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за недонесение о государственных преступлениях (ст. 86 УК).

На основании данного Заключение Конституционного Суда Законом Республики Беларусь от 26 июня 1996 года № 448-ХІІІ «О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» ст. 86 УК 1960 года была дополнена примечанием следующего содержания: «Не подлежат ответственности за преступления, предусмотренные статьями 86, 178 и 186 настоящего Кодекса, близкие родственники, перечисленные в пункте 9 статьи 22 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, и члены семьи лица, совершившего преступление». Примечание к статье 177 УК 1960 года этим же Законом было исключено.

Таким образом, в УК 1960 года не предусматривалось оснований освобождения от уголовной ответственности за укрывательство преступлений, а в отношении недонесения о преступлении (ст. 186) и недонесения о государственных преступлениях (ст. 86) был сужен круг субъектов этих преступлений, из числа которых исключили близких родственников и членов семьи лица, совершившего преступление.

Конституционный Суд Республики Беларусь возвратился к проблеме ответственности за недонесение о преступлении и укрывательство преступлений в Заключении от 25 марта 1999 года № 3-77/ 99 «О толковании Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г. “О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь”». Причем Конституционный Суд разъяснил, что Заключение от 19 декабря 1994 года не препятствует возможности поиска такого законодательного решения, согласно которому:

- не исключалась бы ответственность за недоносительство близкого родственника или члена семьи лица, готовящегося совершить особо тяжкое преступление, опасное для жизни людей, когда у него имелась возможность сообщить о факте готовящегося преступления с целью его предотвращения и при этом не было бы непосредственного свидетельствования против этого лица;
- исключалась бы в определенных случаях ответственность близкого родственника или члена семьи лица, уже совершившего преступление, за заранее не обещанное укрывательство этого лица или места его нахождения.

Тем не менее содержание правового регулирования недонесения и укрывательства преступлений существенно не изменилось и с принятием в 1999 году нового УК, согласно примечанию к ст. 406 которого не подлежали уголовной ответственности за недонесение о преступлении члены

семьи и близкие родственники лица, совершившего преступление, а также священнослужитель, узнавший о преступлении на исповеди. Освобождение священнослужителей от ответственности за недонесение о преступлении было новацией УК 1999 года. Однако и эта формулировка примечания к ст. 406 УК не стала окончательной. Законом Республики Беларусь от 4 января 2003 года № 173-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» примечание к ст. 406 УК было изложено в новой редакции, согласно которой в число лиц, не подлежащих уголовной ответственности за недонесительство, включен защитник, узнавший о преступлении во время исполнения своих профессиональных обязанностей. Поскольку это норма, которая иным образом улучшает положение лица, совершившего деяние, то она имеет обратную силу.

Изменения также коснулись определения круга преступных деяний, недонесительство и укрывательство которых уголовно наказуемо. По стст. 405, 406 действующего УК, влекут ответственность недонесение и укрывательство не отдельных конкретных видов преступлений, а их категорий – только тяжких и особо тяжких преступлений. Следовательно, был значительно расширен круг деяний, прикосновенность к которым образует самостоятельные составы преступления.

Кроме того, изменился подход к описанию в диспозициях соответствующих статей УК признаков объективной стороны недонесительства и укрывательства преступлений. Законодатель с учетом степени общественной опасности деяний более четко дифференцировал ответственность за недонесение о достоверно известном совершенном особо тяжком преступлении и достоверно известном готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении (соответственно ч. 1 и 2 ст. 406 УК). Включение в диспозицию ст. 405 УК указания на то, что наказуемым по ней является лишь заранее не обещанное укрывательство тяжкого (ч. 1 ст. 405 УК) или особо тяжкого (ч. 2 ст. 405 УК) преступления, позволяет отграничивать при квалификации данное деяние от заранее обещанного укрывательства, являющегося соучастием в преступлении в виде пособничества.

Статьей 203 УК 1960 года была предусмотрена ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. а Законом Республики Беларусь от 17 мая 1997 года УК был дополнен ст. 152^б, в которой впервые была установлена ответственность за легализацию преступных доходов. Следует отметить, что указанные виды преступной деятельности прикосновенностью не признавались. Ст. 203 была помещена в главу 15 УК «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения», а ст. 152^б – в главу 11 «Преступления в сфере предпринимательства и иной хозяйственной деятельности». В УК 1999 года оба эти деяния включены в главу 25 «Пре-

ступления против порядка осуществления экономической деятельности» (стст. 235, 236), а значит, также не относятся законодателем к прикосновенности, которая в первую очередь посягает на интересы правосудия.

Вопрос об ответственности за попустительство преступлению в уголовных кодексах решен одинаково. Попустительство наказуемо лишь в случаях бездействия должностного лица (ст. 166¹ УК 1960 года и ст. 425 УК 1999 года). На остальных граждан обязанность принимать меры к воспрепятствованию, пресечению совершения преступления не возлагается.

Проведенный анализ истории белорусского уголовного законодательства в области установления ответственности за прикосновенность к преступлению позволяет сделать ряд выводов:

1. Среди форм прикосновенности к преступлению ранее всего в источниках уголовного права было криминализировано укрывательство отдельных деяний, которое хоть и не разделялось на заранее обещанное и заранее не обещанное, но рассматривалось самостоятельно, отдельно от норм о соучастии в преступлении (Русская Правда, Статуты Великого княжества Литовского). Некое подобие современного состава недонесения о преступлении можно обнаружить в Судебнике 1468 года, предусматривавшего ответственность для ряда лиц, знавших о совершенном преступлении.

2. Поскольку нормы феодального права были прежде всего ориентированы на защиту интересов правящего сословия, можно говорить о существовании в то время двух видов укрывательства преступлений: 1) укрывательство беглого раба, холопа, челядина и т.п., а также оказание им любой помощи; 2) укрывательство общеуголовных преступлений (в основном хищений чужого имущества), в том числе пользование краденым. В Статуте 1588 года выделялось в качестве преступления содействие осужденному лицу в избегании исполнения в отношении него приговора.

3. Законодательство Российской империи XIX – начала XX веков отличалось высоким уровнем развития норм о прикосновенности к преступлению, которая четко отграничивалась от соучастия. Нормы о прикосновенности были включены в Общую часть уголовных законов, где назывались три формы прикосновенности (недоносительство, укрывательство, попустительство), рассматриваемые в качестве таковых и в современном уголовном праве. Вместе с тем основная масса статей, предусматривавших ответственность за отдельные деяния недоносителей, укрывателей, попустителей, была разбросана по различным разделам и главам уголовного закона, поэтому одинаковые по сути действия (бездействие) относились к разным видам преступлений и соответственно, по мнению законодателя, посягали на различные объекты, что противоречит теории уголовного права.

4. В советском уголовном законодательстве до принятия Основ 1958 года последовательного выделения в отдельные составы преступле-

ний недонесения, укрывательства и попустительства не было, долгое время формы прикосновенности отождествлялись с соучастием в преступлении. В УК 1960 года нормы об укрывательстве и недоносительстве содержались как в Общей, так и в Особенной части, предусматривалась ответственность за приобретение или сбыт, а также легализацию имущества, добытого преступным путем, наказывалось попустительство преступлению, совершенное должностным лицом.

5. Ни в одном из рассмотренных источников права не дается определение общего понятия прикосновенности к преступлению. В некоторых из них (например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, отдельных декретах советской власти) употребляется и раскрывается только понятие «прикосновенные лица».

1.2. Понятие прикосновенности к преступлению, ее отличие от соучастия в преступлении

Проблема понятия и сущности прикосновенности к преступлению, ее форм, места в системе отрасли уголовного права рассматривается достаточно давно, но так и не нашла однозначного решения, продолжая вызывать споры среди исследователей. Прежде всего дискуссионным остается вопрос о правомерности существования самого понятия «прикосновенность к преступлению» и о целесообразности выделения ее в качестве отдельного уголовно-правового института. По этому поводу имеются две кардинально противоположные точки зрения, сторонники которых высказываются в поддержку или против сохранения прикосновенности к преступлению в качестве института уголовного права. К примеру, А.В. Наумов говорит о прикосновенности к преступлению в прошедшем времени, обращаясь к советскому уголовному законодательству, которое «знало две уголовно наказуемые формы прикосновенности – недонесение и укрывательство»³⁰. На его взгляд, развитие современного российского законодательства «пошло в демократическом направлении», что выразилось в отмене уголовной ответственности за недонесение и сохранении ее лишь за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений. Отсюда делается заключение: «...Общая часть нового УК не содержит каких-либо норм о прикосновенности к преступлению. Отныне эта проблема является проблемой существования в УК одной статьи Особенной части, и в связи с этим можно сказать, что прикосновенность к преступлению как институт Общей части уголовного права себя исчерпала»³¹.

³⁰ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 313.

³¹ Там же. С. 314–315.

П. Мишунин проблему прикосновенности к преступлению относил к «надуманным, устаревшим проблемам» и выделял два вида соучастия: «первый вид – соучастие в совершении преступления и второй вид – соучастие в сокрытии преступления. Соучастие в сокрытии преступления – это и есть то, что называют прикосновенностью»³². П. Мишунин пришел к выводу, «что надо отказаться от понятия института прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве. Этот институт не вызывается потребностями судебной и прокурорской практики»³³.

Позицию названного автора резкой критике подверг П.И. Гришаев, указав, что такие предложения «не учитывают тех общих черт, которые свойственны заранее не обещанному укрывательству, недоносительству и попустительству», а «сохранение института прикосновенности позволит... судебным и прокурорским органам избежать нецелесообразного и не определяемого потребностями борьбы с преступностью расширения круга соучастников»³⁴. П.И. Гришаев относил к прикосновенности заранее не обещанное укрывательство, недоносительство и попустительство, общим признаком которых является то, что, во-первых, «заранее не обещанное укрывательство, попустительство и недоносительство всегда связаны в определенной мере с преступной деятельностью третьих лиц. Вопрос об ответственности прикосновенных лиц возникает только тогда, когда имела место преступная деятельность третьих лиц». Во-вторых, «будучи связанными с преступной деятельностью третьих лиц, действия... прикосновенных лиц не могут являться причиной преступного последствия, наступившего в результате деятельности третьих лиц». Кроме того, П.И. Гришаев отмечал существенную разницу в характере субъективной связи соучастников и прикосновенных лиц с деянием исполнителя. Для признания соучастия необходимо установить, что соучастник был осведомлен о целях и намерениях исполнителя, осознавал, что его общественно опасные действия направлены на достижение общего с исполнителем преступного результата, желал наступления этого общего результата или сознательно допускал его. Прикосновенное же к преступлению лицо в отдельных случаях может даже не знать о совершении преступления до его окончания. Следовательно, в данном случае между совершением преступления исполнителем и поведением прикосновенного лица отсутствует не только причинная, но и виновная связь»³⁵.

Большую часть исследователей все же можно отнести к сторонникам признания прикосновенности к преступлению институтом уголовного пра-

³² Мишунин П. Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве // Социалистическая законность. 1956. № 11. С. 7.

³³ Там же. С. 16.

³⁴ Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959. С. 206.

³⁵ Там же. С. 201–205.

ва. Как отмечает А.Д. Макаров, прикосновенность к преступлению – это особая и самостоятельная форма преступной деятельности. Она существенно отличается от соучастия и имеет ряд моментов, которые позволяют объединить укрывательство, недонесение и попустительство в единое понятие прикосновенности к преступлению. К таким моментам он относит следующие:

1) общественно опасная деятельность прикосновенных лиц, не будучи соучастием в преступлении, всегда связана с данным преступлением, поведение прикосновенного лица находится в «касательной связи» с главным преступлением. Связь эту следует считать условной, она очень своеобразна, ее нельзя назвать ни причинной, ни виновной связью;

2) действия прикосновенных лиц не являются и не могут являться причиной преступного результата, главное преступление в таких случаях совершается по причинам, не зависящим от действий прикосновенных лиц. Следовательно, по сравнению с соучастием прикосновенность к одному и тому же преступлению является менее опасной деятельностью, поскольку последняя не находится в причинной связи с фактом совершенного преступления;

3) прикосновенная деятельность всегда связана с преступлениями третьих лиц;

4) в деяниях, связанных с прикосновенностью к преступлению, в отличие от соучастия, отсутствует признак совместности, в т.ч. совместный преступный результат, а также причинная связь между совместными действиями и совместным преступным результатом;

5) между совершением преступления исполнителем и поведением прикосновенного лица отсутствует также виновная связь;

6) ответственность прикосновенных к преступлению лиц является самостоятельной и не зависит от ответственности лиц, виновных в основном преступлении, могут быть случаи, когда к уголовной ответственности привлекается только прикосновенное лицо. Главного же виновника по тем или иным причинам может и не быть (например, при помиловании или смерти).

Таким образом, прикосновенность к преступлению не способствует деятельности ни исполнителя, ни других соучастников, не обуславливает наступление преступного результата (как признак состава преступления), т.е. не находится с ним в причинной связи, не содействует совершающемуся преступлению, хотя в ряде случаев и не препятствует. Это позволяет сделать вывод об их различной юридической природе и необходимости разграничивать данные уголовно-правовые институты³⁶.

П.Ф. Тельнов определял прикосновенность как умышленное деяние, связанное с преступным действием другого лица, но не способствующее

³⁶ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 60–64.

его совершению³⁷. По его мнению, «с соучастием прикосновенность сближается тем, что находится в связи с деянием другого лица. Однако по своим объективным и субъективным признакам она в корне отлична от соучастия. Деяние прикосновенного лица не находится в причинной связи с тем преступлением, по поводу которого оно совершается, не обуславливает этого преступления. Умысел лица не охватывает сознательного содействия другому лицу в совершении преступления. В отсутствии причинной и виновной связи между преступными действиями другого лица и поведением, образующим прикосновенность, – основное различие между соучастием и прикосновенностью к преступлению»³⁸.

Э.А. Саркисова обращает внимание также и на такие признаки прикосновенности к преступлению, как: 1) прикосновенность к преступлению в основном имеет место после совершения преступления; 2) являясь менее опасной формой преступного поведения, она влечет ответственность, в отличие от соучастия, не во всех случаях, а только, как правило, при совершении тяжких или особо тяжких преступлений³⁹.

Г. Баймурзин в качестве одного из необходимых объективных признаков прикосновенности признает «создаваемую в результате такой деятельности реальную возможность наступления общественно опасного последствия в виде действительного воспрепятствования своевременному предупреждению преступления или его раскрытию и наказанию виновного... Деятельность, хотя и возникающая в связи с совершенным преступлением, но не способная создать реальную возможность наступления вредных последствий, не может быть объектом уголовно-правового исследования»⁴⁰.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что сущность прикосновенности к преступлению и ее отличие от соучастия выражаются в признаках, которые целесообразно разделить на основные и дополнительные (производные). При этом основные признаки обязательны для всех форм прикосновенности, отражают ее специфику. Дополнительные признаки связаны с основными, вытекают из них, могут быть присущи не всем проявлениям прикосновенной деятельности, допускается их изменение.

К признакам прикосновенности к преступлению относятся:

1. Действие или бездействие прикосновенного лица всегда связано с преступлением другого субъекта. О недоносительстве, укрывательстве, попустительстве может идти речь лишь при наличии основного преступления (готовящегося, совершаемого, совершенного). Отсюда вытекает в качестве дополнительного признака прикосновенности время действия

³⁷ Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 162.

³⁸ Там же. С. 165.

³⁹ Саркисова Э.А. Прикосновенность к преступлению: проблемы ответственности // Право Беларуси. 2003. № 14(38). С. 54–55.

⁴⁰ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 67.

(бездействия) прикосновенного лица, которое имеет место, как правило, после совершения исполнителем основного преступления (исключение составляют попустительство и недоносительство о готовящемся преступлении). При соучастии в преступлении лицо непосредственно своим деянием совершает или прямо способствует совершению объективной стороны преступления, создает для этого необходимые условия. Поэтому соучастие возможно до начала или в процессе совершения преступления. Лицо, являющееся соучастником в преступлении, не может отвечать за прикосновенность к нему.

2. Для прикосновенности, в отличие от соучастия, не характерна совместность совершения одного преступления двумя или более лицами, когда «действия каждого из соучастников создают в данной конкретной обстановке совершения преступления необходимые условия для действий другого соучастника и когда действия соучастников находятся в причинной связи с преступным результатом или с совершением преступления»⁴¹. Деяние прикосновенного лица не обуславливает, не предопределяет начало и направление поведения исполнителя основного преступления, не создает для него необходимые условия и предпосылки, лицу становится известно о преступлении чаще всего уже после его окончания. Между деянием прикосновенного лица и совершением основного преступления с формальным составом либо наступлением общественно опасных последствий преступления с материальным составом отсутствует причинная связь. Для соучастия в преступлении наличие такой причинной связи обязательно.

Поскольку деяние прикосновенного лица следует за совершением основного преступления, не вызывает напрямую наступление преступного результата и не создает угрозу его наступления, не посягает на общественные отношения, страдающие от основного преступления, то по сравнению с деянием соучастника оно имеет меньшую общественную опасность и наказуемо не всегда, а лишь в случаях, прямо указанных в уголовном законе. «В связи с этим различают две категории прикосновенности – уголовно-социологическую и уголовно-правовую, понимая под первой зараннее не обещанное укрывательство, недоносительство и попустительство применительно к любому преступлению, а под второй – к преступлениям, указанным в законе. Таким образом, если соучастие – это всегда поведение преступное, то прикосновенность признается таковой лишь в отношении наиболее опасных и тяжких преступлений»⁴². Это является дополнительным признаком прикосновенности к преступлению, так как со временем подход законодателя может измениться в сторону установления ответ-

⁴¹ Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959. С. 27.

⁴² Советское уголовное право. Общая часть. М., 1977. С. 286.

ственности за прикосновенность к любому преступлению или расширения круга таких преступлений.

Еще один дополнительный признак прикосновенности к преступлению, связанный с указанным выше, состоит в том, что деяние прикосновенного лица посягает на иной объект, нежели основное преступление. Очевидно, что заранее не обещанное несообщение о совершенном убийстве никаким образом не связано с наступившей смертью потерпевшего, а значит, его объектом не являются общественные отношения по охране жизни человека. Все формы прикосновенности посягают не на объект основного преступления, а создают или способны создать препятствия для нормальной деятельности органов уголовного преследования по пресечению, выявлению, раскрытию, расследованию преступлений. Объектом прикосновенности к преступлению являются интересы правосудия. Что касается соучастия, то деяния всех соучастников направлены на достижение единого преступного результата, т.е. посягают на один объект.

3. При прикосновенности к преступлению не имеется двусторонней виновной связи между деяниями основного преступника и прикосновенного лица, т. е. хотя бы одно из них не осознает общественно опасного характера поведения другого и совместности, взаимной согласованности действий (бездействия) друг друга. Односторонняя виновная связь присутствует, например, в случаях совершения заранее не обещанных недонесения о готовящемся преступлении или попустительства преступлению, когда недонеситель (попуститель) сознает, что своим пассивным поведением может способствовать совершению преступления другим лицом. Однако отсутствие у исполнителя осознания характера оказываемой ему помощи, содействия со стороны прикосновенного лица свидетельствует о самостоятельности формирования у него умысла на совершение преступления и единоличном выполнении его объективной стороны без расчета на чью-либо поддержку. Значит, нельзя говорить о соучастии как об «умышленном совместном участии двух или более лиц в совершении умышленного преступления» (ч. 1 ст. 16 УК). Дополнительное отличие от соучастия состоит в том, что прикосновенность к преступлению характеризуется только прямым умыслом, соучастие же может в некоторых случаях совершаться и с косвенным умыслом (например, при пособничестве).

4. Поскольку деяния исполнителя основного преступления и прикосновенного лица не имеют ни причинной, ни виновной связи, ответственность их носит относительно самостоятельный характер. Соучастники наказываются по одной статье Особенной части УК, содержащей признаки совершенного исполнителем преступления (со ссылкой на Общую часть для определения вида соучастия). Прикосновенное же лицо по этой норме ответственности не несет, его деяние квалифицируется по отдель-

ным статьям Особенной части УК, посвященным формам прикосновенности к преступлению. При решении вопроса об ответственности за прикосновенность учитывается лишь категория основного преступления, поскольку по действующему УК наказуемы недоносительство и укрывательство только тяжких и особо тяжких преступлений. Относительно самостоятельный характер ответственности прикосновенного лица можно назвать дополнительным признаком прикосновенности к преступлению.

Таким образом, деятельность прикосновенных лиц имеет свою существенную специфику, характеризуется указанными выше отличительными чертами, что позволяет с уверенностью говорить о прикосновенности к преступлению как о самостоятельном институте уголовного права. Эта позиция разделяется абсолютным большинством современных белорусских и российских исследователей.

По мнению А.В. Баркова, «нормы уголовного права, определяющие ответственность за недонесение и укрывательство, образуют субинститут прикосновенности к преступлению внутри института уголовно-правовых средств, стимулирующих раскрытие преступления»⁴³. Однако выделенный и изучавшийся им институт уголовно-правовых средств, стимулирующих раскрытие преступления, в отличие от прикосновенности к преступлению, не нашел своего достаточного развития в теории и отражения в уголовном законодательстве, поэтому остановимся на том, что прикосновенность является самостоятельным институтом уголовного права, а не частью какого-либо иного уголовно-правового института. Кроме того, А.В. Барков рассматривал прикосновенность излишне узко, не включая в нее попустительство преступлению, которое наряду с недоносительством и укрывательством традиционно относится к формам прикосновенности.

Вторым неразрешенным вопросом остается определение понятия прикосновенности к преступлению. Существованию различных точек зрения по этому поводу способствует отсутствие единого законодательного определения этого понятия как в действующем УК 1999 года, так и в более ранних советских и белорусских уголовных законах.

И.А. Бушуев дал следующее определение данного понятия: «Прикосновенность к преступлению – это такая умышленная деятельность не принимавших участия в преступлении лиц, которая направлена на сокрытие совершающегося или совершенного другими лицами преступления, а также умышленная бездеятельность, выражающаяся в неоказании помощи органам правосудия в раскрытии преступления и разоблачении преступника»⁴⁴.

Э.А. Саркисова пишет: «Прикосновенность к преступлению – это такое поведение лица, которое препятствует раскрытию совершенного дру-

⁴³ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 15.

⁴⁴ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 40.

гим (другими) лицом (лицами) преступления либо его предотвращению, выраженное в форме заранее не обещанного укрывательства, недоносительства или попустительства преступлению... Исходя из значения «прикосновенности» как «причастности, касательства к чему-либо» прикосновенность к преступлению – это причастность к преступлению»⁴⁵.

В учебной литературе по уголовному праву можно встретить следующие дефиниции: прикосновенность – это умышленная деятельность, связанная с преступлением, совершенным или совершаемым другим лицом, но не обуславливающая его совершение⁴⁶; прикосновенность к преступлению – это умышленная деятельность не принимавших участия в совершении преступления лиц, которая направлена на сокрытие уже совершенного преступления, а равно такое умышленное бездействие лиц, обязанных по закону действовать, которое заключается в недонесении соответствующим органам о преступной деятельности третьих лиц или в невоспрепятствовании такой деятельности. Современные белорусские ученые определяют прикосновенность к преступлению, в частности, как деятельность, которая связана с преступлением другого лица, но, в отличие от соучастия, не содействовала ему и не стояла в причинной связи с преступным результатом⁴⁷.

Г. Виттенберг и П. Панченко различают уголовно-социологическое и уголовно-правовое понятия прикосновенности к преступлению. Первое, по их мнению, включает в себя укрывательство, недонесение и попустительство, совершаемые в отношении любого преступления, причем как умышленно, так и неосторожно и независимо от особенностей субъекта прикосновенности (частное или должностное лицо). Прикосновенность к преступлению как уголовно-правовое понятие значительно уже по объему. Здесь имеется в виду только прикосновенность, совершаемая, как правило, частным лицом, притом только умышленно и лишь в отношении строго определенных законом серьезных преступлений⁴⁸.

Анализ данных формулировок показывает, что в основном они либо сводятся к перечислению основных отличительных признаков прикосновенности с целью отграничить ее от соучастия в преступлении или к указанию на формы прикосновенной деятельности, либо стремятся к сочетанию в одном определении и признаков, и форм прикосновенности. Как уже говорилось, единого мнения у исследователей по этому вопросу нет, фак-

⁴⁵ Саркисова Э.А. Прикосновенность к преступлению: проблемы ответственности // Право Беларуси. 2003. № 14(38). С. 54.

⁴⁶ Советское уголовное право. Общая часть. М., 1977. С. 285.

⁴⁷ Крымінальнае права Беларусі : навуч. дапам. / пад рэд. А.У. Баркова. Мінск, 1997. С. 203; Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В.М. Хомича. Минск, 2002. С. 215.

⁴⁸ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 7–8.

тически сколько раз проводится изучение рассматриваемого уголовно-правового института, столько вариантов определения понятия прикосновенности возникает. Зачастую такие определения носят излишне общий характер. К примеру, П.И. Гришаев относил к прикосновенности деятельность лица, не участвующего в совершении преступления, которая связана в определенной степени с совершенным преступлением, но при этом не является содействием совершению преступления⁴⁹. Очевидно, что такое положение не привносит ясности в понимание сущности прикосновенности к преступлению, ее содержания и значения. В связи с этим настоятельно необходимо законодательное решение данного вопроса.

Подобные идеи неоднократно высказывались и ранее. Так, А.В. Зарубин в целях повышения эффективности уголовно-правового регулирования прикосновенности к преступлению предлагает дополнить УК РФ статьей, определяющей понятие и формы прикосновенности к преступлению:

«Статья 36¹. Ответственность за прикосновенность к преступлению.

1. Под прикосновенностью к преступлению понимается умышленная деятельность, препятствующая применению мер уголовно-правового воздействия за совершение основного посягательства при отсутствии признаков соучастия в нем. Ответственность за прикосновенность наступает по статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

2. Заранее не обещанным укрывательством признается деяние по сокрытию лица, совершившего общественно опасное посягательство, содержащее признаки тяжкого или особо тяжкого преступления, средств, орудий или следов его совершения, либо предметов, приобретенных в результате совершения этого посягательства.

3. Заранее не обещанным попустительством признается невоспрепятствование приготовлению и совершению общественно опасного посягательства лицом, обязанным и имевшим возможность принятия необходимых для предотвращения или прекращения этого посягательства мер.

4. Заранее не обещанным несообщением признается непредставление лицом, имеющим достоверную информацию о совершаемом или совершенном общественно опасном посягательстве в органы власти, уполномоченные на раскрытие и расследование преступлений»⁵⁰.

Е.В. Пономаренко идет далее и обосновывает необходимость сформировать в Общей части УК самостоятельную главу, посвященную прикосновенности к преступлению, состоящую из четырех статей: понятие прикосновенности, ее формы, укрывательство и неоказание помощи правосу-

⁴⁹ Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959. С.200.

⁵⁰ Зарубин А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Тюмень, 2004. С. 171.

дию (недоносение). Причем в Особенной части должны сохраниться нормы о недоносительстве и укрывательстве⁵¹.

Данные предложения, несомненно, заслуживают пристального внимания и обсуждения, однако представляются не бесспорными. Следует согласиться с А.В. Зарубиным в части отнесения к прикосновенной деятельности лишь заранее не обещанных укрывательства, недоносительства и попустительства преступлению. Те же деяния, обещанные заранее (до или во время совершения основного преступления), следует квалифицировать как соучастие в преступлении в виде интеллектуального пособничества. Приведенная точка зрения имеет как своих сторонников, так и множество противников, а вопрос об отнесении заранее обещанного недоносительства и заранее обещанного попустительства преступлению к соучастию вызывает острые дискуссии и будет детально рассмотрен далее.

Не вызывает также возражений и то, что соответствующая норма должна быть помещена в Общей части уголовного закона. Это объясняется спецификой прикосновенной деятельности, которая, как и соучастие, может иметь место в отношении практически любого преступного деяния, указанного в Особенной части УК, а, как известно, нормы Общей части тем и характеризуются, что они распространяют действие, применимы ко всем конкретным составам преступлений.

Вместе с тем нельзя однозначно согласиться с формулировкой предлагаемой А.В. Зарубиным нормы. Во-первых, нет необходимости в Общей части УК дублировать определение понятий отдельных форм прикосновенности, которые даны в статьях Особенной части УК Республики Беларусь (за исключением попустительства преступлению). Во-вторых, выражение «деятельность, препятствующая применению мер уголовно-правового воздействия за совершение основного посягательства» достаточно неопределенно и может толковаться весьма широко (практически все деяния, запрещенные главой 34 УК Республики Беларусь «Преступления против правосудия», в большей или меньшей степени препятствуют применению такого рода мер), а поэтому не отражает специфику прикосновенности к преступлению. В-третьих, поскольку имеется некоторое сходство между прикосновенностью к преступлению и соучастием в нем, необходимо в первую очередь провести разграничение между этими институтами уголовного права, что легче сделать, поместив нормы о них в одной статье. Нецелесообразно также в Общую часть УК включать отдельную главу, половина норм которой (о недоносительстве и укрывательстве) будет отсылать к Особенной части.

⁵¹ Пономаренко Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2007. С.18.

С учетом сказанного возможно дополнение ст. 16 УК Республики Беларусь частями 10 и 11 следующего содержания:

«10. Не является соучастием в преступлении и не влечет ответственность со ссылкой на настоящую статью умышленное деяние (действие или бездействие) лица, которое не участвовало совместно с другими лицами в совершении преступления и не способствовало его совершению, выразившееся в заранее не обещанном укрывательстве преступления, недонесении о преступлении либо попустительстве преступлению, совершенному другим лицом (прикосновенность к преступлению).

11. Ответственность за прикосновенность к преступлению наступает лишь в случаях, прямо предусмотренных в Особенной части настоящего Кодекса».

Соответственно название ст. 16 УК должно быть изменено на «Соучастие в преступлении и прикосновенность к преступлению», а в части 6 данной статьи следует дополнительно указать такие формы пособничества, как заранее обещанное недонесение о преступлении и заранее обещанное попустительство преступлению, о чем речь пойдет в следующей главе.

1.3. Формы прикосновенности к преступлению

Обращаясь к рассмотрению отдельных преступных деяний, признаваемых прикосновенностью, можно назвать следующие основные проблемы, требующие разрешения:

во-первых, необходимо определиться с терминологией, установить, являются ли проявления прикосновенности к преступлению ее видами или формами;

во-вторых, выделить те деяния, которые запрещены законодателем в УК и относятся к институту прикосновенности к преступлению;

в-третьих, обозначить основные направления совершенствования уголовного законодательства в части установления круга деяний, являющихся прикосновенностью к преступлению.

Недостаточное урегулирование уголовным законом института прикосновенности к преступлению приводит к тому, что до настоящего времени нет определенности в указании четкого перечня общественно опасных деяний, относящихся к ней. Более того, в литературе не наблюдается единства в выборе понятия, которым обозначались бы такие деяния. Неко-

торые авторы говорят о формах прикосновенности к преступлению⁵², другие – о ее видах⁵³, а третьи употребляют данные понятия как равнозначные⁵⁴. Представляется более предпочтительным использование термина «формы» применительно к отдельным действиям (бездействию) прикосновенных к преступлению лиц.

Форма (от лат. forma) – способ организации и способ существования предмета, процесса, явления⁵⁵. Все формы прикосновенной деятельности характеризуются одинаковыми, объединяющими их и выражающими специфику этого института уголовного права признаками. Различаются они между собой именно по особенностям внешнего проявления, способу совершения общественно опасного деяния, т.е. по объективной стороне составов этих преступлений.

Формами, а не видами прикосновенности к преступлению были названы заранее не обещанное укрывательство преступлений и недонесение о преступлениях в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 года № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте завещанного похищенного имущества»⁵⁶.

Наиболее распространенным является мнение о выделении по объективным признакам трех форм прикосновенности к преступлению: укрывательства, дононосительства и попустительства. Можно также встретить точку зрения, согласно которой прикосновенностью признается лишь укрывательство и дононосительство.⁵⁷ В основном это связывается с отсутствием в Уголовном кодексе отдельной нормы, предусматривающей ответственность за попустительство.

Попустительством признается бездействие лица, имеющего возможность собственными усилиями или с помощью граждан, учреждений предотвратить совершаемое преступление⁵⁸. В УК нет общего правила, ре-

⁵² Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г.А. Кригера [и др.]. М., 1981. С. 277; Советское уголовное право: Часть Общая. Учебник. М., 1982. С. 241; Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 94.

⁵³ Советское уголовное право. Общая часть. М., 1977. С. 286; Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 162; Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : практ. пособие / А.А. Примаченок. Минск, 2001. С. 24; Пономаренко Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2007. С. 19.

⁵⁴ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 70.

⁵⁵ Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1970. Т. 5. С. 383.

⁵⁶ Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.). М., 1987. С. 685.

⁵⁷ Раал Э. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тарту, 1956. С. 8–9; Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 336–337; Пономаренко Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2007. С. 19.

⁵⁸ Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1982. С. 244.

гламентирующего ответственность за попустительство. К уголовной ответственности за эту форму прикосновенности лицо может привлекаться в тех случаях, когда оно по закону или служебному положению было обязано предотвращать и пресекать преступление. Частное лицо может отвечать за недоносительство, если оно не только попустительствует совершению преступления, но и не сообщает о нем. Следовательно, от укрывательства и недоносительства попустительство отличается тем, что совершается только специальным субъектом. Кроме того, от укрывательства, всегда выражающегося в активных действиях, попустительство отличается пассивной формой поведения, бездействием.

Законодательное определение понятия попустительства преступлению применительно к составу бездействия должностного лица (ст. 425 УК) дается в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 года № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (стст. 424–428 УК)». Попустительством преступлению является умышленное невоспрепятствование должностным лицом готовящемуся или совершаемому преступлению при условии, что данное должностное лицо в соответствии с его полномочиями обязано было и могло это сделать. Исходя из данного определения и содержания деяния при попустительстве, следует все же относить его к формам прикосновенности. Бездействие попустителя, как и деяния укрывателя и недоносителя, причинно и виновно не обуславливают совершение основного преступления, но способны затруднить его пресечение и выявление.

Конкретными видами уголовно-наказуемого попустительства в литературе предлагается признавать: 1) предусмотренное ст. 425 УК бездействие должностного лица в тех случаях, когда должностное лицо, на котором лежит обязанность препятствовать совершению определенных преступлений, умышленно не делает этого; 2) предусмотренное ст. 159 УК неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, когда эта опасность возникла в результате преступления, совершаемого другим лицом⁵⁹. Статья 425 УК является единственной нормой уголовного закона, в которой термин «попустительство» используется для обозначения преступного деяния, поэтому признание запрещенного ею бездействия при наличии соответствующих признаков прикосновенностью к преступлению вполне обоснованно и не вызывает возражений. Сомнения возникают в связи с отнесением к попустительству преступлению такого состава, как оставление в опасности.

В ч. 1 ст. 159 УК объективная сторона оставления в опасности определена как неоказание лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, необходимой и явно не терпящей отлагательства помощи, если она

⁵⁹ Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г.А. Кригера [и др.]. М., 1981. С. 280.

заведомо могла быть оказана виновным без опасности для его жизни или здоровья либо жизни или здоровья других лиц, либо несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи. Сторонники отнесения рассматриваемого состава преступления к попустительству отмечают, что «в норме об оставлении в опасности не конкретизированы источники опасности (следовательно, ими могут быть и преступные посягательства). Поскольку главное назначение указанных норм состоит в том, чтобы обезопасить жизнь человека, откуда бы опасность ни исходила, то эти нормы будут вполне отвечать своему назначению, если их действие будет распространяться и на случаи невоспрепятствования угрожающим жизни человека преступным посягательствам»⁶⁰. Вместе с тем опасное для жизни потерпевшего состояние не обязательно должно быть вызвано совершением в отношении его преступления. Может быть множество иных причин, с которыми связано наличие реальной угрозы для жизни человека. Общественная опасность бездействия заключается при этом, прежде всего, в непринятии мер по спасению жизни человека, когда отсутствие безотлагательной помощи может привести к смерти потерпевшего (на что и указано в приведенной цитате), и лишь в некоторых случаях такое бездействие может параллельно потворствовать совершению преступления. Попустительство, как указывалось, возможно только в отношении готовящегося или совершаемого преступления. В ст. 159 УК речь идет об уже существующей реальной угрозе для жизни человека, из чего можно сделать вывод о том, что преступление, послужившее источником опасности, уже окончено или прервано на стадии покушения. В первом случае попустительство отсутствует по определению. Во втором – оказание помощи потерпевшему может представлять угрозу для лица, так как связано с пресечением совершаемого в данный момент преступления, посягающего на жизнь человека. А здесь уже нет состава оставления в опасности. Следовательно, случаи совпадения в одном бездействии признаков оставления в опасности и попустительства к преступлению сводятся к единичным ситуациям, когда лицо не сообщает надлежащим учреждениям о совершаемом преступлении, ставящем в опасность жизнь потерпевшего.

В судебной практике деяние пассивно наблюдающего за совершением другим лицом убийства также не расценивается как оставление в опасности. Так, за недонесение о совершенном особо тяжком преступлении по ч. 1 ст. 406 УК был осужден гр-н М., который стал очевидцем совершения группой лиц убийства с особой жестокостью. Он находился в квартире, где произошло преступление, присутствовал при нанесении потерпевшему первого удара ножом в живот, видел, как виновные потом расчленили

⁶⁰ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 31.

труп. Как указано в приговоре, сам он в совершении преступления и укрывательстве его следов участия не принимал. После убийства его угощали мясом, однако о том, что это мясо человека, М. не догадывался⁶¹.

В связи со сказанным оставление в опасности нельзя рассматривать как разновидность попустительства преступлению, оно правильно отнесено законодателем к преступлениям против человека, поскольку в первую очередь создает угрозу для общественных отношений по обеспечению неприкосновенности и безопасности жизни и здоровья человека. Виновный несет ответственность не за невоспрепятствование совершению преступления, а за непредотвращение смерти человека при наличии к тому возможности. Оставление в опасности по объективной стороне охватывает большой круг уголовно наказуемых деяний, попустительство может быть одним из проявлений оставления в опасности, сопутствовать ему, а не наоборот. С учетом нормы ст. 2 Конституции Республики Беларусь (признание человека, его прав, свобод и гарантий их реализации высшей ценностью и целью общества и государства) можно согласиться с предложением А.Д. Макарова об установлении в уголовном законодательстве ответственности за попустительство преступлениям против физической неприкосновенности человека любых лиц, не препятствующих совершению преступления своими действиями или вызовом помощи, если они имели возможность это сделать без риска для себя или других лиц⁶².

В соответствии с уголовным законодательством Республики Беларусь прикосновенностью к преступлению признаются не всякое укрывательство и попустительство, а только заранее не обещанные. В отношении попустительства такой вывод вытекает из смысла упоминавшегося п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 года № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (стст. 424–428 УК)», в соответствии с которым заранее обещанное со стороны должностного лица попустительство совершению преступления квалифицируется по совокупности как бездействие должностного лица и соучастие (в виде пособничества) в совершении соответствующего преступления. Если попустительство было заранее обещано лицу, совершающему или намеревающемуся совершить преступление, оно становится в причинную связь с готовящимся или совершаемым преступлением, создает необходимые и существенные условия для его выполнения и потому является соучастием в преступлении.

Разграничение заранее обещанного и заранее не обещанного укрывательства проводится в самом уголовном законе: в ч. 6 ст. 16 УК к пособи-

⁶¹ Архив Минского городского суда за 2001 г. Дело № 2/74.

⁶² Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 141.

кам отнесены лица, заранее обещавшие скрыть преступника, орудия или средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а по ст. 405 УК наказуемо лишь заранее не обещанное укрывательство.

Что касается недонесения о преступлении, то наблюдается иной подход в правовом регулировании. Уголовный закон не рассматривает заранее данное обещание не сообщать о преступлении как соучастие. В литературе мнения по этому вопросу неоднозначны. Практика идет по пути непризнания такого поведения соучастием, хотя в условиях распространения преступлений террористической направленности, а также иных особо тяжких преступлений, связанных с посягательством на жизнь человека, этот вопрос представляется проблематичным⁶³. Он требует самого тщательного изучения, так как, с одной стороны, в условиях общей тенденции к гуманизации уголовного законодательства необходимо избежать необоснованного расширения круга соучастников, с другой – недопустимо также в нарушение принципа справедливости не признавать пособниками и излишне мягко наказывать лиц, своими деяниями фактически содействовавших совершению преступления.

Решение вопроса о том, является заранее обещанное недонесение о преступлении прикосновенностью к преступлению или соучастием в нем, зависит от того, характерные особенности какой из этих форм преступной деятельности в большей мере присущи рассматриваемому виду недонесительства. Проводимые в этой области исследования в основном и сводятся к тому, чтобы сделать сравнительный анализ признаков соучастия и заранее обещанного недонесительства, на базе чего доказать наличие или отсутствие в последнем отличительных объективных и субъективных черт первого. Обратимся в связи с этим к тому, как обосновывают свою позицию авторы, не признающие заранее обещанное недонесительство соучастием в преступлении.

От соучастия недонесение отличается тем, что оно, будучи бездействием, даже если речь идет о несообщении о готовящемся преступлении, существенно не способствует совершению преступления и не находится с ним в причинной связи. В соответствии с законом, дающим исчерпывающий перечень видов соучастия, к последнему не может быть отнесено и заранее обещанное недонесение, поскольку оно также не вносит требуемого вклада в совместную преступную деятельность соучастников⁶⁴.

И.А. Бушуев не признавал правильным мнение о том, что заранее обещанное недонесение должно рассматриваться как соучастие в преступ-

⁶³ Саркисова Э.А. Прикосновенность к преступлению: проблемы ответственности // Право Беларуси. 2003. № 14(38). С. 56.

⁶⁴ Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г.А. Кригера [и др.]. М., 1981. С. 279.

лении, так как «оно прежде всего противоречит закону, который не различает заранее обещанного и заранее не обещанного недонесения о преступлении. Кроме того, по существу заранее обещанное недонесение не может рассматриваться как соучастие в преступлении, так как при заранее обещанном недонесении лицо не обещает исполнителю ни содействия в совершении преступления, ни содействия в сокрытии преступления или самого преступника, т.е. между действиями недоносителя и исполнителя нет причинной связи, которая обязательна при соучастии»⁶⁵.

Являясь противником отнесения заранее обещанного недонесения о преступлении к соучастию, П.И. Гришаев, в свою очередь, основывается на том, «что виновное лицо не обещает оказать содействие ни совершению преступления, ни сокрытию преступника, ни сокрытию следов преступления. Иными словами, недоноситель не обещает стать сообщником исполнителя в будущем, как это имеет место при заранее обещанном укрывательстве. Он только обещает по тем или иным соображениям остаться безучастным к преступлению, которое будет совершено исполнителем, и не донести о нем органам власти. Вряд ли такое по существу молчаливое одобрение преступного замысла преступника можно расценивать как соучастие, как поведение, находящееся в причинной связи с преступлением, совершенным исполнителем. В подобных случаях недоноситель не совершает никакой совместной деятельности с исполнителем. Следовательно, здесь отсутствуют необходимые объективные признаки соучастия. Предложение о том, чтобы считать соучастниками таких лиц, которые связаны только общностью мыслей, является неприемлемым для... уголовного права»⁶⁶.

П.Ф. Тельнов, разделяя указанную позицию, ссылается для ее обоснования на нормы законодательства, в соответствии с которым такое недонесение не может считаться пособничеством. Также автор обращает внимание на то, что пособничество при любом способе его осуществления означает содействие совершению преступления по объективным и субъективным признакам. Обещание же недоносительства, невмешательства в преступное событие не может превращаться в реальное содействие преступлению (кроме случаев, когда на лицо возложена юридическая обязанность предупреждать преступление)⁶⁷.

Итак, аргументы против признания заранее обещанного недонесения о преступлении соучастием можно свести к следующему:

1) в уголовном законодательстве содержится исчерпывающий перечень видов соучастия в преступлении, в числе которых заранее обещанное недонесение среди способов пособничества не названо;

⁶⁵ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 95.

⁶⁶ Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959. С. 223–224.

⁶⁷ Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 99.

2) в заранее обещанном недоносительстве отсутствуют объективные признаки соучастия в преступлении: совместность деятельности лиц, причинная связь между обещанием недоносителя и совершением преступления исполнителем, наступлением преступного результата;

3) являясь бездействием, недоносение о преступлении, даже заранее обещанное, в отличие от заранее обещанного укрывательства не может оказать существенное содействие совершению основного преступления.

Аргумент, что заранее обещанное недоносение нельзя считать соучастием в преступлении, поскольку это не предусмотрено действующим уголовным законодательством, нельзя признать веским. Действительно, в УК Республики Беларусь не проводится деления недоносительства на заранее обещанное и заранее не обещанное, ответственность за то и другое наступает по ст. 406 УК. Не отнесено к соучастию в преступлении заранее обещанное недоносение о преступлении и в уголовных законах других государств. Например, по ст. 181 УК Эстонской Республики наказуемо «недоносение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении первой степени, независимо от того, было ли недоносение заранее обещано»⁶⁸. В УК Украины вовсе не предусмотрена уголовная ответственность за недоносительство, а в ч. 7 ст. 27 «Виды соучастников» прямо закреплено, что «не является соучастием обещанное до окончания совершения преступления недоносение о достоверно известном готовящемся или совершаемом преступлении. Такие лица подлежат уголовной ответственности лишь в случаях, если совершенное ими деяние содержит признаки иного преступления»⁶⁹. Однако не стоит забывать, что законодательство постоянно находится в развитии, всегда есть возможности для его совершенствования, внесения изменений с целью повышения эффективности правового регулирования. Отсутствие в уголовном (или любом ином) законе какой-либо нормы не говорит о том, что такое положение является абсолютно правильным и не изменится в будущем. Примером тому может быть отнесение к пособничеству заранее обещанного укрывательства преступлений. Не вызывающая ныне возражений и сомнений соответствующая норма ч. 6 ст. 16 УК Республики Беларусь еще в середине прошлого столетия породила ожесточенные споры среди криминалистов.

К примеру, М. Меркушев выступал противником деления укрывательства на заранее обещанное и заранее не обещанное, видя в этом предложение «судить о человеке по его словам (заранее обещал укрыть, хотя мог и не исполнить), а не по его делам (хотя и не обещал, но в действительности укрыл)»⁷⁰. Такое положение, по его мнению, во-первых, «защи-

⁶⁸ Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб., 2001. С. 191.

⁶⁹ Уголовный кодекс Украины. СПб., 2001. С. 30.

⁷⁰ Меркушев М. Ответственность за укрывательство. К проекту Уголовного Кодекса СССР // Социалистическая законность. 1955. № 1. С. 19.

щает укрывателей тяжких преступлений» (оказав заранее не обещанную фактическую помощь преступнику, они должны отвечать наравне с основным преступником, заранее же не обещанное укрывательство является «значительно смягченной характеристикой совершенного деяния»).

Во-вторых, это значительно осложняет следствие, поскольку весьма проблематично, а в ряде случаев невозможно, доказать факт заранее данного укрывателем обещания, следовательно, «некоторые случаи действительно заранее обещанного укрывательства будут рассматриваться, в силу невозможности доказать обещание заранее, как укрывательство, заранее не обещанное».

В-третьих, «факт привлечения исполнителем укрывателя заранее, как и факт привлечения исполнителем укрывателя после совершения преступления, характеризует исполнителя, а не укрывателя. Исполнитель, заранее договорившийся с укрывателем, представляет большую социальную опасность и будет нести ответственность вместе с укрывателем за квалифицированный состав преступления – по признаку совершения преступления организованной группой, если такой состав преступления предусмотрен уголовным законом. Исполнитель же, заранее не договаривавшийся с укрывателем, представляет по сравнению с предыдущим меньшую социальную опасность и будет нести ответственность вместе с укрывателем за простой состав». Это связано с тем, что содержание деятельности обоих укрывателей в таком случае одинаково, они совершают те же действия, «и признак времени: когда тот или иной субъект принял решение совершить данный поступок... не меняет сущности самого поступка»⁷¹. В связи со сказанным М. Меркушев предлагал не выделять два вида укрывательства, а предусмотреть ответственность за него в одной статье УК.

Такой взгляд на укрывательство разделял и П. Мишунин, который писал: «Конечно, действия укрывателей или лиц, продающих похищенное имущество и вступивших в преступную связь с исполнителем заранее, т.е. по предварительному сговору, еще до того, как совершено преступление, будут представлять большую общественную опасность, чем подобные же действия без предварительного сговора и после того, как преступление уже фактически совершено исполнителем. Суды должны учитывать все это при назначении наказания. Но заранее данное исполнителю обещание не должно влиять на квалификацию состава преступления укрывателей. Как заранее обещанное, так и заранее не обещанное укрывательство должно рассматриваться в качестве пособничества»⁷². Как известно, в настоящее время данная позиция не нашла широкой поддержки и отражения в законе,

⁷¹ Меркушев М. Ответственность за укрывательство. К проекту Уголовного Кодекса СССР // Социалистическая законность. 1955. № 1. С. 22.

⁷² Мишунин П. Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве // Социалистическая законность. 1956. № 11. С. 12–13.

хотя строгое разграничение этих видов укрывательства было закреплено только в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1958 г.).

Если в отношении разделения укрывательства на заранее обещанное (соучастие в преступлении) и заранее не обещанное (прикосновенность к преступлению) в законодательстве и науке утвердился единый подход, то о недоносительстве этого сказать нельзя. Наибольшие споры, наверное, вызывает вопрос о наличии причинной связи как обязательного признака соучастия между обещанием, данным недоносителем, и преступным результатом.

А. Арутюнов, опираясь на системную теорию соучастия, под причинной связью в соучастии в преступлении понимает объективно существующую генетическую связь между общественно опасными деяниями соучастников (системой) и наступившими последствиями, когда деяния являются системной причиной, а последствия с необходимостью (но не случайно) закономерно вытекают именно из этих деяний как результат действия системы. При этом различные действия соучастников, сведенные в единое целое – систему, приобретают качественно иные свойства, не характерные для действий отдельных лиц, и становятся системной причиной наступившего преступного результата. Понятно поэтому, что действия отдельного соучастника, даже исполнителя, не могут с необходимостью вызвать преступный результат⁷³. Отсюда справедливо утверждение, что «если недоносительство является одним из условий совершения исполнителем преступления, то в таких случаях его необходимо рассматривать в качестве интеллектуального пособничества»⁷⁴.

Г. Баймурзин считает, что наличие или отсутствие предварительного обещания следует рассматривать в качестве объективного критерия при отграничении всех форм прикосновенности от соучастия. При этом «в причинной связи с совершением преступления находится обещание лица не воспрепятствовать совершению преступления, не донести о нем в органы власти, помочь преступнику в дальнейшем в укрывании преступления либо в реализации его плодов... Обещание субъекта, включаясь в качестве одного из звеньев в общую причинную цепь, завершающуюся причинением общественно опасного последствия, можно было бы рассматривать как самостоятельное действие, образующее интеллектуальное пособничество вне зависимости от того, будет ли это обещание реализовано в дальнейшем или нет»⁷⁵. Это же видим и у Ф.Г. Бурчака: «При таком обещании в расчет исполнителя вводится дополнительный фактор, способный склонить его к преступной деятельности, – надежда на то, что его укроют, о нем не доне-

⁷³ Арутюнов А. Причинная связь в соучастии // Право и образование. 2002. № 5. С. 175.

⁷⁴ Мишунин П. Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве // Социалистическая законность. 1956. № 1. С. 13.

⁷⁵ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 56–57.

сут, ему не будут препятствовать. Поэтому для привлечения к ответственности интеллектуального пособника, воздействовавшего на исполнителя заранее данным обещанием скрыть преступление, не сообщать о нем органам власти или не препятствовать его совершению, не обязательно устанавливать, выполнил ли он это обещание. Свою роль в совершаемом в соучастии преступлении он уже выполнил – укрепил решимость исполнителя к действию»⁷⁶. Таким образом, заранее не обещанное недонесение находится в причинной и виновной связи с преступлением, совершенным исполнителем и другими соучастниками. Оно способствует совершению и посягает на тот же объект, что и основное преступление, ибо причинная связь как объективный признак соучастия может обуславливаться не только физическими действиями, но и психическим воздействием на сознание исполнителя. Обещание не донести укрепляет у преступника надежду уйти от разоблачения, ослабляет сдерживающие мотивы и тем самым стимулирует намерение совершить преступление⁷⁷.

Интересен подход к данному вопросу А.П. Козлова, который не оспаривает в этом случае факт укрепления решимости у другого лица на совершение преступления, но считает, «что этот момент, не являясь господствующим, не создает пособничества, поскольку главным в нем остается оказание помощи в совершении преступления, а вот данной функции в недонесении... нет»⁷⁸. В то же время сущностью интеллектуального пособничества, по мнению автора, является «прямое воздействие пособника на сознание лица, за которым скрываются определенные реалии, объективные факторы»⁷⁹. Он выделяет отдельную группу интеллектуального пособничества, включающую в себя заранее обещанное укрывательство, а также заранее обещанное приобретение и заранее обещанный сбыт предметов, добытых преступным путем. «Их объединяет то, что определенного рода деятельность (укрывательство, приобретение, сбыт) существует как возможность, обращена в будущее. Соучастник, которому пособник помогает, совершает свои действия под воздействием лишь обещания будущего поведения, питая надежды на будущую физическую помощь. Именно поэтому пособничество считается осуществленным после такого обещания, именно поэтому оно признается интеллектуальным»⁸⁰. Отсюда сомнительным представляется утверждение о признании «главным моментом» пособничества факта оказания пособниками помощи другому лицу непосредственно в совершении преступления. Непонятен категорический отказ А.П. Козлова признавать интеллектуальным пособничеством заранее обещанное недонесение, кото-

⁷⁶ Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев, 1986. С. 153.

⁷⁷ Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия : учеб. пособие. М., 1978. С. 93.

⁷⁸ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 148.

⁷⁹ Там же. С. 152.

⁸⁰ Там же. С. 157.

рое также обращено в будущее и характеризуется прямым воздействием на сознание исполнителя основного преступления.

Можно предположить, что основное отличие от интеллектуального пособничества видится в том, что заранее обещанное недонесение не связано с готовностью оказать в будущем именно физическую помощь виновному. Попробуем опровергнуть эту позицию словами ее же авторов. Так, П.И. Гришаев, рассматривая заранее обещанное укрывательство как соучастие, отмечает: «Если укрывательство было обещано заранее, то независимо от того, будет выполнено это обещание или нет, оно уже содействует совершению преступления, способствует укреплению преступного замысла у исполнителя преступления. Заручившись предварительным согласием укрывателя, исполнитель смелее и увереннее доводит преступный замысел до конца, зная о том, что после совершения преступления он найдет помощь и поддержку. Исполнитель рассматривает такого укрывателя как сообщника. Само же лицо, давшее предварительное обещание укрыть исполнителя или следы совершенного им преступления, также смотрит на него как на своего сообщника, сознавая, что исполнитель без его помощи и содействия, возможно, не совершил бы преступления»⁸¹. Представляется, что все сказанное в полной мере можно отнести и к заранее обещанному недонесению о преступлении. В той же степени, что и заранее обещанное укрывательство, полученное обещание не сообщить о преступлении способно стать последним доводом в пользу совершения преступления исполнителем, рассматриваться им как будущая помощь в уклонении от ответственности. При этом оба лица сознают, что одно из них (недоноситель) содействует другому (исполнителю) в совершении преступления.

П.Ф. Тельнов, давая характеристику заранее обещанного укрывательства, утверждает следующее: «Здесь обязательно именно это обещание, как способ умышленного укрепления решимости другого лица совершить преступление. Поэтому, если по каким-либо причинам после совершения исполнителем своих действий лицо не выполнит обещанного ему укрывательства, пособничество не исключается»⁸². По его мнению, общим для всех способов интеллектуального пособничества является то, что они обеспечивают лицо, решившее совершить преступление, необходимыми сведениями, носят информационный характер и воздействуют на сознание и волю виновного. Осуществляется оно только путем действия. Очевидно, что заранее обещанное недонесительство также носит исключительно информационный характер, может выступать как способ умышленного укрепления решимости другого лица совершить преступление.

⁸¹ Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959. С. 212–213.

⁸² Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 95.

Что касается признания пособничеством только активных действий, то М.Х. Хабибуллин по этому поводу замечает: «При заранее обещанном недонесении речь идет не о молчаливом одобрении преступного замысла исполнителя, а о ясно выраженном обещании будущему исполнителю не сообщать в соответствующие органы о готовящемся или совершенном преступлении. Обещание не донести укрепляет у преступника надежду уйти от разоблачения и стимулирует намерение совершить преступление»⁸³. Т.И. Косарева также считает, что пособничество возможно только в активной форме, то есть путем действий, но при этом подчеркивает, что бездействие в юридическом смысле также может содействовать совершению кем-то преступления. Однако подобные ситуации не образуют пособничества как разновидности совместной преступной деятельности, поскольку не отвечают признакам соучастия. Даже в случае, если лицо заранее обещало преступнику воздержаться от каких-либо действий, оно становится пособником не из-за обещанного бездействия, а из-за действия, выразившегося в обещании⁸⁴. По мнению автора, «нет ничего крамольного в отнесении к пособничеству заранее обещанного недонесения. По своей сути оно ничем не отличается от заранее обещанного укрывательства, которое законодатель рассматривает как способ пособничества»⁸⁵. Заранее обещанное недонесение способно оказывать мотивирующее воздействие на поведение преступника. Когда при совершении преступления лицо обладает информацией о том, что о содеянном не будет сообщено в правоохранительные органы, оно действует более уверенно.

Кроме того, такое обещание может в ряде случаев влиять на квалификацию деяния исполнителя основного преступления, что прямо предусмотрено в законодательстве. Так, в соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 года № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищении имущества» похищение имущества не является открытым (грабежом), если совершено в присутствии лиц, со стороны которых у виновного не было оснований опасаться противодействия и разоблачения. Отсутствие боязни разоблачения может быть связано и с заранее полученным исполнителем обещанием другого лица не сообщать о преступлении соответствующим органам. В данной ситуации такого рода обещание предопределяет квалификацию содеянного исполнителем по ст. 205 УК, т.е. как кражи, а не грабежа. Как должно при этом оцениваться заранее данное обещание не донести о совершенном преступлении? Согласно ст. 406 УК ответ-

⁸³ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 33.

⁸⁴ Косарева Т.И. Пособничество совершению преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2004. С. 70–71.

⁸⁵ Там же. С. 82.

ственность наступает лишь за недонесение о достоверно известном совершенном особо тяжком преступлении (ч. 1) либо о достоверно известном готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении (ч. 2). Исходя из критериев выделения категорий преступлений, содержащихся в ст. 12 УК, и руководствуясь санкциями ст. 205 УК, можно сделать вывод, что недонеситель в этом случае понесет ответственность лишь при совершении кражи в крупном размере (ч. 3 ст. 205 УК), организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 205 УК). Причем при условии, что сам недонеситель будет осознавать наличие указанных квалифицирующих признаков в готовящемся преступлении. Таким образом, лицо, имеющее непосредственное отношение к совершению преступления, в большинстве случаев останется безнаказанным. При признании же заранее обещанного недонесения соучастием в преступлении оно подлежало бы ответственности как пособник совершению кражи.

Представляется, что заранее обещанное недонесение является соучастием в преступлении в виде интеллектуального пособничества, так как характеризуется всеми его обязательными признаками. Объективные признаки соучастия при заранее обещанном недонесении о преступлении выражаются в следующем:

- в преступлении участвуют как минимум два вменяемых, достигших возраста уголовной ответственности лица – исполнитель преступления и недонеситель о нем;
- совместность в деяниях указанных лиц состоит в том, что данное недонесителем обещание является необходимым условием совершения преступления исполнителем, укрепившим решимость последнего действовать, без которого преступные намерения не были бы реализованы;
- поскольку без полученного обещания не сообщить о преступлении исполнитель не совершил бы его, постольку существует непосредственная причинная связь между этим обещанием и преступными последствиями, наступившими в результате деяния исполнителя.

Виновная связь при этом заключается в том, что недонеситель осознает общественно опасный характер собственного деяния и характер готовящегося или совершаемого исполнителем преступления, а также факт содействия своим обещанием совершению исполнителем преступления, предвидит единый результат, желает или сознательно допускает его наступление.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 года № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» укрывательство преступления, а также приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, признавались соучастием, если эти действия были обещаны исполнителю до или

во время совершения преступления либо по другим причинам (например, в силу систематического их совершения) давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие⁸⁶. Следовательно, и недонесение о преступлении будет считаться заранее обещанным, если договоренность была достигнута до или во время совершения преступления.

Заранее обещанное недонесение о преступлении не рассматривается некоторыми авторами как соучастие в преступлении из-за его меньшей общественной опасности по сравнению с другими способами пособничества преступлению. Так, Г. Виттенберг и П. Панченко, признавая заранее обещанное недонесительство пособничеством преступлению по признаку устранения препятствий к совершению преступления, в то же время заявляют, что «причина здесь не достигает того уровня, который может считаться достаточным для признания недонесения «полноценным» объективным признаком соучастия»⁸⁷. С учетом наличия всех остальных обязательных признаков соучастия указанное обстоятельство не может быть поводом к непризнанию заранее обещанного недонесения соучастием в преступлении. А.А. Пионтковский предложил, чтобы в отдельных случаях за малозначительностью такое недонесение могло и не влечь уголовной ответственности⁸⁸. То же видим у А.Б. Сахарова, считающего, что, поскольку «действительная роль такого обещания в формировании преступной решимости исполнителя может быть различна, в том числе и незначительна, в таких случаях ответственность должна отпадать в силу малозначительности совершенного деяния, равно как это должно иметь место, когда обещание недонесения касалось малоопасного преступления... Но когда заранее данное обещание не сообщать о готовящемся преступлении имело существенное значение для укрепления решимости виновного выполнить задуманное, когда оно приобрело характер некоторого сговора, нет оснований отказываться от квалификации содеянного как соучастия»⁸⁹.

Г.М. Шур придерживается точки зрения, согласно которой заранее обещанное недонесение является соучастием в форме подстрекательства, так как обещание недонесителя влияет на принятие решения преступником, а в некоторых случаях «может быть даже решающим моментом, побуждающим преступника идти на преступление»⁹⁰. Он приводит пример, когда шофер Иванов, проезжая мимо неохраняемого картофельного поля, решает похитить определенное количество картофеля и делает задуманное, зару-

⁸⁶ Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.). М., 1987. С. 685.

⁸⁷ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 10.

⁸⁸ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 600.

⁸⁹ Сахаров А.Б. Некоторые вопросы соучастия и прикосновенности в связи с кодификацией уголовного законодательства // Советское государство и право. 1958. № 9. С. 106.

⁹⁰ Шур Г.М. Недонесительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 124–125.

чившись обещанием пассажира Степанова никому не сообщить об этом. Бесспорно, «обещание Степанова разрушило последнее препятствие на пути Иванова к преступлению»⁹¹. Причем сам Г.М. Шур фактически раскрывает признаки объективной стороны пособничества (создание условий, устранение препятствий, оказание иной помощи), направленного на укрепление уже имеющейся у лица решимости совершить преступление, а не на возбуждение такой решимости, как это имеет место при подстрекательстве.

В.Г. Смирнов предлагает свой критерий разделения недонесения и попустительства на соучастие и прикосновенность. На его взгляд, недонесительство о готовящемся (совершающемся) преступлении и попустительство такому преступлению являются видами соучастия в совершении преступления⁹². Автор не учитывает отсутствие обязательных субъективных признаков соучастия в виде единого умысла, характеризующегося двусторонней связью, когда и недонеситель (попуститель), и исполнитель преступления сознают совместность, согласованность своих деяний, их направленность на достижение одного преступного результата. О такой двусторонней связи можно говорить лишь в случае достижения предварительного соглашения между лицами, которое выражается в обещании не препятствовать совершению преступления и не сообщать о нем. Поэтому, с одной стороны, не всякое недонесение о готовящемся преступлении или попустительство может быть признано соучастием, а с другой стороны, соучастием является недонесение о совершенном преступлении, если оно было обещано заранее.

С учетом сказанного необходимо пересмотреть подход законодателя к определению перечня способов совершения интеллектуального пособничества (ч. 6 ст. 16 УК), дополнив его заранее обещанным недонесением о преступлении. Внесение соответствующих изменений потребует и в ст. 406 УК, где в качестве формы прикосновенности к преступлению должно быть указано лишь заранее не обещанное недонесение о преступлении.

Еще одним вопросом, требующим рассмотрения, является отнесение к прикосновенности легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК), а также приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК). В действующем уголовном законе они включены в систему преступлений против порядка осуществления экономической деятельности (глава 25 УК) и прикосновенностью не признаются. По мнению А.В. Зарубина, эти составы преступлений должны быть отнесены к укрывательству в качестве видов, имеющих дополнительное уголовно-правовое

⁹¹ Шур Г.М. Недонесительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 125.

⁹² Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. С. 8.

значение⁹³. Данную позицию разделяет также А.Д. Макаров⁹⁴. На его взгляд, по своей природе укрывательство и приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем, очень близки, поскольку: 1) имеют общественно опасный характер в связи с совершением какого-либо преступления; 2) приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем, объективно способствуют сокрытию преступления, в результате совершения которого было добыто имущество. Легализация преступных доходов также по своей природе близка укрывательству: утаивание и вуалирование незаконности происхождения теневых капиталов непосредственно способствуют сокрытию преступлений, породивших данные имущественные ценности, т.е. фактически образуют укрывательство⁹⁵.

Вопрос об отнесении легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, и приобретения либо сбыта таких ценностей к прикосновенности должен решаться в зависимости от того, в чем заключается общественная опасность указанных деяний, каков основной объект их посягательства, т.е. каким общественным отношениям в первую очередь причиняется вред при их совершении.

Состав приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, не является новым для белорусского законодательства, однако его место в Особенной части УК определялось по-разному. Если до 1960 года в УК РСФСР, например, его относили к преступлениям против личной собственности граждан, то в УК РСФСР и БССР 1960 года это общественно опасное деяние уже включено в главы, объединяющие преступления, посягающие на общественную безопасность, общественный порядок и здоровье населения. Определение объекта данного преступления вызывало существенные разногласия в советской уголовно-правовой литературе. Так, ряд авторов продолжали считать объектом приобретения имущества, добытого преступным путем, социалистическую и личную собственность. Некоторые из них признавали объектом этого преступления общественный порядок. Другие авторы в качестве объекта называли общественную безопасность, полагая, что приобретение имущества, добытого преступным путем, способствует совершению новых преступлений⁹⁶.

А.Н. Мурадов, признавая, что преступное приобретение или сбыт имущества могут затруднить или задержать раскрытие «первичного» преступления, тем не менее непосредственным объектом данного преступле-

⁹³ Зарубин А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Тюмень, 2004. С. 99.

⁹⁴ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 75–76.

⁹⁵ Макаров А.Д. Укрывательство, недоносительство и попустительство в современном зарубежном законодательстве // Закон и право. 2004. № 6. С. 42–43.

⁹⁶ Баньковский А. Легализация («отмывание») доходов, приобретенных преступным путем : историко-правовые реминисценции // Судовы веснік. 2004. № 4. С. 60.

ния считал общественный порядок в той его части, которая связана с соблюдением установленных государством правил приобретения или сбыта имущества⁹⁷. В то же время сам он относил заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем, к «специфической разновидности прикосновенности к преступлению»⁹⁸. Таким образом, в позиции автора наблюдается некоторое противоречие.

Признание объектом рассматриваемого преступления отношений собственности также нельзя считать приемлемым. Приобретение и сбыт имеют место после того, как имущество уже противоправно изъято из владения его собственника. Следовательно, приобретая или сбывая подобное имущество, лицо не посягает вновь на отношения собственности. Общественная опасность поведения при этом выражается в нарушении отношений в области борьбы с преступностью, ибо содействие преступнику в реализации предметов, добытых преступным путем, затрудняет своевременное раскрытие преступления и наказание виновного⁹⁹.

Легализация как преступное деяние стала рассматриваться сравнительно недавно, норма о ней появилась в УК 1960 года лишь в 1997 году и была включена в главу «Преступления в сфере предпринимательства и иной хозяйственной деятельности».

В настоящее время одним из наиболее распространенных является мнение, высказанное А.И. Лукашовым, согласно которому по объекту посягательства деяния, запрещенные стст. 235 и 236 УК, включены в группу преступлений против общих условий осуществления экономической деятельности и гражданского оборота¹⁰⁰. Преступления названной группы посягают на установленный порядок осуществления экономической деятельности и обращения объектов гражданских прав, перечень которых приведен в статье 128 ГК (вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество и объекты гражданских прав). Их отличительная черта состоит в том, что преступления могут совершаться в различных сферах экономической деятельности и с самыми различными объектами гражданских прав¹⁰¹.

Кроме того, в научной и учебной литературе непосредственным объектом легализации называются общественные отношения, обеспечивающие законный порядок осуществления предпринимательской деятельности, а также экономическое, социальное и культурное развитие государства¹⁰².

⁹⁷ Мурадов А.Н. Ответственность за приобретение, хранение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (по материалам Азербайджанской ССР). Баку, 1989. С. 20–22.

⁹⁸ Там же. С. 13.

⁹⁹ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 50–51.

¹⁰⁰ Лукашов А.И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации. Минск, 2002. С. 25.

¹⁰¹ Там же. С. 189.

¹⁰² Грунтов И. Уголовная ответственность за легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК 1999 года) // Судовы веснік. 2000. № 4. С. 20–21.

Отнесение рассматриваемых действий по объекту к преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности, на наш взгляд, является ошибочным, так как направлены они прежде всего на сокрытие предметов, добытых преступным путем, а не на причинение вреда экономическим отношениям. В составе легализации на это прямо указывает обязательная цель утаивания или искажения природы, происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности материальных ценностей, добытых преступным путем, или соотносимых с ними прав (ч. 1 ст. 235 УК). Умысел преступника направлен на достижение именно такого результата, его деяние объективно создает препятствия для раскрытия и расследования преступления, а следовательно, вызывает угрозу причинения вреда интересам правосудия. М.Г. Жук среди главных характеристик отмыывания «грязных денег» выделяет: 1) сокрытие и маскировку подлинного характера источника происхождения денег, носящих криминальное прошлое; 2) передачу прав собственности на имущество криминального происхождения легальной организации или частному лицу, которые могут обосновать правомерность происхождения имущества; 3) преобразование формы собственности (с криминальным прошлым) в некриминальную (например, слияние разорившейся, но легальной фирмы с предприятием сферы теневой экономики) и другие.¹⁰³

Д. Безбородов и А. Зарубин считают заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, способом укрывательства, который обладает повышенной степенью общественной опасности и является по своей сути сокрытием вещей, добытых в результате совершения преступления, т.е. вещным укрывательством. Заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, прежде всего посягает именно на правоотношения в сфере правосудия, препятствуя возмещению материального вреда, причиненного основным преступлением, и в конечном счете восстановлению социальной справедливости, а уж потом на интересы экономической деятельности¹⁰⁴. Для квалификации действий как приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, следует установить, что действия эти объективно и субъективно не были направлены на введение этого имущества в экономический оборот (в отличие от легализации), который, следовательно, от этого не страдает¹⁰⁵.

¹⁰³ Жук М.Г. Криминалистическая стратегия борьбы с легализацией (отмыыванием) денежных средств или иного имущества. Гродно, 1999. С. 24.

¹⁰⁴ Уголовная ответственность за заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем / Д. Безбородов, А. Зарубин // Уголовное право. 2003. № 4. С. 7.

¹⁰⁵ Бажин А.А. Место заранее не обещанного приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путем, в системе охраняемых уголовным законом общественных отношений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2005. № 4. С. 113–114.

Из сказанного следует, что объектом рассматриваемых преступлений являются интересы правосудия, с учетом чего необходимо пересмотреть их место в системе Особенной части УК. Такая позиция разделяется и законодателями некоторых зарубежных стран. Так, в Особенной части Уголовного кодекса ФРГ выделяется отдельный раздел 21 «Укрывательство преступника и укрывательство имущества, добытого преступным путем», в который входят следующие параграфы: § 257 «Укрывательство»; § 258 «Воспрепятствование наказанию»; § 258а «Воспрепятствование должностным лицом привлечению к ответственности или исполнению наказания»; § 259 «Укрывательство имущества, добытого преступным путем»; § 260 «Укрывательство имущества, добытого преступным путем, совершаемое в виде промысла, укрывательство имущества, добытого преступным путем, совершаемое бандой»; § 260а «Укрывательство имущества, добытого преступным путем, совершаемое бандой в виде промысла»; § 261 «Отмывание денег. Укрывательство незаконно полученных имущественных выгод». Согласно последнему параграфу наказывается тот, «кто утаивает или прячет предмет, который получен в результате совершения... противоправного деяния, либо скрывает его происхождение или препятствует установлению происхождения этого предмета, его местонахождения, конфискации имущества или сохранению изъятых предметов». Наказывается также тот, кто указанный предмет: 1) приобретает для себя или третьего лица; 2) хранит или использует для себя или третьего лица, если ему было известно о происхождении этого предмета в тот момент, когда он его приобретал¹⁰⁶.

В Уголовном законе Латвийской Республики ответственность за приобретение и реализацию имущества, добытого преступным путем, предусмотрена в ст. 314, которая наряду со стст. 313 (заранее не обещанное укрывательство) и 315 (недонесение о преступлении) включена в главу XXIII «Преступные деяния против правосудия». Глава XIII УК Аргентины называется «Соккрытие и отмывание денег преступного происхождения».

Таким образом, формами прикосновенности к преступлению являются: заранее не обещанное укрывательство преступления (ст. 405 УК); заранее не обещанное недонесение о преступлении (ст. 406 УК); заранее не обещанное попустительство преступлению (ст. 425 УК). Те же деяния, совершенные при наличии предварительной договоренности с исполнителем основного преступления, имеют все признаки соучастия в преступлении и должны признаваться интеллектуальным пособничеством.

С учетом направленности умысла, объекта посягательства и содержания общественной опасности к прикосновенности следует относить в качестве видов укрывательской деятельности легализацию («отмывание») ма-

¹⁰⁶ Уголовный кодекс ФРГ. М., 2000. С. 146–147.

териальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК) и приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК), которые также не были заранее обещаны. Из смысла ст. 236 УК и ч. 6 ст. 16 УК видно, что заранее обещанное приобретение или сбыт предметов, добытых преступным путем, признается законодателем пособничеством преступлению. Спорным является признание соучастием заранее обещанной легализации таких предметов. Аргументы в пользу этого можно привести те же, что рассматривались в отношении заранее обещанного недонесения о преступлении. Кроме того, очевидно сходство составов преступлений, описанных в стст. 235 и 236 УК. Поэтому нелогичен различный подход в законодательстве к одинаковым, по сути, действиям, когда заранее обещанная легализация не признается соучастием. И.О. Грунтов считает, что если совершение разовой финансовой операции или иной сделки с имуществом, приобретенным преступным путем, было заранее обещано лицу, добывшему таким способом это имущество, то содеянное следует рассматривать как пособничество исполнителю первичного преступления¹⁰⁷.

В связи со сказанным требуется внести ряд изменений в УК Республики Беларусь:

1) указать в ч. 6 ст. 16 УК как способы совершения интеллектуального пособничества заранее обещанное недонесение о преступлении, заранее обещанное попустительство преступлению и заранее обещанную легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем;

2) в ст. 406 УК установить ответственность лишь за заранее не обещанное недонесение о преступлении, а в ст. 235 УК – за заранее не обещанную легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем;

3) поместить статьи, запрещающие легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, и приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, в главу 34 УК «Преступления против правосудия».

1.4. Общая характеристика объективных и субъективных признаков прикосновенности к преступлению

Для всех форм прикосновенности к преступлению характерны некоторые общие объективные и субъективные признаки, позволяющие их

¹⁰⁷ Грунтов И. Уголовная ответственность за легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК 1999 года) // Судовы веснік. 2000. № 4. С. 22.

объединить в рассматриваемый институт уголовного права. Прежде всего это касается объекта преступлений, относящихся к прикосновенности.

По вопросу об объекте прикосновенности к преступлению у исследователей имеются две основные точки зрения.

Сторонники первой (к примеру, В.Г. Смирнов, Г.М. Шур) отмечают, что природа прикосновенности носит двойственный характер, который выражается в том, что, с одной стороны, это содействие лицу, совершившему преступление, с другой – противодействие работе органов правосудия. Отсюда делается вывод, что деятельность прикосновенного лица одновременно посягает на два объекта – интересы правосудия и объект того преступления, в связи с которым она возникает. Определяющим непосредственным объектом посягательства признается объект преступления, о прикосновенности к которому идет речь¹⁰⁸.

Г. Баймурзин, И.А. Бушуев и другие авторы не разделяют эту позицию, так как «она приводит к неправильному практическому выводу, что укрыватель убийцы посягает на жизнь человека, недоноситель о краже причиняет ущерб собственности и т.д. Такое мнение противоречит общепринятому в теории уголовного права понятию объекта преступления»¹⁰⁹. Прикосновенность, будучи сама целиком обусловленной основным преступлением и возникая на почве уже совершенного или совершаемого общественно опасного посягательства на конкретный объект, не способна причинить какой-либо ущерб этому же объекту. Ее назначение не выходит за рамки посягательств на общественные отношения в сфере предупреждения и раскрытия преступлений¹¹⁰. С названными авторами нельзя не согласиться, поскольку действительно под объектом преступления принято понимать те общественные отношения, которым в результате совершения преступления причиняется или создается угроза причинения существенного вреда. Основной же отличительной особенностью деятельности прикосновенного лица является то, что она не состоит в прямой виновной и причинной связи с основным преступлением, не обуславливает его совершение.

Вместе с тем общепринятой в науке уголовного права является классификация объектов преступления на общий, родовой и непосредственный. Последний, в свою очередь, подразделяется на основной и дополнительный объект преступления. Основным является объект, который непосредственно охраняется конкретной статьей и посягательство на который составляет сущность совершенного преступления. Дополнительный – объект, который по содержанию отличается от

¹⁰⁸ Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. С. 9–10; Шур Г.М. Недоносительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 132.

¹⁰⁹ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 45.

¹¹⁰ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 44.

основного и нарушается в результате посягательства на основной объект либо нарушение которого является способом нарушения основного объекта. Дополнительный непосредственный объект может быть обязательным и факультативным. Дополнительный объект будет обязательным, если его нарушение всегда сопровождает посягательство на основной объект. Факультативным является дополнительный объект, фактическое нарушение или ненарушение которого не влияет на квалификацию конкретного деяния как преступления, но учитывается при назначении наказания за его совершение¹¹¹.

Исходя из данной классификации можно заключить, что основным непосредственным объектом всех форм прикосновенности к преступлению являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов правосудия. Именно посягательством на этот объект определяется их общественная опасность. Правосудие – понятие многозначное. В узком, или собственном, смысле слова правосудие можно определить как осуществляемую с участием сторон и участников процесса в регламентированной законом форме деятельность суда по рассмотрению и разрешению конкретных дел. В уголовном праве понятию «правосудие» придается более широкое значение. Под правосудием в этом случае признается не только данная специфическая деятельность суда, но и деятельность органов, способствующих ему в этом: прокуратуры, предварительного расследования, органов и учреждений, исполняющих вступившие в законную силу приговоры и решения. Такое понимание правосудия обусловлено тем, что без функционирования указанных органов осуществление правосудия судом было бы практически невозможно. Все названные органы входят составной частью в механизм государства, образуя при этом систему правосудия. Уголовный закон охраняет не все виды деятельности органов правосудия, а лишь деятельность по реализации задач и целей правосудия. Следовательно, в сферу уголовно-правовой охраны подпадают не все общественные отношения, возникающие в процессе функционирования органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, органов и учреждений, исполняющих приговоры и решения, а только те, которые проявляются при осуществлении этими органами специфических задач правосудия¹¹².

В целом разделяя приведенную точку зрения, В.В. Марчук справедливо обращает внимание на то, что нельзя однозначно согласиться с мнением, согласно которому правильная деятельность правосудия является родовым объектом и одновременно непосредственным объектом преступлений против правосудия. Содержание непосредственного объекта преступ-

¹¹¹ Бабий Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть. Минск, 2000. С. 54.

¹¹² Чучаев А.И. Преступления против правосудия. Ульяновск, 1997. С. 3–5.

ления уже, чем содержание родового объекта, первый лежит в плоскости второго, составляя его неотъемлемую часть¹¹³. Применительно к рассматриваемым преступлениям это проявляется в том, что непосредственным их объектом являются интересы правосудия лишь в области своевременного выявления и расследования преступлений, то есть общественные отношения, в большей мере связанные с соответствующей деятельностью органов уголовного преследования.

Дополнительным же объектом данных преступлений можно назвать те общественные отношения, на которые посягает основное, первичное преступление. Наиболее характерно это для ситуаций, когда прикосновенная деятельность имеет место в отношении готовящегося или совершаемого преступления. Так, несвоевременное сообщение о готовящемся преступлении ведет к невозможности его предотвращения, а значит, способствует его совершению и причинению вреда определенным общественным отношениям, что осознается неодоносителем. Как отмечает Ш.С. Рашковская, назначение нормы, содержащейся в ст. 406 УК, не исчерпывается только охраной интересов правосудия. Она имеет также общепредупредительное и воспитательное значение. Осведомленность совершившего преступление о том, что под влиянием грозящей ответственности за недонесение он может быть разоблачен лицом, знавшим о совершенном или готовящемся преступлении, в ряде случаев способна повлиять на формирование мотивов, противодействующих совершению преступления или добровольному отказу от уже начатого преступления¹¹⁴.

П.Н. Панченко признавал, что попустительство преступлениям помимо непосредственного объекта («охраняемые уголовным законом общественные отношения, обеспечивающие своевременное предупреждение преступлений, их предотвращение, пресечение и изобличение») направлено и на объекты другого рода – «общественные отношения из группы тех, на которые посягает попущенное преступление». Данный объект он условно называет «производным» от непосредственного объекта попустительства, особо оговаривая, что это не означает второстепенной роли такого объекта по отношению к непосредственному объекту попустительства, в отдельных случаях он «может иметь не менее важное значение»¹¹⁵. Некоторая непоследовательность в позиции автора приводит его к несколько неожиданному выводу о том, что применительно к попустительству государственным преступлениям первостепенное значение при решении вопроса об объекте приобретают общественные отношения, аналогичные по своей природе тем, на которые посягают сами государственные преступ-

¹¹³ Марчук В.В. Уголовно-правовые средства обеспечения исполнения обвинительного приговора : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Минск, 1996. С. 58.

¹¹⁴ Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 93.

¹¹⁵ Панченко П.Н. Преступное попустительство. Иркутск, 1976. С. 30.

ления. Применительно же к должностному попустительству главное значение должно придаваться общественным отношениям, составляющим основу нормальной деятельности государственного аппарата и общественных организаций¹¹⁶. Более логичным, опираясь на точку зрения самого П.Н. Панченко, было бы отнести названные общественные отношения все же к дополнительному, а не к основному непосредственному объекту попустительства.

Дополнительным факультативным объектом легализации («отмывания»), а также приобретения или сбыта предметов, добытых преступным путем, можно назвать общественные отношения, регулирующие общие условия осуществления предпринимательской деятельности и гражданского оборота. Эти преступления способствуют проникновению криминальных имущественных ценностей в экономический и финансовый механизм государства, подрывая его основы. При этом нормы гражданского законодательства о порядке заключения сделок могут не нарушаться. Более того, приток инвестиций, пусть и криминального происхождения, может быть даже благом для отдельно взятого предприятия, экономики государства. Например, выгодно и удобно хранить деньги в так называемом «финансовом раю» – в крошечных островных странах, разбросанных на бескрайних тихоокеанских просторах или в Карибском бассейне, которые открыто рекламируют свои услуги в прессе¹¹⁷, а значит, заинтересованы в притоке «грязных денег». Вряд ли также можно признать общественно опасным с экономической точки зрения поддержание за счет преступных доходов деятельности легального разорившегося предприятия.

Поэтому в определенной мере можно согласиться с В.Г. Смирновым и другими авторами, считающими, что прикосновенная деятельность способна причинить вред двум объектам. Однако ошибочно их мнение, что определяющим является объект того преступления, в отношении которого имеет место прикосновенность. Основной непосредственный объект, на который направлено посягательство, – это общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов уголовного преследования по своевременному выявлению и расследованию преступлений. Второй же из названных объектов является дополнительным факультативным, поскольку в результате общественно опасных деяний прикосновенного лица вред этим общественным отношениям может и не причиниться.

Для большинства форм прикосновенности к преступлению обязательный признак состава – предмет преступления. Так, предметом легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным пу-

¹¹⁶ Панченко П.Н. Преступное попустительство. Иркутск, 1976. С. 32.

¹¹⁷ Жук М.Г. Криминалистическая стратегия борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества. Гродно, 1999. С. 26.

тем, являются названные ценности, а именно: денежные средства, ценные бумаги или иное имущество, как недвижимое, так и движимое. Аналогичен предмет преступления, предусмотренного ст. 236 УК. Предметом заранее не обещанного укрывательства преступлений выступают: орудия и средства совершения преступления, следы преступления, предметы, добытые преступным путем. Под преступным путем приобретения материальных ценностей и предметов следует понимать получение их посредством совершения любого преступления, предусмотренного Особенной частью УК. Данное обстоятельство позволило комментаторам УК Республики Беларусь сделать следующий вывод: «Привлечение лица к уголовной ответственности за легализацию материальных ценностей, приобретенных преступным путем, может иметь место только при условии, что приговором суда в установленном порядке будет признано, что указанное имущество приобретено преступным путем. Только после судебного признания такого имущества преступным путем появляется предмет преступления, предусмотренного статьей 235»¹¹⁸. Такое требование следует признать обязательным и в отношении остальных форм прикосновенности к преступлению, которая всегда связана с преступным деянием другого лица. Прежде чем привлекать к ответственности прикосновенное лицо, необходимо в судебном порядке установить факт совершения основного преступления, без которого прикосновенности быть не может.

Понятие объективной стороны прикосновенности, будучи общим по отношению к конкретным ее формам, включает лишь такие признаки, которые характерны для каждого конкретного ее вида и в то же время имеют общее значение, абстрагируясь при этом от признаков и свойств, подчеркивающих специфику той или иной формы прикосновенности¹¹⁹. Именно по отдельным признакам объективной стороны в основном выделяются и различаются формы прикосновенности к преступлению.

Общими для всех форм прикосновенности к преступлению объективными признаками являются рассмотренные ранее характеристики, по которым прикосновенность отграничивается от соучастия в преступлении: наличие связи с преступлением другого лица, отсутствие совместности действий исполнителя основного преступления и прикосновенного лица, отсутствие причинной связи между деянием прикосновенного лица и совершением основного преступления и его последствиями.

По конструкции объективной стороны формы прикосновенности относятся к преступлениям с формальным составом. Единственным обязательным признаком объективной стороны этих преступлений является об-

¹¹⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова. Минск, 2003. С. 613.

¹¹⁹ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 54.

щественно опасное деяние. Вид деяния (пассивное поведение – бездействие или активное – действие) зависит от формы прикосновенности к преступлению. Действием совершается укрывательство преступления (ст. 405 УК), легализация материальных ценностей, добытых преступным путем (ст. 235 УК), а также приобретение либо сбыт этих ценностей (ст. 236 УК). Недонесение о преступлении (ст. 406 УК) и попустительство ему (ст. 425 УК) выражаются в бездействии. Различно при этом содержание преступной деятельности укрывателей, недоносителей и попустителей: если укрыватель (включая лицо, легализующее, приобретающее или сбывающее материальные ценности, добытые преступным путем) противодействует органам правосудия в борьбе с преступностью, то недоноситель и попуститель не оказывают помощи органам правосудия в раскрытии преступления и разоблачении преступника.

Во всех случаях бездействия, в том числе при недоносительстве и попустительстве, необходимо выяснить два существенных момента: 1) обязано ли было лицо действовать определенным образом и 2) могло ли оно, находясь в той или иной конкретной обстановке, выполнить возложенные на него обязанности¹²⁰. Причем обязанность, вытекающая из закона и служебных обязанностей лица, и возможность действовать должны присутствовать одновременно в каждом конкретном случае. Если лицо должно было, но не могло действовать или наоборот, привлечение его к ответственности исключается.

По этому поводу можно привести следующий пример из судебной практики. Органом предварительного следствия З. было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 406 УК в недонесении о достоверно известном особо тяжком преступлении – убийстве Д., совершенном Р. Материалами дела было установлено, что убийство Д. совершено примерно в 21 час. Виновный Р. избивал потерпевшего в присутствии З., в результате чего и наступила смерть. Задержан был З. работниками милиции через непродолжительное время – в 00 часов 50 минут следующих суток. После совершенного убийства З. находился в сильной степени алкогольного опьянения и спал. Следовательно, он не имел реальной возможности сообщить правоохранительным органам о совершенном преступлении и не сознавал такой необходимости. Поэтому суд признал, что в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 406 УК, и оправдал его¹²¹.

Законодатель проводит различие между формами прикосновенности к преступлению в зависимости от степени их общественной опасности: укрывательство преступлений и недоносительство наказуемы лишь тогда, когда касаются тяжких и особо тяжких преступлений. В остальных случаях при-

¹²⁰ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 48.

¹²¹ Архив Брестского областного суда за 2003 г. Дело № 2/31.

косновенность влечет ответственность в отношении всех категорий преступлений.

В ч. 5 ст. 3 УК Республики Беларусь закреплён один из основополагающих принципов уголовной ответственности – принцип виновной ответственности (принцип субъективного вменения), согласно которому лицо подлежит ответственности только за те совершенные им общественно опасные деяния и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина, т.е. умысел или неосторожность. Вина, как обязательный признак субъективной стороны преступлений, относящихся к прикосновенности, может выступать только в умышленной форме. На это указывают законодательные формулировки диспозиций статей УК, предусматривающих ответственность за отдельные формы прикосновенности. Здесь используются такие понятия, как «заведомо» и «достоверно известный». Согласно ч. 14 ст. 4 УК, под термином «заведомо» понимается признак, указывающий, что лицу, совершающему преступление, известны юридически значимые обстоятельства, предусмотренные УК. Достоверно известными признаются сведения в том случае, если виновный имел возможность лично убедиться в совершенном или готовящемся преступлении либо обладал неопровержимыми доказательствами о совершенном или готовящемся преступлении. Информация, основанная на слухах, предположениях, догадках, не является достоверной¹²².

По поводу определения вида умысла в литературе имеются расхождения. Согласно первой точке зрения, разделяемой большинством авторов, прикосновенная деятельность может совершаться только с прямым умыслом. Другие допускают возможность косвенного умысла у прикосновенного лица. Отсюда по-разному определяется содержание умысла.

По мнению Г. Баймурзина, умысел прикосновенного лица включает осознание им: а) того, что определенное преступление уже совершено или совершается другими лицами; б) характера собственного поведения; в) реальной возможности наступления общественно опасного последствия в виде воспрепятствования органам правосудия в предупреждении и раскрытии преступлений.¹²³ Некоторые белорусские исследователи считают, что укрыватель (недоноситель) должен: во-первых, осознавать характер основного преступления; во-вторых, осознавать общественно опасный характер собственных действий (бездействия); в-третьих, предвидеть, что в результате его деяния преступление может быть не раскрыто, виновный может избежать ответственности и желает этого¹²⁴. Отсюда делается вывод, что с точки зрения волевой оценки возможных последствий можно констатиро-

¹²² Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова. Минск, 2003. С. 1024.

¹²³ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 73.

¹²⁴ Крымінальнае права Беларусі : навуч. дапам. / пад рэд. А.У. Баркова. Мінск, 1997. С. 204.

вать, что за исключением заранее не обещанного укрывательства, совершаемого только с прямым умыслом, все остальные формы прикосновенности могут иметь место как при прямом, так и косвенном умысле¹²⁵.

Более правильной представляется точка зрения, согласно которой в содержание умысла прикосновенного лица входят: сознание характера основного преступления; сознание характера собственных деяний; желание скрыть преступление, утаить его и т.п.¹²⁶ Поскольку, как отмечалось выше, по конструкции объективной стороны укрывательство и недоносительство (а также другие деяния, относящиеся к прикосновенности) являются преступлениями с формальными составами, психическое отношение лица здесь устанавливается только в отношении самого деяния, а не применительно к возможным вредным последствиям. Поэтому для данных составов не имеет существенного значения, удалось ли, например, в действительности лицу скрыть преступника или он был обнаружен, а важно установить, что действия виновного были направлены на сокрытие преступления и, следовательно, на затруднение нормальной деятельности правосудия¹²⁷.

Такое утверждение соответствует требованиям уголовного закона Республики Беларусь, согласно с ч. 1 ст. 24 которого в преступлении, для наличия которого не требуется наступления общественно опасных последствий, форма вины устанавливается по отношению лица к общественно опасному деянию. В ч. 2 ст. 24 УК в общем виде раскрывается содержание умысла в преступлениях с формальным составом: преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия и желало его совершить. Следовательно, умышленная вина в преступлениях с формальным составом выступает в виде прямого умысла. Косвенный умысел при совершении таких преступлений невозможен¹²⁸.

Содержание умысла при прикосновенности к преступлению можно раскрыть следующим образом: прикосновенное лицо сознает общественно опасный характер своего действия (укрывательство, легализация либо приобретение или сбыт материальных ценностей, добытых преступным путем) или бездействия (недонесение о преступлении, попустительство) и желает его совершить. Предлагаемое Г. Баймурзиным предвидение возможности наступления последствий в виде воспрепятствования нормальной деятельности по раскрытию, расследованию, рассмотрению уголовных дел лежит за пределами субъективной стороны прикосновенности к преступлению и поэтому обязательным не является.

¹²⁵ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 83.

¹²⁶ Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1982. С. 243–244.

¹²⁷ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 56

¹²⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова. Минск, 2003. С. 84.

По своему содержанию умысел прикосновенного лица несколько шире, чем при остальных формах преступной деятельности. Если обычно содержание субъективной стороны ограничивается сознанием характера лишь собственного действия или бездействия и возможности наступления вредного последствия, то при прикосновенности субъективная сторона, помимо указанных моментов, включает также сознание субъектом характера преступления, совершенного или совершаемого другими лицами¹²⁹. В тех случаях, когда лицо не сознает преступности действий третьих лиц, хотя объективно и совершает деяния, внешне напоминающие прикосновенность к преступлению, оно не подлежит уголовной ответственности¹³⁰. Например, в возбуждении уголовного дела по ст. 406 УК в отношении гражданки Д. было отказано, так как она, хоть и присутствовала при совершении убийства, но в связи с сильной степенью алкогольного опьянения не сознавала, что происходит, в силу чего впоследствии не сообщила об убийстве. Такой вывод был сделан на основании показаний самой Д., которая утверждала, что после употребления спиртных напитков уснула и не помнит, чтобы в ее присутствии происходили какие-либо конфликты. Из показаний других лиц следует, что во время совершения убийства Д. ничего не произносила, не совершала каких-либо активных действий, а позже интересовалась, где потерпевший Б.¹³¹

В зависимости от формы прикосновенной деятельности в литературе указывается в качестве обязательной различная степень осведомленности виновного об обстоятельствах совершения основного преступления. Так, в отношении легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК), и приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК), не требуется точного знания о том, в результате какого конкретного преступления добыты материальные ценности, когда, кем или каким способом совершено преступление, квалификации преступления и т.п., достаточно знания о преступном способе добычи этих ценностей¹³². При недоносительстве и укрывательстве необходимо значительно более детальное знание виновным признаков и обстоятельств совершения (подготовки) конкретного преступления. Умыслом недоносителя или укрывателя должно обязательно охватываться осознание того, что это преступление относится к категории тяжких или особо тяжких преступлений. В противном случае ответственность исключается.

¹²⁹ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 73.

¹³⁰ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 55.

¹³¹ Архив суда Барановичского района и г. Барановичи Брестской области за 2003 г. Дело № 03022050546.

¹³² Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / под ред. Н.А. Бабя и И.О. Грунтова. Минск, 2002. С. 390, 396.

Одним из существенных признаков субъективной стороны прикосновенности является сознание субъектом характера направленности своих действий. Необходимо, чтобы прикосновенное лицо, укрывая преступление, не сообщая о нем в органы власти, попустительствуя совершающемуся преступлению либо приобретая или сбывая имущество, добытое преступным путем, сознавало, что оно своим поведением препятствует осуществлению правосудия. Отсутствие такого сознания исключает прикосновенность к преступлению¹³³. Речь идет не о предвидении последствий, а об осознании общественной опасности своего деяния.

Мотивы и цели содеянного по общему правилу не являются обязательными признаками субъективной стороны составов прикосновенности к преступлению, на квалификацию не влияют, но учитываются судом при назначении наказания. Лишь для легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК), указана обязательная специальная цель утаивания или искажения природы, происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных материальных ценностей или соотносимых с ними прав. При отсутствии у виновного данной цели деяние не может быть признано легализацией и квалифицируется по ст. 236 УК (приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем).

Субъектом прикосновенности к преступлению, как и любого другого преступного деяния, может выступать только физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления предусмотренного в уголовном законе возраста. Содержание таких обязательных признаков субъекта преступления, как физическое лицо и вменяемость, применительно к формам прикосновенности ничем не отличается от общепринятого их понимания в уголовном праве. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об установлении минимального возраста уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению.

Под возрастом в широком смысле предлагается понимать календарный период времени, прошедший от рождения до какого-либо хронологического момента в жизни человека, а в узком – указанный период психического состояния в жизни того или иного лица, с которым связаны как медико-биологические, социально-психологические, так и правовые изменения¹³⁴. Установление минимального возраста уголовной ответственности связывается со способностью лиц, его достигших, сознавать характер своих действий, их общественную опасность и руководить своим поведением. Возраст является неотъемлемым признаком вменяемого физического лица как субъекта преступления. Какое бы тяжкое преступление

¹³³ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 79.

¹³⁴ Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000. С. 23.

ни было совершено, если лицо не достигло указанного в уголовном законе возраста, оно не будет являться субъектом преступления и вопрос о привлечении его к уголовной ответственности при установлении данных обстоятельств снимается.

В соответствии с ч. 1 ст. 27 УК по общему правилу уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста. Именно этот возраст уголовной ответственности характерен для всех форм прикосновенности к преступлению, за исключением попустительства, так как здесь возраст уголовной ответственности реально будет превышать 16 лет с учетом специфики субъекта преступления. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 24 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» право на поступление на государственную службу имеют граждане Республики Беларусь, достигшие 18-летнего возраста. Для некоторых категорий должностных лиц законодательством установлен еще более высокий возрастной ценз.

Характерно, что возраст как признак субъекта преступления достаточно динамичен и может изменяться законодателем, который исходит из соответствующих исторических условий развития общества и проводимой уголовной политики государства по борьбе с преступностью на определенных этапах его развития. При этом, устанавливая возраст уголовной ответственности, законодатель учитывает данные медицины, психологии, педагогики и других наук, а также исходит из типичных для большинства подростков условий их развития и формирования на разных стадиях жизненного пути¹³⁵. Такая динамичность была характерна и для определения возраста ответственности за рассматриваемые преступления. До принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года возраст уголовной ответственности за укрывательство составлял 12 и 14 лет, а за недоносительство ответственность наступала с 14 лет. М.И. Ковалев считал этот возрастной минимум крайне низким, отмечая: «Бесспорно, что 14-летний укрыватель или недоноситель не подготовлен к тому, чтобы отвечать за вред, причиняемый правосудию его поступком, часто вызванным «бескорыстным» стремлением помочь другу «в беде». Вряд ли несформировавшийся интеллект и детская порывистость и необдуманность могут быть равнозначными, с точки зрения закона, рассудку и хладнокровию взрослого»¹³⁶. Он предлагал за укрывательство наказывать в уголовном порядке с 16 лет, а за недоносение – с 18 лет.

¹³⁵ Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000. С. 22.

¹³⁶ Ковалев М.И. Об ответственности за укрывательство и недоносительство // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 107.

Для увеличения минимального возрастного предела ответственности за прикосновенность к преступлению на данном этапе развития белорусского общества, на наш взгляд, оснований нет. Практика показывает, что подростки даже в малолетнем возрасте уже в состоянии адекватно оценивать общественную опасность как основного преступления, так и своей прикосновенной деятельности и руководить ею. К примеру, в ходе предварительного следствия было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего Г. по факту заранее не обещанного укрыательства особо тяжкого преступления. В ходе расследования этого дела, как следует из протоколов допроса самого несовершеннолетнего Г., а также обвиняемых О. и К., было установлено, что Г., возраст которого на день совершения преступления составлял 13 лет, не только знал о совершенном К. убийстве Я., но и оказывал ему содействие в сокрытии трупа последнего: помогал в транспортировке трупа к месту укрытия, наполнял водой и песком канистру, которая затем была привязана к трупу и вместе с ним сброшена в воду. Все указанные действия он совершал добровольно, понимая их характер¹³⁷.

Можно встретить и предложения о снижении общего возраста уголовной ответственности. В частности, Р.Н. Ключко и И.В. Шершеневич считают, что при всем многообразии темпов и характера физиологического, интеллектуального и психологического развития на сегодняшний день 12–14-летние подростки обладают способностью к осознанному поведению. Авторы приходят к выводу, что историко-правовой отечественный и зарубежный опыт, сложившаяся в республике криминогенная ситуация, научно установленные типичные и закономерные процессы ускоренного психосоциального развития несовершеннолетних указывают на возможность и необходимость коррекции нижней возрастной границы уголовной ответственности путем ее снижения до 12-летнего возраста¹³⁸. Такое законодательное решение представляется нецелесообразным. Действительно, наблюдается рост преступности несовершеннолетних и одновременно достаточно раннее физическое и психическое формирование их личности. Вместе с тем столь значительное снижение возраста уголовной ответственности не способно повлиять на снижение темпов преступности несовершеннолетних (а может привести и к их увеличению за счет добавления преступлений, совершенных лицами в возрасте от 12 лет). Больше внимания следует уделить вопросам их воспитания, в том числе правового. На это указывает и зарубежный опыт: в подавляющем большинстве госу-

¹³⁷ Архив Брестского областного суда за 2002 г. Дело № 2/44.

¹³⁸ Эффективность уголовной юстиции в контексте верховенства права : материалы междунар. науч. конф. Минск, 17 октября 2003 г. / редкол.: А.В. Барков (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2003. С. 33.

дарств уголовная ответственность в отношении лица, совершившего преступление, предусмотрена в законодательстве с 16 лет¹³⁹.

Субъект почти всех преступлений, относящихся к прикосновенности, общий, т.е. им может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Исключение составляет попустительство преступлению, которое наказуемо лишь в случаях совершения должностным лицом, которое в силу возложенных на него служебных обязанностей должно было и могло совершить действия, направленные на пресечение или предотвращение преступления (ч. 2 ст. 425 УК). Таким образом, субъект попустительства специальный. Как закреплено в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 года № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (стст. 424–428 УК)», субъектами преступлений против интересов службы, предусмотренных стст. 424–426, 428 УК, могут быть только должностные лица, признанные таковыми в строгом соответствии с положениями ч. 4 ст. 4 УК.

Лицо, являющееся соучастником преступления, не может нести ответственность за прикосновенность к нему. Так, гр-ка Б. была признана виновной и осуждена за пособничество совершению кражи по предварительному сговору группой лиц, с проникновением в жилище (ч. 6 ст. 16 и ч. 2 ст. 205 УК Республики Беларусь), а также за недонесение о достоверно известных совершенных особо тяжких преступлениях, лицах, их совершивших, и о месте нахождения таких лиц (ч. 1 ст. 406 УК). Гр-не С. и Л. при пособничестве Б. совместно спланировали совершение кражи. Содействие Б. выразилось в том, что она передала С. и Л. ножницы и посоветовала разрезать на две части шерстяную шапочку, вырезать в них прорезы для глаз, чтобы их не опознали, а также предоставила средства для совершения преступления – перчатки, чтобы не оставалось следов на месте преступления. С. и Л., проникнув согласно плану в квартиру и обнаружив там потерпевшего Т., допустили эксцесс исполнителей, с целью непосредственного завладения имуществом применили насилие, а затем убили Т. и похитили принадлежавшее ему имущество. Б. узнала о разбое и об убийстве из разговора С. и Л. По мнению суда, Б. совершила недонесение. Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь приговор в этой части был отменен, так как по смыслу закона ответственность за недонесение о преступлении наступает лишь в том случае, если виновное лицо непричастно в той или иной форме к совершению конкретного преступления. Поскольку Б. признана судом виновной в пособничестве совершению С. и Л. хищения имущества Т., которые при этом одно-

¹³⁹ Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность СПб., 2000. С. 25.

временно совершили и его убийство, она не может нести ответственность за недонесение о преступлениях в отношении Т. и о лицах, их совершивших¹⁴⁰.

Иная ситуация имеет место в случаях соучастия лиц в совершении одного преступления и последующей прикосновенности одного из них к преступлению, совершенному самостоятельно другим из бывших соучастников. Например, гр-не О. и Н. были признаны судом виновными в совершении в состоянии алкогольного опьянения разбойного нападения, группой лиц, с проникновением в жилище (ч. 2 ст. 207 УК). Н., кроме того, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры, убил гр-на Б., за что был осужден по ч. 1 ст. 139 УК. О., узнав от Н. об убийстве, при наличии реальной возможности сообщить о случившемся в правоохранительные органы, не сделал этого вплоть до задержания за совершение указанного хищения. Суд оправдал О. по ч. 1 ст. 406 УК за отсутствием в его деянии состава преступления, посчитав, что он, будучи задержанным и соучастником Н. в совершении разбойного нападения, имел право хранить молчание как в отношении своих действий, так и в отношении деяния Н.¹⁴¹ Такое решение суда, на наш взгляд, является неправомерным, так как О. не имел никакого отношения к убийству, узнал о нем уже после его совершения. Право хранить молчание в данном случае должно распространяться лишь на разбойное нападение. Совместное совершение преступления по смыслу закона обуславливает отсутствие ответственности за недонесение или укрывательство только этого преступления, но не освобождает от обязанности сообщать о самостоятельно совершенном особо тяжком преступлении другого лица.

Следовательно, если лицо признается соучастником в преступлении (исполнителем, организатором, подстрекателем, пособником), это исключает возможность его ответственности за деяния, направленные на сокрытие совершенного преступления, в том числе и в случаях, когда имеется эксцесс исполнителя. Предыдущее (последующее) совместное совершение преступления не может стать основанием для ненаказуемости деяния лица, прикосновенного к преступлению своего соучастника.

Выше были рассмотрены лишь наиболее важные общие признаки элементов составов всех преступлений, относящихся к прикосновенности. Во многом благодаря именно этим признакам можно выделить прикосновенность в самостоятельный институт уголовного права и говорить о его специфике. Несмотря на кажущуюся простоту в определении этих признаков, сохраняется ряд проблем, требующих разрешения в теории, и встречаются ошибки в практике применения соответствующих норм уголовного закона, примером чему может служить приведенное ниже уголовное дело.

¹⁴⁰ Архив Брестского областного суда за 2005 г. Дело № 2/21.

¹⁴¹ Архив Брестского областного суда за 2001 г. Дело № 2/46.

С-в после совершения А-чем С., А-ко, А-чем В., С-ским разбойного нападения на потерпевших Я. и Д., развозил указанных лиц на своем личном автомобиле с места преступления. В ходе поездки в присутствии С-ва другие обвиняемые активно обсуждали между собой обстоятельства совершенного ими преступления, распределяли похищенное. С-в по указанию А-ко остановил автомашину, где последний вместе с А-чем С. избавились от личных документов потерпевших, выбросив их в люк канализации. По окончании поездки А-ч С. рассчитался со С-вым, передав ему деньги из числа похищенных. Действия С-ва суд квалифицировал по ч. 1 ст. 406 УК Республики Беларусь как недонесение о достоверно известном совершенном особо тяжком преступлении (разбой, совершенный группой лиц) и о достоверно известных лицах, совершивших это преступление. Показания обвиняемого о том, что ему не было известно о совершении лицами, которых он подвозил, преступления, что он не слышал, о чем они говорили между собой, суд оценил как желание избежать ответственности, мотивировав это следующим образом. Согласно показаниям остальных обвиняемых в салоне автомашины С-ва они обсуждали детали совершенного преступления, говорили о том, что потерпевшими оказались сотрудники КГБ Республики Беларусь, рассматривали их документы, по пути останавливались для того, чтобы их выбросить. Находясь в ограниченном пространстве, в непосредственной близости от них, С-в не мог не слышать их разговоров. Рядом с ним на переднем сидении пассажира находился А-ко, участвовавший в обсуждении событий преступления. Кроме того, оплата за проезд ему была произведена из денег, которые были похищены у потерпевших. Суд посчитал, что для квалификации действий С-ва не имеет значения то обстоятельство, что ему не было известно о том, как в дальнейшем будут оценены действия других обвиняемых, так как он не обладает специальными познаниями в этой части. «Будучи добропорядочным гражданином, он обязан был сообщить в правоохранительные органы о любом совершенном преступлении и лицах, его совершивших. Таким образом, его действия должны квалифицироваться по фактически наступившим последствиям»¹⁴².

Как видно из приговора, суд, обосновывая принятое решение о виновности С-ва, допускает ряд грубых ошибок, относящихся к характеристике объективной и субъективной сторон недоносительства. Во-первых, осознание характера совершенного преступления не просто имеет значение, но обязательно для недоносителя, в противном случае не может быть речи о прямом умысле как о единственно возможном проявлении вины при недонесении о преступлении. Во-вторых, в соответствии с действующим законодательством граждане обязаны сообщать далеко не о любом совершенном пре-

¹⁴² Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2003 г. Дело № 1/681.

ступлении, а только об особо тяжком, в остальных случаях – это их моральный долг. В-третьих, применительно к недонесительству невозможно говорить о действии (недонесение – это всегда бездействие), а тем более о фактически наступивших последствиях, которые лежат за пределами формального состава недонесения о преступлении.

Таким образом, требуется единообразное понимание основных объективных и субъективных признаков прикосновенности к преступлению в теории уголовного права и в правоприменительной деятельности. Прежде всего законодательно необходимо признать основным объектом всех форм прикосновенной деятельности общественных отношений, обеспечивающих нормальную деятельность органов правосудия по раскрытию и расследованию преступлений (интересы правосудия).

Репозиторий БРГАУ

2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕДОНЕСЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

2.1. Понятие недоносительства в белорусском и зарубежном уголовном праве

Норма о недонесении о преступлении в настоящее время включена лишь в Особенную часть УК Республики Беларусь (ст. 406), где фактически не дается определения рассматриваемого понятия. Термин «недонесение» дублируется в названии статьи и в ее диспозиции. По ч. 1 ст. 406 УК наказывается «недонесение о достоверно известном совершенном особо тяжком преступлении либо о достоверно известном лице, совершившем это преступление, или о месте нахождения такого лица», по ч. 2 – недонесение о достоверно известном готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении. Вместе с тем, как справедливо отмечает И.А. Бушуев, «правильное уяснение понятия недонесения, условий и пределов ответственности за него имеет большое значение в деле отправления правосудия, соблюдения прав и интересов граждан»¹⁴³. Из приведенной законодательной формулировки можно лишь сделать некоторые выводы об условиях уголовной ответственности за недоносительство, но никак не о его понятии.

В литературных источниках недоносительство определяется через внешнюю характеристику деяния, которое его составляет, и его общественную опасность. Поскольку недонесение о преступлении – это бездействие, то оно представляет собой пассивное поведение, невыполнение тех действий, которые виновный должен был и мог совершить. Отсюда возникает необходимость рассмотреть содержание обязанности, лежащей на недоносителе, невыполнение которой и влечет ответственность по ст. 406 УК.

В соответствии со ст. 59 Конституции Республики Беларусь государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности (ст. 2 Конституции). Криминогенная обстановка в стране, уровень преступности и эффективность противодействия ее распространению являются теми факторами, которые во многом определяют внутренний порядок в государстве, влияют на благополучие, состояние защищенности как отдельных граждан, так и общества в целом. Следовательно, борьба с преступностью – прямая обязанность государства, которая должна осуществляться его органами и долж-

¹⁴³ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 85.

ностными лицами. Обязанность по раскрытию и расследованию преступлений в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством возложена на государственные органы, уголовное преследование осуществляется от имени государства, носит публичный характер.

Граждане в соответствии с законодательством, как правило, не обязаны принимать меры по предотвращению, выявлению и пресечению преступлений. Однако усилий лишь правоохранительных органов зачастую недостаточно для этого, невозможно установить порядок и стабильность в обществе без участия и желания его членов. Как писал еще в XIX веке А.В. Лохвицкий, «...с учреждением постоянных полицейских агентов общество вовсе не отрекается от важнейших полицейских обязанностей – предупреждения преступлений, открытия преступников. Если я знаю, что такой-то собирается убить моего согражданина, сжечь его дом, – то я обязан предупредить угрожаемое лицо или полицию, не только по чувству человеколюбия, но и вследствие той солидарности, которая существует между гражданами одного государства; если я знаю виновника преступления, то, по тем же причинам, я обязан открыть его, – иначе преступление останется не наказанным – великое зло, или будет наказан не тот, кто совершил его, а невинный, – зло еще большее»¹⁴⁴. Поэтому активность каждого – важнейшее условие успешности борьбы с преступностью.

Следует отметить, что данный вопрос в действующем законодательстве решается неоднозначно: в ряде случаев та или иная деятельность в этой сфере рассматривается как право лица, в других – как обязанность. Так, в соответствии со ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий могут привлекаться на добровольной основе отдельные лица с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту. Ст. 28 УПК отдельным категориям граждан (потерпевшему, а в случае его неспособности по возрасту или состоянию здоровья выражать свою волю в уголовном процессе либо в случае его смерти любому из его совершеннолетних близких родственников или членов семьи, а также законному представителю) предоставлено право на участие в уголовном преследовании. Граждане также имеют право на задержание лица, совершившего преступное деяние, с целью пресечения преступления и для передачи этого лица органу власти (ст. 35 УК, ст. 109 УПК).

К обязанностям граждан можно отнести те, которые возложены УПК Республики Беларусь на свидетелей, понятых, экспертов, специалистов, переводчиков как участников уголовного процесса. Однако данные категории лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальной деятельности,

¹⁴⁴ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 170.

достаточно специфичны, в силу чего под их признаки подпадает (а следовательно, должен исполнять соответствующие процессуальные обязанности) весьма ограниченный круг субъектов.

Более широкий комплекс обязанностей граждан в рассматриваемой области предусмотрен уголовным законодательством. Задача предупреждения преступлений здесь решается с помощью различных уголовно-правовых институтов, в том числе института прикосновенности к преступлению, включая установление запрета на недонесение о преступлении. Из содержания ст. 406 УК вытекает требование сообщать сведения о достоверно известном совершенном особо тяжком преступлении, а также о достоверно известном готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении. Ту же деятельность в отношении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и менее тяжких преступлений следует рассматривать как право граждан. Таким образом, грань между должным и возможным поведением граждан, между обязанностью и правом проведена в уголовном законе и зависит от того, к какой категории относится преступление, о котором не сообщается.

Анализ уголовного законодательства различных государств позволяет говорить о неоднозначном отношении к вопросу о признании недонесения о преступлении уголовно наказуемым деянием. С одной стороны, не во всех странах доноительство признается преступлением и влечет уголовную ответственность либо считается таковым в отношении ограниченного круга преступных деяний. К примеру, ответственность за недонесение о преступлении в УК государств – участников СНГ и стран Балтии регламентируется следующим образом:

- вообще не предусмотрена ответственность (УК Российской Федерации, Украины, Кыргызской Республики, Республики Молдова);
- ответственность предусмотрена, но без дифференциации в зависимости от видов недонесения (о готовящемся или совершенном преступлении) и категории преступления (тяжкое и особо тяжкое) (УК Республики Узбекистан, Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Эстонской Республики, Латвийской Республики, Азербайджанской Республики, Литовской Республики);
- ответственность предусмотрена только за недонесение о готовящемся особо тяжком преступлении (УК Грузии)¹⁴⁵.

В других же государствах недонесение не просто признается преступлением, как в Республике Беларусь. Меры наказания за его совершение более строгие, чем предусмотрены в белорусском УК (УК Республики Польша, Латвийской Республики, Свод законов США и др.).

¹⁴⁵ Саркисова Э.А. Прикосновенность к преступлению: проблемы ответственности // Право Беларуси. 2003. № 14(38). С. 58–59.

Значение нормы уголовного закона, предусматривающей ответственность за недонесительство, обусловлено в первую очередь сохраняющимся достаточно высоким уровнем преступности, что требует принятия адекватных мер, направленных на борьбу с ней. Основным средством предупреждения и пресечения преступлений является уголовно-правовая политика государств, находящая свое выражение в уголовном законодательстве. Недонесение о преступлениях – одно из проявлений безразличного отношения к готовящимся, совершаемым или укрываемым преступлениям. Поэтому предусмотренная в законодательстве ответственность за недонесение является важным уголовно-правовым средством борьбы с преступностью¹⁴⁶.

Тем не менее можно встретить множество высказываний против возложения на граждан обязанности сообщать о преступлениях и привлечения к ответственности за ее нарушение. Так, Л. Брусницын соглашается с тем, что одним из факторов, влияющих на результаты борьбы с преступностью, является готовность граждан участвовать в этой борьбе и, в частности, сообщать в правоохранительные органы об известных им преступлениях. В то же время в качестве важнейшего условия, влияющего на активность граждан в этой сфере, он называет их материальное поощрение (вознаграждение) за предоставленную информацию. Приводится пример США и Канады, где успешно применяется материальное вознаграждение за сообщение информации о преступлении с сохранением анонимности лица, сделавшего такое сообщение (вознаграждение выплачивается по присвоенному для анонимности номеру лица, обратившегося в полицию)¹⁴⁷. Несомненно, такая материальная заинтересованность – важнейший стимул привлечения граждан к борьбе с преступностью, имеющий большой положительный эффект, однако не единственный и, возможно, не самый действенный. Нельзя забывать, что в США наряду с мерами материального поощрения сохраняется уголовная ответственность за недонесение, которое карается достаточно строго – штрафом или тюремным заключением на срок до трех лет, или обоими наказаниями¹⁴⁸.

Состояние экономики Республики Беларусь на современном этапе развития государства не позволяет широко использовать материальное поощрение граждан, способствующих своевременным обращением в правоохранительные органы раскрытию и расследованию преступлений. Более того, целесообразнее имеющиеся средства направлять на улучшение финансирования органов, ведущих уголовный процесс, создав для них благоприятные в плане материального и технического обеспечения условия для

¹⁴⁶ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 19.

¹⁴⁷ Брусницын Л. Поощрение за сообщения о преступлениях // Законность. 2000. № 2. С. 32–33.

¹⁴⁸ Уголовное законодательство зарубежных стран / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2001. С. 66.

работы. Предоставление вознаграждения за сообщение о преступлении может рассматриваться как вариант лишь в исключительных случаях по инициативе потерпевшего или иных лиц, способных такое вознаграждение предоставить. Активность граждан в борьбе с преступностью должна быть итогом не корыстной заинтересованности с их стороны, а высокого уровня правовой культуры, осознания ими необходимости оказания помощи правоохранительным органам в их деятельности. Необходимость сохранения уголовной ответственности за недонесение о преступлении связана с тем, что: во-первых, указанное деяние представляет достаточно серьезный характер и степень общественной опасности; во-вторых, угроза уголовного наказания за неисполнение юридической обязанности в условиях современного белорусского общества является фактически единственным средством, которое реально способно побудить лицо, не желающее идти на контакт с органами, ведущими уголовный процесс, сделать это.

К такому же выводу приходят и некоторые современные российские исследователи, которые считают преждевременным исключение соответствующей статьи из УК РФ. Положение о возвращении такой нормы в уголовный закон Российской Федерации выносится на защиту кандидатских диссертаций. Например, А.Д. Макаров обосновывает его мнениями других ученых (Е.Ю. Хлопцева, В.В. Трухачев), а также результатами проведенного им социологического исследования, которые показали, что абсолютное большинство (94,0%) опрошенных сотрудников органов внутренних дел (100 чел.) выступают за криминализацию несообщений о тяжких и особо тяжких преступлениях¹⁴⁹. Автор приходит к выводу о необоснованности и несвоевременности декриминализации несообщения о преступлениях в условиях беспрецедентного роста преступности, в том числе латентной, и низкой раскрываемости преступлений¹⁵⁰.

В. Колесник, являясь практическим работником в органах прокуратуры, говорит о том, что отсутствие в российском УК статьи, предусматривающей ответственность за недонесение, оказывает негативное влияние на раскрытие многих преступлений, особенно убийств¹⁵¹. Он подвергает сомнению довод о том, что декриминализация недонесительства является шагом в сторону приближения национального законодательства к уголовному праву цивилизованных (западных) стран, в которых соответствующие нормы действуют.

В.Г. Трифонов также пишет: «Декриминализация несообщения о преступлении представляется серьезной ошибкой законодателя не только в силу имеющихся негативных тенденций в криминогенной обстановке в

¹⁴⁹ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 127.

¹⁵⁰ Там же. С. 130.

¹⁵¹ Колесник В. Сомнительные новеллы УК // Законность. 1999. № 3. С. 27–28.

стране, но и в силу того, что подобная декриминализация создала дополнительные отрицательные моменты, а именно: исключено одно из условий снижения латентной преступности; созданы трудности в обеспечении свидетельской базы по уголовным делам; оказалась под вопросом возможность реализации принципа неотвратимости ответственности; снижается авторитет государства у той части населения, которая не приемлет такого бездействия; приобретают значение сомнительные формы стимулирования сообщений о преступлении – информирование за материальное вознаграждение, что с моральной точки зрения не всегда можно считать оправданным»¹⁵².

Целесообразность сохранения состава доносительства в уголовном законе подтверждается и результатами проведенного нами социологического исследования. Из 275 респондентов на вопрос: «Должны ли привлекаться к уголовной ответственности те, кто, зная о совершенном или готовящемся преступлении, не сообщил эти сведения в правоохранительные органы?», – ответили утвердительно 29,5% (81 человек). Еще 49% (135) считают, что ответственность должна наступать в некоторых случаях, в зависимости от тяжести преступления, о котором не было сообщено. Лишь 8,4% опрошенных (23) высказались за ненаказуемость лица в таких случаях.

В науке уголовного права высказываются предложения заменить термин «недонесение о преступлении» на более благозвучный «несообщение о преступлении» («не оказание помощи правосудию»¹⁵³), так как термин «недонесительство» содержит нравственно-отрицательную оценку, что с этических позиций недопустимо в законотворчестве. На бытовом уровне доносительство воспринимается как что-то позорящее человека, как клевета, предательство, а не выполнение гражданского долга перед обществом¹⁵⁴. В. Колесник, в частности, обращает внимание на тот факт, что «граждане, заведомо зная лиц, причастных к убийству, не указывают на них не из-за страха, мести..., а как бы стыдясь прослыть “доносчиком”»¹⁵⁵. Кроме того, считается, что слово «несообщение» более точно отражает сущность определяемого явления; концентрирует внимание не на негативной стороне, а на той помощи государству и обществу, которую не оказал виновный. Законодатель некоторых государств при формулировке статей использовал именно данный прием¹⁵⁶. Исходя из этого предлагается назвать статью «Несообщение о преступлении и лице, его совершившем».

¹⁵² Трифонов В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. СПб., 2000. С. 20.

¹⁵³ Пономаренко Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2007. С. 23.

¹⁵⁴ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 131.

¹⁵⁵ Колесник В. Сомнительные новеллы УК // Законность. 1999. № 3. С. 27.

¹⁵⁶ Зарубин А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Тюмень, 2004. С. 146.

Такое наименование не содержит нравственных оценок, оно больше будет соответствовать содержанию статьи, гораздо доступнее для понимания¹⁵⁷.

Действительно, слово «донос» имеет некоторую негативную окраску. Однако с точки зрения норм русского языка происхождение термина «недонесение» связано не столько с этим существительным, сколько с понятием «донесение». Такой вывод можно сделать из изучения специальной литературы. Так, в Толковом словаре русского языка (под ред. проф. Д.Н. Ушакова) раскрывается два значения слова «доносить»: 1. (о чем) делать донесение, докладывать (офиц.); 2. (на кого – что) делать донос. Понятие «донесение» определяется следующим образом: «Донесение (офиц.) – 1. Служебное сообщение каких-нибудь сведений начальству; 2. Сообщение властям о каком-нибудь происшествии, преимущественно о совершившемся преступлении или о подготовке к нему (право)»¹⁵⁸. Отсюда под недонесением понимается «несообщение правительственным органам (о совершенном или готовящемся преступлении)»; недоносителем признается «лицо, виновное в недонесении»; недоносительством считается «проступок, преступление, заключающееся в недонесении о чем-нибудь»¹⁵⁹. Аналогичные определения содержатся и в современных словарях, где донесение – это устное или письменное официальное сообщение каких-либо сведений властям, начальнику, командиру; сообщение; известие, извещение¹⁶⁰. Недонесение же толкуется преимущественно именно как форма прикосновенности к преступлению, несообщение о нем органам власти¹⁶¹.

Следовательно, ничего неэтичного или неблагозвучного в буквальном понимании термина «недонесение» нет. Понятия «недонесение» и «несообщение» являются синонимами, но первое из них, как прямо указано в словаре, носит более официальный характер, предопределяющийся именно спецификой того явления, которое им обозначается. Недонесение – это не просто несообщение какой-либо информации неопределенному кругу адресатов, а несообщение конкретных сведений (о преступлении) лишь определенным государственным органам и должностным лицам. В связи со сказанным термин «недонесение о преступлении» даже более предпочтителен для использования в уголовном законодательстве (в названии ст. 406 УК). В диспозицию ст. 406 УК может быть включен термин «несообщение» с целью дать развернутое определение недонесения о преступлении, подробнее раскрыть признаки этого уголовно наказуемого деяния.

¹⁵⁷ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 132.

¹⁵⁸ Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Том 1. С. 766.

¹⁵⁹ Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1938. Том 2. С. 499.

¹⁶⁰ Значение слова Донесение. Режим доступа : <http://poiskslov.com/word/донесение>. Дата доступа : 20.09.2010.

¹⁶¹ Недонесение. Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/123094>. Дата доступа : 20.09.2010.

Что касается ссылки на иностранное уголовное законодательство, то нельзя забывать о том, что чаще всего мы имеем дело с переводными текстами уголовных законов иных государств, а потому встречающийся в них термин «несообщение» не всегда является оригинальным и может рассматриваться как интерпретация диспозиции статьи кодекса переводчиком. Кроме того, встречается в изданных текстах Уголовных кодексов иностранных государств и понятие «недонесение» (например, в ст. ст. 19 и 181 УК Эстонской Республики, § 138 УК ФРГ, ст. 315 УК Латвийской Республики, ст. 376 УК Грузии, ст. 307 УК Азербайджанской Республики).

Таким образом, недонесение о преступлении представляет собой невыполнение гражданами без уважительных причин юридической обязанности своевременно сообщать правоохранительным органам достоверно известные им сведения о преступлении при наличии к тому реальной возможности. Указанная обязанность закреплена в уголовном законе и является универсальной, она в одинаковой мере распространяется на всех граждан, независимо от их правового положения в обществе. Общественная опасность недонесения о преступлении состоит в том, что несообщение органам власти о готовящемся преступлении ведет нередко к его совершению, а несообщение о совершенном преступлении в ряде случаев приводит к трудностям в расследовании этого преступления, в своевременном изобличении и наказании преступника¹⁶². Тем самым нарушается принцип неотвратимости уголовной ответственности, преступник избегает наказания, получает возможность продолжать преступную деятельность.

Основная цель установления ответственности за доноительство — «побуждать неосознательных граждан под страхом уголовного наказания содействовать осуществлению задач правосудия путем сообщения о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении»¹⁶³. Данная цель достигается, в частности, применением наказания к лицам, виновным в доноительстве. Наказывая виновного в доноительстве, суд самим фактом применения наказания оказывает предупредительное воздействие на других граждан. Помимо общего предупреждения преступности, введение уголовной ответственности за доноительство, по мнению А.Д. Макарова, направлено на обеспечение общественной безопасности и реализацию неотвратимости ответственности за противоправное деяние. В целом криминализация недонесения о преступлении должна способствовать, «во-первых, сокращению числа латентных преступлений, т.е. уяснению реального состояния преступности в стране; во-вторых, более

¹⁶² Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и доноительство. М., 1965. С. 86.

¹⁶³ Носкова Н. Квалификация недонесения о преступлении // Советская юстиция. 1971. № 5. С. 14.

эффективной деятельности органов предварительного расследования по раскрытию преступлений и изобличению преступников»¹⁶⁴.

Как отмечалось выше, следует различать и законодательно закрепить такие виды недонесения о преступлении, как заранее обещанное (является интеллектуальным пособничеством) и заранее не обещанное недоносительство (выступает одной из форм прикосновенности к преступлению). Первое из них характеризуется большей степенью общественной опасности, причинно и виновно связано с совершением основного преступления, в силу чего должно влечь применение к недоносителю более строгих мер уголовной ответственности.

2.2. Объективные признаки недонесения о преступлении

Основным непосредственным объектом недонесения о преступлении, как и всех форм прикосновенности к преступлению, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов правосудия, то есть интересы правосудия, понимаемого в широком смысле этого слова. Дополнительным факультативным объектом недонесения о готовящемся преступлении выступают те общественные отношения, на которые посягает основное, первичное преступление.

В уголовном законе недоносительство делится на два вида: недонесение о совершенном особо тяжком преступлении (ч. 1 ст. 406 УК) и недонесение о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении (ч. 2 ст. 406 УК). За совершение последнего с учетом его большей общественной опасности предусмотрены более строгие меры наказания. Поэтому деяние, предусмотренное в ч. 2 ст. 406 УК, не следует рассматривать как квалифицированный состав недоносительства. Более правильной является точка зрения, согласно которой в обеих частях названной статьи содержится «единый состав преступления с альтернативными признаками, характеризующими содержание информации, известной виновному, о которой он не сообщает властям»¹⁶⁵. Такое деление является новым для белорусского уголовного законодательства, в действующем УК впервые ответственность за недонесение дифференцирована именно в зависимости от того, о каком (совершенном или готовящемся) преступлении не сообщает виновный. Это, несомненно, можно назвать достоинством уголовного закона Республики Беларусь, что, однако, не исключает возможность дальнейших исследований в данном направлении и некоторой критики.

¹⁶⁴ Макаров А.Д. Несообщение о преступлении или преступнике как вид прикосновенности к преступлению: в свете совершенствования уголовного законодательства // Закон и право. 2004. № 9. С. 43.

¹⁶⁵ Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / под общ. ред. А.И. Лукашова. Минск, 2001. С. 661.

Руководствуясь ч. 2 ст. 3 УК, нормы кодекса подлежат строгому толкованию, применение уголовного закона по аналогии не допускается. Буквальное же толкование нормы ст. 406 УК позволяет сделать вывод о том, что наказуемым в настоящее время является недонесение о любом преступлении, относящемся к указанным категориям, которое: 1) уже совершено, т.е. налицо оконченное преступление, либо 2) находится на стадии приготовления к преступлению, когда лицо еще не приступило к совершению запрещенного уголовным законом деяния, а лишь умышленно создает условия для этого.

По мнению Г. Виттенберга и П. Панченко, хотя в законе прямо и не говорится о недонесении о совершающемся преступлении, но такие случаи прямо подразумеваются им¹⁶⁶. Ш.С. Рашковская понимает под готовящимся преступлением «действия, составляющие приготовление к преступлению или покушение на него, а совершенным – действия, образующие состав преступления, предусмотренный конкретной статьей Особенной части»¹⁶⁷. С такими утверждениями согласиться нельзя. Они противоречат учению о стадиях совершения преступления, где под покушением понимаются умышленное действие или бездействие лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам (ч. 1 ст. 14 УК). Приготовление же – это приискание или приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления (ч. 1 ст. 13 УК). Следовательно, понятие «готовящееся преступление» не может охватывать стадию покушения, поскольку она характеризуется существенно иным по сравнению с приготовлением содержанием поведения лица, более опасным в связи с началом выполнения объективной стороны состава преступления.

На наш взгляд, имеется пробел в законодательстве при установлении уголовной ответственности за недонесение о преступлении. Вне правовой регламентации осталось несообщение о деянии, содержащем признаки состава преступления, когда оно уже начато, но еще не доведено до конца, осуществляется в данный момент, создавая угрозу охраняемым общественным отношениям, либо направлено на достижение общественно опасных последствий, которые еще не наступили. Речь идет о покушении на преступление, а также о совершении длящихся и продолжаемых преступлений, т.е. о совершаемом преступлении. Требуется внесение соответствующих изменений в УК либо дача разъяснений по применению данной нормы УК Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь. Предпочтительнее разрешение поставленного вопроса на уровне уголовного закона,

¹⁶⁶ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 19.

¹⁶⁷ Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 94.

поскольку преступность и наказуемость деяния определяются только УК и никакими иными нормативными правовыми актами (ч. 2 ст. 3 УК).

При установлении уголовной ответственности за недонесение о совершаемом преступлении необходимо учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, это деяние характеризуется теми же обязательными признаками, что и недонесительство о готовящемся или совершенном преступлении: 1) убежденность лица в достоверности имеющихся у него сведений о совершаемом преступлении (непосредственное наблюдение события преступления, получение информации от других лиц, если есть основания им доверять, и т.д.); 2) лицо имеет реальную возможность сообщить о совершаемом преступлении (нет угрозы его жизни или здоровью, ему не препятствуют стихийные силы природы и др.) и умышленно не делает этого.

Во-вторых, следует учитывать позицию Конституционного Суда Республики Беларусь, сформулированную в Заключении от 25 марта 1999 года №3-77/99 «О толковании Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г. “О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь”», где указано на то, что степень общественной опасности недонесительства зависит не только от тяжести преступления, о котором не сообщено в соответствующие органы, но и от характера совершаемого недонесителем бездействия. Поскольку при сообщении о готовящемся преступлении имеется реальная возможность предотвратить его совершение, предупредив тем самым причинение вреда охраняемым законом объектам, а недонесение о подготовке преступления препятствует формированию порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод человека, имеет значение соблюдение дифференцированного подхода к установлению ответственности за указанное недонесение и недонесение о совершенном преступлении, когда вредные последствия уже наступили. Это должно распространяться и на недонесение о совершаемом преступлении, так как в данном случае своевременное сообщение о таком преступлении компетентным органам содействует его пресечению, предотвращению наступления возможных общественно опасных последствий деяния и в целом уменьшению вредоносности его для отдельных лиц и общества. Поэтому ответственность должна предусматриваться за недонесение о достоверно известном совершаемом преступлении, относящемся к категориям как особо тяжких, так и тяжких преступлений. Санкция за совершение указанного деяния должна быть строже по сравнению с недонесением о совершенном преступлении, но мягче по сравнению с тем же деянием в отношении готовящегося преступления с учетом степени общественной опасности и характера трех форм недонесительства.

Исходя из сказанного статью 406 УК необходимо дополнить новой частью, предусматривающей ответственность за недонесение о достоверно известном совершаемом тяжком или особо тяжком преступлении (включая несообщение о достоверно известном лице, его совершающем, месте и других обстоятельствах совершения преступления). Бездействие виновного должно квалифицироваться по данной части, когда лицо было непосредственно очевидцем совершения преступления и не сообщило о нем, имея возможность, либо оно утаивает сведения о продолжающемся или длящемся преступлении. Если же в силу того, что о присутствии при совершении преступления постороннего известно исполнителю, или по другим уважительным причинам сообщить о преступлении невозможно, ответственность за недонесение о совершаемом преступлении исключается. В таком случае лицо может быть наказано за недонесение о преступлении совершенном, если оно в последующем о нем не заявит.

Объективная сторона недонесения характеризуется бездействием, под которым понимается общественно опасный в данных условиях места, времени и обстановки акт поведения, состоящий в несовершении лицом того действия, которое оно должно было и могло выполнить¹⁶⁸. Применительно к недоносительству бездействие состоит в невыполнении лицом обязанности сообщать в государственные органы о готовящемся или совершенном преступлении. Пассивное поведение недоносителя, как правило, состоит в полном бездействии, но возможно и в виде ненадлежащего действия (например, умышленное сообщение неполной информации о преступлении, умышленное несвоевременное сообщение, умышленное сообщение в некомпетентные органы)¹⁶⁹. Н.А. Неклюдов более века назад давал следующее определение: «Недонесение – это неизвещение органов власти о преступном деянии (умышляемом или совершившемся). Соккрытие в донесении истины есть тоже недонесение»¹⁷⁰. Отсюда возникает вопрос о характере и содержании сведений о преступлении, несообщение которых должно влечь ответственность за недоносительство. Сам Н.А. Неклюдов, изучая действовавшее в то время уголовное законодательство, считал предметом недонесения только событие преступления или участвовавшее в нем лицо. Недонесение о месте нахождения вещественных или письменных доказательств было ненаказуемо¹⁷¹. Не сильно изменилось уголовное законодательство в этой части и сейчас.

По сравнению с диспозициями стст. 18, 86 и 186 УК 1960 года в действующем уголовном законе более четко определено содержание сведений о преступлении, несообщение которых влечет уголовную ответственность.

¹⁶⁸ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 85.

¹⁶⁹ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 93.

¹⁷⁰ Неклюдов Н.А. Противодействие правосудию и злоупотребления по службе. СПб., 1892. С. 5.

¹⁷¹ Там же. С. 5.

Если ранее законодатель ограничивался формулировкой «недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении» (ст. 18 УК 1960 г.), то в настоящее время она расширена и дополнена сведениями о достоверно известном лице, совершившем преступление, или о месте нахождения такого лица (однако лишь в ч. 1 ст. 406 УК). Вместе с тем вопрос об объеме достоверно известных лицу сведений о преступлении, несообщение которых должно влечь уголовную ответственность по ст. 406 УК, остается нерешенным. В литературе по данному поводу высказывались различные мнения.

Первое из них состоит в том, что «ответственность за недонесение может иметь место только в том случае, если несообщение относилось к обстоятельствам, образующим состав того преступления, о совершении или подготовке которого лицо не сообщило»¹⁷². Сообщение это должно касаться события преступления, виновников преступления и других известных обстоятельств, образующих состав преступления. Несоблюдение иных известных обстоятельств не составляет недонесения¹⁷³. Отсюда «недонесение – это несообщение органам власти или другим надлежащим органам о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении в объеме его конститутивных признаков»¹⁷⁴.

Следует не согласиться с такой позицией уже потому, что законодатель сам практически вышел за пределы обязательных признаков состава преступления, сведения о котором не сообщаются недонесителем, включив в их число при установлении ответственности за недонесительство информацию о достоверно известном месте нахождения лица, совершившего особо тяжкое преступление.

Ссылкой на учение о составе преступления обосновывает свой подход к определению объема сведений при недонесительстве В. Илюхин, утверждая, что «недонеситель должен хотя бы в общих чертах иметь представление о лице, совершившем преступление, объекте посягательства и способе совершения деяния. Поэтому не всегда налицо будут признаки недонесительства, если субъект стал очевидцем лишь последствий преступления, а не самого момента его совершения (например, видел труп с явными признаками насильственного лишения человека жизни). Недонесительство будет иметь место только в том случае, когда лицо, наблюдая последствия преступления, достоверно знает из других источников о преступнике, характере его действия. Если же гражданин, зная о всех обстоятельствах преступления, сообщает о них все, кроме сведений о преступнике, то его дей-

¹⁷² Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 95.

¹⁷³ Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении. М., 1962. С. 63.

¹⁷⁴ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство. М., 1965. С. 86.

ствия можно расценивать как недоносительство»¹⁷⁵. Этот тезис вызывает множество возражений, поскольку здесь даже более, чем в первом случае, сужается содержание информации о преступлении, подлежащей сообщению. С одной стороны, не ясно, почему признаки состава преступления автором сводятся лишь к его объекту, способу совершения и субъекту. Не обоснованно забытыми остаются такие элементы любого состава, как субъективная сторона и обязательные признаки объективной стороны (прежде всего преступное деяние). Зато отдельно выделяется способ совершения преступления, который традиционно считается факультативным (необязательным) признаком состава. С другой стороны, излишне заостряется внимание на субъекте преступления, сведения о котором вовсе могут быть не известны лицу. Выходит, что, если лицо не знает, кто совершил преступление, значит, оно не должно вообще или, по крайней мере, не всегда должно сообщать о преступлении в компетентные органы. Это противоречит законодательству и здравому смыслу. Если в приведенном автором примере лицо сознает, что было совершено убийство, и умышленно не сообщает о месте обнаружения им и нахождения трупа, то тем самым оно препятствует установлению самого факта совершения преступления и, соответственно, его расследованию, что представляет общественную опасность и должно влечь ответственность за недонесение о совершенном особо тяжком преступлении.

Иной позиции придерживается Г. Баймурзин, считающий, что «не нужно составлять всеобъемлющего, пригодного для всех встречающихся в жизни случаев, перечня» сведений, несообщение которых влечет уголовную ответственность; он должен определяться «в зависимости от конкретных обстоятельств, в силу которых то или иное лицо оказывается связанным с преступлением»¹⁷⁶. Такую точку зрения нельзя не признать весьма разумной и обоснованной, но она все же не позволяет решить окончательно поставленную проблему об определении объема, ограничении круга тех сведений, о которых лицо должно умолчать, чтобы его бездействие было признано недонесением о преступлении и влекло уголовную ответственность.

Возникает, в частности, вопрос о том, следует ли рассматривать как недонесение о преступлении несообщение достоверно известных сведений об орудиях и средствах совершения преступления (орудиях и средствах, подготавливаемых для совершения преступления), следах преступления, предметах, добытых преступным путем (предметах, на которые готовится преступное посягательство), месте нахождения таких орудий и средств, следов преступления и предметов. Очевидно, что утаивание указанных

¹⁷⁵ Илюхин В. Некоторые вопросы ответственности за недоносительство // Советская юстиция. 1980. № 7. С. 27.

¹⁷⁶ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 130.

фактических данных может создать значительные препятствия в установлении истины по уголовному делу, когда преступление уже совершено, а также повлечь непринятие своевременно мер по предотвращению готовящегося преступления. Следовательно, общественная опасность этих деяний, как и запрещенных стст. 405 и 406 УК недоносительства и укрывательства преступлений, не вызывает сомнений.

Если обратиться к анализу состава недонесения о преступлении, то в отношении рассмотренных вариантов несообщения информации о преступлении можно говорить о том, что в этих деяниях присутствуют обязательные признаки объекта преступления, субъекта преступления, субъективной стороны преступления (вины в форме прямого умысла, когда лицо сознает, что не сообщает соответствующие сведения уполномоченным органам при наличии у него такой возможности, и желает этого). Однако из буквального толкования диспозиции ст. 406 УК не ясно, охватываются ли ею такие случаи непредоставления информации о преступлении. Требуется более четкое определение понятия «недонесение о преступлении», его признаков в части установления круга обстоятельств, несообщение о которых имеет столь существенное значение для целей раскрытия, расследования и предупреждения совершения преступлений, что должно влечь уголовную ответственность.

Так как недоносительство законодателем отнесено по объекту посягательства к преступлениям против правосудия, представляется целесообразным подойти к решению рассматриваемой проблемы с позиций интересов предварительного расследования и отправления правосудия по уголовным делам о преступлениях, сведения о которых скрывает недоноситель. Ведь именно установленный законом нормальный порядок осуществления деятельности органами уголовного преследования и суда нарушается вследствие бездействия лица, виновного в недонесении о преступлении.

В соответствии с ч. 1 ст. 89 УПК Республики Беларусь при производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовного дела подлежат доказыванию следующие обстоятельства:

- 1) наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения);
- 2) виновность обвиняемого в совершении преступления;
- 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, характеризующие личность обвиняемого);
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением.

Поскольку установление всех этих обстоятельств по каждому уголовному делу является обязательным, постольку умышленное утаивание сведений о них причиняет существенный вред интересам предварительного рас-

следования и судебного разбирательства уголовных дел, препятствует установлению истины по делу, нарушает принцип неотвратимости уголовной ответственности. Следовательно, под недонесением о преступлении следует понимать несообщение лицом любых сведений об указанных обстоятельствах. В их число прежде всего можно включить информацию о месте, времени, способе, орудиях, средствах совершения преступления, следах преступления, месте нахождения предметов, добытых преступным путем. Зачастую именно отсутствие орудия преступления (например, при расследовании дел об убийствах) или следов, оставленных преступником, является причиной невозможности установления личности виновного лица или доказывания причастности подозреваемого к совершению преступления. Исключить из предмета недонесительства можно сведения об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих ответственность, которые характеризуют не совершенное преступление, а личность виновного.

В связи со сказанным представляется необходимым именно таким образом, более широко толковать понятие «недонесение о преступлении», не ограничиваясь несообщением лишь о самом факте совершения преступления, лице, его совершившем, и месте нахождения такого лица.

Этой же позиции придерживается А.Д. Макаров, по мнению которого состав недонесительства образует несообщение как о факте совершения преступления, так и о преступнике, месте его нахождения, а равно месте нахождения следов, орудий и средств совершения преступления, предметов, добытых преступным путем. Такие сообщения обеспечивают расследование уголовных дел доказательствами, свидетельской базой¹⁷⁷, с учетом чего предлагается раскрыть в диспозиции статьи несообщение об уголовно наказуемых деяниях – не только о достоверно известном факте совершения преступления, но и о лице, его совершившем, месте его нахождения, а равно о месте нахождения предметов, добытых преступным путем, следов преступления, орудий и средств его совершения¹⁷⁸.

Таким образом, требуется внести соответствующие изменения в диспозицию ч. 1 ст. 406 УК, определив в ней недонесение о преступлении как несообщение о достоверно известных лицу обстоятельствах совершения особо тяжкого преступления, имеющих существенное значение для его раскрытия и расследования и подлежащих установлению в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь.

Применительно к ч. 2 ст. 406 УК с учетом несколько иного содержания общественной опасности недонесения о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении, в объем сведений, несообщение которых уголов-

¹⁷⁷ Макаров А.Д. Несобобщение о преступлении или преступнике как вид прикосновенности к преступлению: в свете совершенствования уголовного законодательства // Закон и право. 2004. № 9. С. 45.

¹⁷⁸ Там же. С. 46.

но наказуемо, следует включить сведения об обстоятельствах приготовления к преступлению, которые имеют существенное значение для своевременного предотвращения совершения этого преступления.

Помимо того, что не сообщенные лицом сведения составляют предмет доказывания и имеют существенное значение для раскрытия и расследования преступления, в литературе выделяется, по меньшей мере, еще два обязательных признака, которые должны быть присущи этим сведениям.

Во-первых, они должны быть исчерпывающими, полными. По содержанию сообщение о преступлении должно включать все известные лицу данные о преступном событии и о личности виновного. Если лицо сообщает о произошедшем событии или часть иной известной ему информации о преступлении, но умалчивает о других известных ему сведениях (например, о личности преступника), ответственность за недонесение не исключается¹⁷⁹. С этим не согласен И.А. Бушуев, считая необоснованным привлечение к уголовной ответственности за недонесение о факторах и обстоятельствах, которые хоть и имеют значение для раскрытия преступления, но лежат за пределами состава недонесения¹⁸⁰. Ранее обосновывалось наличие в подобных случаях признаков недонесения о преступлении. Однако следует согласиться, что степень общественной опасности недонесительства при этом снижается, поэтому в силу малозначительности деяния должен решаться вопрос о непривлечении лица к ответственности.

Во-вторых, во всех изученных источниках указывается на достоверность сведений, которые утаиваются недонесителем. На этом же акцентирует внимание законодатель, употребляя в диспозиции чч. 1 и 2 ст. 406 УК формулировку «недонесение о достоверно известном» преступлении. При этом достоверность сведений рассматривается как синоним их истинности.

Достоверность – понятие философское, оно означает правильное отображение объективной действительности в сознании человека. В уголовном праве под достоверными понимаются такие сведения о преступлении, которые характеризуются следующими признаками: 1) соответствуют объективной действительности (объективный критерий) и 2) заведомо известны недонесителю (субъективный критерий). Само по себе соответствие сведений, которыми располагает субъект, фактам объективной действительности, но при отсутствии у него твердой уверенности в их истинности, исключает наличие умысла и не влечет уголовной ответственности. Игнорирование этого обстоятельства может привести к объективному вме-

¹⁷⁹ Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 163–164; Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 22; Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959. С. 229.

¹⁸⁰ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство. М., 1965. С. 94.

нению, что является грубым нарушением принципов уголовного законодательства.

Источники получения сведений при доносительстве должны быть такими, чтобы не вызывать сомнений в их достоверности у получившего эти сведения (собственные наблюдения, сведения, полученные от участников преступления, из документов, обнаружение следов преступления и т.п.). Нельзя признать достоверными сведения, полученные понаслышке, от посторонних лиц, не участвовавших в преступлении. Несообщение о предполагаемых фактах или о фактах, в существовании которых лицо не было твердо уверено, не образует доносительства. Таким образом, когда достоверность знаний доносителя о преступлении сомнительна, недостаточно оснований для привлечения его к уголовной ответственности¹⁸¹.

Так, было отказано в возбуждении уголовного дела по ст. 406 УК в отношении гр-ки Р. В ходе предварительного расследования было установлено, что гр-н К., будучи в состоянии алкогольного опьянения, тайно похитил со стоянки около дома Р. чужой автомобиль. Из материалов дела следовало, что непосредственно перед совершением преступления К. зашел к своей знакомой Р., где они совместно распивали спиртные напитки. Около трех часов ночи он вышел из квартиры и совершил кражу. В последующем в присутствии Р. гражданин К. обсуждал совместно с С. и Ч. возможности продажи похищенного автомобиля. Следователь не усмотрел в деянии Р. признаков доносительства о преступлении, поскольку она ничего не знала о совершенной краже, участия в сбыте автомашины не принимала. Это подтверждено показаниями обвиняемых К., С. и Ч., которые утверждали, что ничего не говорили Р. о совершенной краже¹⁸².

Кроме того, поскольку закон устанавливает ответственность лишь за недонесение о преступлениях, специально указанных в УК, постольку знание о самом событии преступления в общих чертах, когда ему нельзя дать точной оценки, не является достоверным. Достоверные знания должны включать как минимум информацию об основных конститутивных признаках преступления, по которым лицо сможет правильно судить о степени общественной опасности ставшего ему известным преступления, а следовательно, и о степени общественной опасности несообщения о таком преступлении. Если уголовный закон устанавливает ответственность за недонесение о преступлении, совершенном при отягчающих обстоятельствах, обвинение в недонесении может иметь место лишь при условии, что эти

¹⁸¹ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и доносительство. М., 1965. С. 92–93; Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 94; Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 129; Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959. С. 227–228; Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и доносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 72.

¹⁸² Архив суда Московского района г. Бреста за 1995 г. Дело № 1/181.

квалифицирующие признаки осознавались виновным. Таким образом, если лицо не способно с достаточной четкостью сознавать, к какому преступлению оно прикосновенно, ответственность его исключается¹⁸³.

Как видно из содержания диспозиции ст. 406 УК, в уголовном законе Республики Беларусь четко не определено, какому именно адресату (государственному органу, должностному или частному лицу) должно быть сделано сообщение о преступлении, чтобы эта обязанность признавалась надлежаще выполненной. Н.А. Неклюдов вообще считал, что «вопрос о компетентности лиц к принятию доноса не существен... Закон, в сущности, наказывает уклонение от обязанности доноса: поэтому, если уклонения нет, нет и преступления, например, обвиняемый в недонесении доказал, что он приходил несколько раз к исправнику для извещения, но его не приняли, или что не донес оттого, что боялся, что убьют и т.д.»¹⁸⁴. В современном уголовном праве данное высказывание не находит поддержки.

Вопрос об адресате сведений при недонесительстве многими иностранными законодателями также оставляется без однозначного разрешения, лишь в уголовных кодексах отдельных государств круг этих адресатов более или менее четко определен. Так, на основании § 138 УК ФРГ заявление о готовящемся преступном деянии должно быть сделано «соответствующему органу»¹⁸⁵. В соответствии со стст. 135 и 136 УК Голландии ответственности подлежит лицо, которое, зная о приготовлении к совершению или совершении любого из перечисленных правонарушений, своевременно и надлежащим образом не предупреждает об этом судебных чиновников либо полицейских, либо лицо, которому преступление угрожало¹⁸⁶. Согласно ст. 240 УК Республики Польша сообщение о наказуемом приготовлении либо покушении или совершении указанных в данной статье запрещенных деяний, требуется сделать «органу, призванному осуществлять преследование преступлений»¹⁸⁷. Уголовное законодательство Норвегии (§ 139) требует делать сообщение «соответствующим властям»¹⁸⁸. Сводом законов Соединенных Штатов Америки наказание устанавливается для лица, которое, «зная о фактически совершенной фелонии, подпадающей под юрисдикцию судов Соединенных Штатов, скрывает это и не сообщает о том, что ему известно, в возможно короткие сроки какому-

¹⁸³ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 94–95; Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 73.

¹⁸⁴ Неклюдов Н.А. Противодействие правосудию и злоупотребления по службе. СПб., 1892. С. 5–6.

¹⁸⁵ Уголовный кодекс ФРГ. М., 2000. С. 94.

¹⁸⁶ Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2001. С. 226.

¹⁸⁷ Уголовный кодекс Республики Польша. Минск, 1998. С. 85.

¹⁸⁸ Уголовное законодательство Норвегии. СПб., 2003. С. 144.

либо судье или другому лицу из числа гражданских или военных властей Соединенных Штатов»¹⁸⁹.

В науке уголовного права по этому поводу была сформирована единая позиция, разделяемая большинством авторов. Суть ее в том, что состав не-доносительства отсутствует, если гражданин сообщил о преступлении органам правосудия или иным государственным органам либо общественным организациям, которые по своему служебному или общественному долгу должны передать сведения уполномоченным на выявление и расследование преступлений органам. Ссылка на то, что эти сведения сообщены иным лицам (знакомым, соседям, сослуживцам и т.п.), не исключает ответственности за недонесение¹⁹⁰. При этом под такими «иными» органами и организациями различными исследователями предлагается понимать партийные органы, печать, непосредственного начальника, т.е. все учреждения и лиц, обязанных принимать необходимые меры к предотвращению, пресечению и изобличению того или иного конкретного преступления¹⁹¹; любой другой орган, чья деятельность в той или иной мере связана с охраной конкретного вида общественных отношений, в сфере которого совершается или совершено посягательство¹⁹², органы народного контроля и др., а для несовершеннолетних администрация школ, педагоги, воспитатели¹⁹³.

В целом такой подход не вызывает возражений, однако с учетом действующего законодательства Республики Беларусь может быть уточнен. Так, говоря о первой группе адресатов, включающей специально уполномоченные на борьбу с преступностью органы, следует отметить следующее. В п. 10 ст. 6 УПК дается определение понятию «заявитель», под которым понимается всякое лицо, обратившееся в суд или орган уголовного преследования в порядке, установленном УПК, за защитой своего действительного или предполагаемого права либо сообщившее об известном ему готовящемся, совершаемом или совершенном общественно опасном деянии, предусмотренном уголовным законом. Согласно п. 21 названной статьи, орган уголовного преследования – это орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор. Следователем является должностное лицо прокуратуры, органов внутренних дел, государственной безопасности, финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, осуществляющее в пределах его компетенции предварительное следствие (ч. 1 ст. 36

¹⁸⁹ Уголовное законодательство зарубежных стран / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2001. С. 66.

¹⁹⁰ Ковалев М. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Советская юстиция. 1977. № 19. С. 27; Крымінальнае права Беларусі : навуч. дапам. / пад рэд. А.У. Баркова. Мінск, 1997. С. 204.

¹⁹¹ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 21.

¹⁹² Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 125.

¹⁹³ Пономаренко Е.В. Некоторые теоретические и практические проблемы прикосновенности к преступлению по УК РФ : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2007. С. 24.

УПК). Перечень государственных органов и должностных лиц, уполномоченных законом осуществлять дознание, содержится в ч. 1 ст. 37 УПК. К ним относятся:

1) Министерство внутренних дел Республики Беларусь, территориальные органы внутренних дел;

2) органы государственной безопасности – по уголовным делам, отнесенным законом к их ведению;

3) командиры воинских частей, соединений, начальники органов пограничной службы, военных учреждений и гарнизонов – по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, на которых распространяется статус военнослужащих, о преступлениях, совершенных гражданским персоналом Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований в связи с исполнением ими служебных обязанностей в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона, органа пограничной службы или его подразделения;

4) начальники учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторов – по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений, а равно по уголовным делам о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений;

5) Государственный пограничный комитет Республики Беларусь, территориальные органы пограничной службы, орган пограничной службы специального назначения – по уголовным делам о незаконном пересечении Государственной границы Республики Беларусь;

6) таможенные органы – по уголовным делам, отнесенным законом к их ведению;

7) органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь – по уголовным делам, отнесенным законом к их ведению;

8) органы государственного пожарного надзора – по уголовным делам о пожарах и нарушении противопожарных правил;

9) капитаны морских или речных судов, командиры воздушных судов, находящихся вне пределов Республики Беларусь, – по уголовным делам о преступлениях, совершенных на судах;

10) главы дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Беларусь – по делам о преступлениях, совершенных в пределах территории дипломатических представительств и консульских учреждений.

Некоторую ясность в решение вопроса об адресате сведений о преступлении также позволяет внести норма, содержащаяся в ст. 7 Закона Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З «Об участии граждан в охране пра-

вопорядка». Ею установлено, что индивидуальное участие граждан в охране правопорядка может, в частности, осуществляться в виде сообщения правоохранительным органам, органам и подразделениям по чрезвычайным ситуациям, органам пограничной службы Республики Беларусь о ставших им известными фактах готовящихся, совершаемых или совершенных правонарушений, причинах и условиях, способствующих их совершению.

Состав иных органов и организаций представляется необходимым ограничить лишь теми, которые в соответствии с законодательством действительно могут или обязаны непосредственно принимать реальные меры по взаимодействию с первой группой специально уполномоченных органов, стимулируя их деятельность по раскрытию и расследованию преступления, изобличению преступника. В этом случае у лица имеются основания считать, что сообщение о преступлении «станет известным органам власти, призванным охранять... правопорядок и возбуждать уголовное преследование»¹⁹⁴. Очевидно, что с учетом изменения социально-политической обстановки в государстве нельзя относить к таковым партийные органы, которые утратили свою главенствующую роль в обществе, характерную для советского периода в истории нашей страны. Заявление о преступлении в печать или должностным лицам государственных органов и иных организаций может рассматриваться как надлежащее, так как на основании стст. 166, 170 и 171 УПК сообщения о преступлении в средствах массовой информации или указанными должностными лицами являются поводами к возбуждению уголовного дела.

Кроме того, в соответствии со ст. 6 Закона Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка» граждане могут реализовывать свое право на участие в охране правопорядка в следующих формах: индивидуальное участие; внештатное сотрудничество с правоохранительными органами, органами и подразделениями по чрезвычайным ситуациям, пограничными войсками Республики Беларусь; участие в объединениях граждан, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка; членство в добровольных дружинах. Поскольку такое участие реализуется на основе принципа тесного взаимодействия с государственными органами, осуществляющими охрану правопорядка (ст. 3 Закона), и преследует цель борьбы с противоправными посягательствами, следует признать надлежащим сообщение о преступлении, сделанное таким гражданам и их объединениям.

Неоднозначно решается в литературе вопрос о последствиях сообщения о готовящемся преступлении лицу, в отношении которого замышляется посягательство. Встречается мнение о том, что оно должно исключать уголовную ответственность. Непредотвращение готовившегося преступления

¹⁹⁴ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 602.

по причинам, не зависящим от сделавшего сообщение лица, не должно отягчать участь последнего и влечь его уголовную ответственность¹⁹⁵. Эта точка зрения, как указывалось ранее, разделяется голландским законодателем. Другие авторы считают, что данное сообщение должно расцениваться как смягчающее обстоятельство, но не как обстоятельство, исключающее ответственность за недонесение, поскольку такие действия нарушают нормальное функционирование органов борьбы с преступностью¹⁹⁶. Последний взгляд на проблему кажется более приемлемым, поскольку отражает содержание общественной опасности недоносительства как самостоятельного преступного деяния и соответствует нормам уголовно-процессуального законодательства.

Исходя из принципа публичности уголовного процесса (ст. 15 УПК) государство гарантирует каждому защиту от преступных посягательств. Принимать необходимые меры по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, привлечению виновных к предусмотренной законом ответственности и созданию условий для постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора обязаны государственные органы, должностные лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование. Эти должностные лица и органы обладают необходимыми ресурсами для предотвращения готовящегося преступления, чего нельзя сказать о потенциальном потерпевшем. Поэтому даже в случае предупреждения лица о готовящемся на него посягательстве общественная опасность бездействия недоносителя полностью не исключается из-за объективной невозможности частного лица предпринять все необходимые меры по недопущению преступления. Даже если уведомленное лицо в последующем обратится за защитой в компетентные государственные органы, в силу утраты времени принять такие меры может быть уже затруднительно или невозможно, поздно. Данное утверждение тем более справедливо, что речь идет о приготовлении к совершению деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления. Таким образом, нельзя говорить об исключении ответственности за недоносительство во всех такого рода случаях. Решение вопроса должно быть отдано на усмотрение суда при обязательном условии предотвращения совершения тяжкого или особо тяжкого преступления в результате своевременного сообщения о нем лицу, в отношении которого это преступление подготавливалось.

Следовательно, ответственность за недоносительство должна исключаться, если сообщение о преступлении было сделано надлежащему адресату, а именно:

¹⁹⁵ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 90.

¹⁹⁶ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 96.

- 1) суду или органу уголовного преследования;
- 2) иным государственным органам, должностным лицам и организациям при условии, что: а) они в соответствии с законодательством наделены особыми правами и обязанностями по взаимодействию с первой группой специально уполномоченных органов в области борьбы с преступностью; б) в силу этого у лица имеются реальные основания полагать, что сообщение о готовящемся или совершенном преступлении станет известным органам правосудия, прокуратуры, предварительного следствия или дознания.

Исходя из законодательного описания объективной стороны недонесения о преступлении можно сделать вывод о том, что время совершения бездействия не относится к обязательным признакам данного состава, поскольку на это нет прямого указания в диспозиции ст. 406 УК. Вместе с тем следует признать такой подход законодателя необоснованным, так как именно в зависимости от того, в какой срок лицо должно было сообщить об известном ему преступлении в компетентные органы, во многом должно приниматься решение о привлечении к уголовной ответственности недонесителя. На своевременность сделанного сообщения о преступлении как обстоятельство, исключающее ответственность за недонесение о нем, указывает абсолютное большинство авторов, занимавшихся исследованием состава этого преступления против правосудия. Предлагается множество вариантов определения понятия «своевременность» донесения, которые можно сгруппировать следующим образом.

Во-первых, ряд авторов под своевременным понимает сообщение, сделанное в реально возможный при данных конкретных обстоятельствах кратчайший срок после получения информации о готовящемся или совершенном преступлении (И.А. Бушуев, Н.А. Носкова, Е.В. Пономаренко, П.Ф. Тельнов, М.Х. Хабибуллин)¹⁹⁷. Только в этом случае создаются возможности для своевременного и успешного раскрытия преступления и разоблачения преступника. На основании Свода законов Соединенных Штатов Америки (раздел 18, § 4. Недонесение) ответственности подлежит лицо, не сообщившее об известном ему преступлении «в возможно короткие сроки»¹⁹⁸.

Во-вторых, М.А. Шнейдер усматривал признаки недонесительства, когда лицо, имея возможность сообщить об известных ему фактах готовя-

¹⁹⁷ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство. М., 1965. С. 91; Носкова Н.А. Ответственность граждан за преступления против правосудия. М., 1975. С. 16; Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 163–164; Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 58; Пономаренко Е.В. Некоторые теоретические и практические проблемы прикосновенности к преступлению по УК РФ : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2007. С. 24.

¹⁹⁸ Уголовное законодательство зарубежных стран / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2001. С. 66.

щегося или совершенного преступления, не делает этого в срок, который в конкретных условиях является достаточным для подобного сообщения¹⁹⁹.

Третья группа ученых считает, что может быть признано надлежащим сообщением о преступлении хоть и не в минимально кратчайшие сроки, но в сроки, в течение которых имеется реальная возможность своевременно предотвратить, пресечь или изобличить преступление²⁰⁰. В данном случае приоритет отдается интересам нормальной деятельности органов правосудия как объекту посягательства, которые и учитываются в первую очередь. «Нет преступного недонесения в том случае, если гражданин сообщил о ставшем ему известном преступлении или преступнике не сразу, а спустя определенное время. Важно, что он оказал своевременную помощь органам правосудия в раскрытии преступления и изобличении преступника»²⁰¹.

В-четвертых, в литературе предлагается возможным сроком считать такое донесение о преступлении, которое сделано лицом сразу после того, как ему стало известно о готовящемся или совершенном преступлении, при первой возможности по получении сведений о нем, чтобы оно могло способствовать своевременному и успешному пресечению готовящегося или раскрытию совершенного преступления и разоблачению виновных²⁰². По этому поводу в учебной литературе отмечается, что недонесение о преступлении, имеющее по конструкции объективной стороны формальный состав, признается оконченным с того момента, когда лицу стало достоверно известно о преступных деяниях, но оно не сообщило об этом в соответствующие органы или должностным лицам при наличии реальной возможности это сделать²⁰³.

В соответствии с § 1 ст. 240 УК Республики Польша за недонесительство уголовную ответственность несет лицо, не сообщившее достоверные сведения о преступлении немедленно органу, призванному осуществлять преследование преступлений²⁰⁴.

В-пятых, достаточно распространено мнение, что решение вопроса о сроке, в течение которого лицо обязано сообщить о преступлении, должно производиться в зависимости от того, о каком преступлении идет речь – о

¹⁹⁹ Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г.А. Кригера [и др.]. М., 1981. С. 279; Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении. М., 1962. С. 63.

²⁰⁰ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 23–24.

²⁰¹ Ковалев М. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Советская юстиция. 1977. № 19. С. 27.

²⁰² Раал Э. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тарту, 1956. С. 17–18; Хакимов И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества. Ташкент, 1982. С. 74–75.

²⁰³ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова. Минск, 2003. С. 1025; Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / под общ. ред. А.И. Лукашова. Минск, 2001. С. 662.

²⁰⁴ Уголовный кодекс Республики Польша. Минск, 1998. С. 85.

готовящемся или уже совершенном. В.Г. Трифонов такое требование объясняет тем, что «своевременное сообщение о готовящемся преступлении создает условие для его предотвращения, в то время как информирование об уже совершенном деянии фактически содействует лишь его раскрытию и изобличению виновных. Поэтому промедление в первом случае чревато более серьезными последствиями, чем во втором, соответственно и сроки сообщения в данных условиях различны»²⁰⁵.

Если речь идет о совершенном преступлении, то сообщение о нем должно быть сделано в минимально возможный кратчайший срок (без промедления), после того как лицу стало известно об этом преступлении²⁰⁶. При установлении факта, что лицо, имея на то реальную возможность, сделало это сообщение с опозданием, оно не освобождается от ответственности.

При сообщении о готовящихся преступлениях должна быть принята во внимание необходимость предотвращения совершения готовящегося общественно опасного деяния. Соответственно период информирования о таком преступлении ограничивается промежутком времени с момента, когда лицу стало известно о приготовлении к совершению деяния, и до момента, когда еще есть возможность пресечь его. Поэтому если лицо, обладающее данными о готовящемся преступлении и имеющее реальную возможность довести их до органов власти, делает это после его совершения, то оно не может быть освобождено от уголовной ответственности за недонесение о готовящемся преступлении, ибо преступление уже завершено. Поведение лица будет правомерным только в тех случаях, когда органы, получившие информацию, объективно имеют возможность предотвратить окончание начатого преступления. Сторонниками такого решения вопроса об ответственности недоносителя являются Г. Баймурзин и Б.Т. Разгильдиев.

И.А. Бушуев выступает против привлечения лица к уголовной ответственности в случаях, когда оно сообщает об известном ему готовящемся преступлении лишь после того, как оно достигло стадии покушения или было окончено. «Лицо, зная о готовящемся преступлении, бездействует в таких случаях, как правило, в силу обстоятельств не субъективного, а объективного характера (угроза со стороны преступников, готовящих преступление, и т.п.)»²⁰⁷. В.Г. Трифонов также полагает, что в этом случае следует отказаться от преследования за недоносительство, хотя по общему

²⁰⁵ Трифонов В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 22.

²⁰⁶ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968 С. 125; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 81; Трифонов В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 22.

²⁰⁷ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 92.

правилу деяние и является оконченным, т.е. фактически не сообщено о готовящемся преступлении. Такое решение, на его взгляд, целесообразно как поощрительная мера, дающая шанс лицам изменить свое поведение, не боясь ответственности за недоносительство о готовящемся преступлении²⁰⁸.

Согласно нормам § 138 УК ФРГ за недонесение о готовящемся (планируемом) преступлении наказывается тот, кто достоверно узнает о существовании умысла на совершение преступного деяния и в то время, когда еще можно предотвратить его совершение, не заявляет немедленно соответствующему органу о готовящемся преступном деянии²⁰⁹. По ст. 135 УК Голландии отвечает лицо, которое знает о сговоре совершить преступление и которое в то время, когда его совершение еще можно было предотвратить, умышленно, своевременно и надлежащим образом не предупреждает об этом указанных в статье лиц и органы²¹⁰. Согласно § 139 УК Норвегии наказанию подлежит тот, кто «упускает возможность путем своевременного сообщения соответствующим властям или другим образом предотвратить являющиеся уголовно наказуемыми... или последствия таких преступлений, несмотря на то, что получил достоверную информацию об угрожающем преступлении или о том, что оно осуществляется в момент, когда преступление или его последствия могли быть предотвращены»²¹¹.

Кроме того, рекомендуется временные рамки для сообщения о преступлении ограничивать следующими обстоятельствами:

1. Лицо должно сделать сообщение до того, как органам власти стало известно о приготовлении или совершении преступления²¹² или, как определяет Э.А. Саркисова, до момента раскрытия этого преступления²¹³. Исходя из этого польский законодатель не признает недонесением случаи, когда лицо не сделало сообщения, имея достаточное основание для предположения, что орган, призванный осуществлять преследование преступлений, знает о приготовляемом, предпринимаемом или совершенном запрещенном деянии (§ 2 ст. 240 УК Республики Польша)²¹⁴. В то же время А.В. Барков пишет: «Запоздалое сообщение о преступлении, даже если о нем не было известно органам уголовного преследования, отрицательно сказывается на ходе и результатах расследования. В подобных случаях малодушие, колебания и неоправданная волокита заслуживают строгого порицания, и запоздалое сообщение может расцениваться как смягчающее

²⁰⁸ Трифонов В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 23.

²⁰⁹ Уголовный кодекс ФРГ. М., 2000. С. 94.

²¹⁰ Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2001. С. 226.

²¹¹ Уголовное законодательство Норвегии. СПб., 2003. С. 144.

²¹² Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 91; Крымінальнае права Беларусі : навуч. дапам. / пад рэд. А.У. Баркова. Мінск, 1997. С. 204.

²¹³ Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск, 2005. С. 275.

²¹⁴ Уголовный кодекс Республики Польша. Минск, 1998. С. 85.

обстоятельство, но не более»²¹⁵. По тем же причинам нельзя полностью освобождать от уголовной ответственности лицо, знавшее о готовящемся преступлении и сообщившее о нем, когда исполнитель уже приступил к его совершению.

2. Сделать такое сообщение необходимо до вызова лица в качестве свидетеля и предупреждения его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ или уклонение от дачи показаний²¹⁶. Установленная законом правовая обязанность граждан сообщать об известных им готовящихся или совершенных преступлениях может считаться выполненной лишь в том случае, если сообщение о преступлении было сделано ими по собственной инициативе. Правдивое показание по делу при этом, не являясь основанием освобождения от ответственности, может быть учтено судом при назначении наказания²¹⁷. На добровольность как обязательный признак сообщения о преступлении указывал И.Х. Хакимов: «Сообщение должно быть добровольным, а не вынужденным, сделанным с целью уйти от ответственности после того, как недоносителю стало известно, что хищение раскрыто и преступники привлечены к уголовной ответственности. Сообщение не является добровольным, если виновный расказал о совершенном хищении во время допроса, при условии, что оно им было сделано не по собственной инициативе»²¹⁸.

Итак, существует достаточно много, порой противоположных, точек зрения по поводу определения срока, с истечением которого сообщение о преступлении должно признаваться несвоевременным, а лицо привлекаться к уголовной ответственности за недонесение о нем. Следует согласиться с тем, что в каждой конкретной ситуации с учетом сложившихся обстоятельств, влияющих на возможность лица сделать соответствующее сообщение, продолжительность этого периода времени может отличаться весьма существенно. Однако это не исключает необходимости установить общее правило определения срока сообщения о преступлении, чтобы исключить случаи необоснованного освобождения от ответственности за недонесительство или привлечения к ней лиц, обеспечить более действенную защиту интересов правосудия в данной области. При этом необходимо принимать во внимание ряд существенных обстоятельств.

В первую очередь к таковым относится особенность объективной стороны недонесительства, которое является преступлением длящимся. От-

²¹⁵ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 96.

²¹⁶ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство. М., 1965. С. 91; Носкова Н.А. Ответственность граждан за преступления против правосудия. М., 1975. С. 16; Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 58.

²¹⁷ Советское уголовное право. Общая часть. М., 1977. С. 290.

²¹⁸ Хакимов И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества. Ташкент, 1982. С. 75.

сюда – особый порядок установления момента начала и окончания данного преступления. Э.А. Саркисова понимает под длящимся преступлением «такое преступление, которое осуществляется непрерывно (длится) в течение определенного времени и сопряжено с невыполнением возложенных на лицо обязанностей»²¹⁹. По определению комментаторов УК Республики Беларусь, длящееся преступление начинается с момента совершения преступного действия или бездействия и затем продолжается в непрерывном выполнении состава определенного преступления²²⁰. Длющиеся преступления с целью их квалификации признаются оконченными с момента начала невыполнения обязанностей, возложенных на виновное лицо (момент юридического окончания преступления). Фактически оконченными длящиеся преступления признаются с момента добровольного или принудительного их прекращения²²¹.

Недонесение – преступление длящееся, поскольку его содержанием и сущностью является невыполнение лицом в течение более или менее длительного времени определенной правовой обязанности. Начальным моментом «процесса» недонесения, по мнению Н.А. Носковой, является совокупность следующих обстоятельств: получение информации о готовящемся или совершенном преступлении, порождающее правовую обязанность для данного лица сообщить о преступлении; наличие реальной возможности сделать до вызова в качестве свидетеля это сообщение; невыполнение указанной обязанности по истечении времени, необходимого для своевременного сообщения. Именно с момента наличия всех указанных обстоятельств воля недонесителя получает свое внешнее выражение в бездействии, в силу чего возникают предусмотренные законом признаки данного преступления²²². Фактически оконченным преступление будет с момента прекращения преступного состояния (например, явка с повинной).

Нельзя также забывать о том, что по конструкции объективной стороны состав недонесения о преступлении – формальный. Проводя специальные исследования в этой области, В.Н. Кудрявцев писал: «Всякое длящееся преступление начинается с акта активного преступного действия или с акта преступного бездействия, который дает окончанный состав. Однако длительность этих преступлений образуется не за счет первоначального акта, а за счет последующего бездействия, продолжающегося вплоть до задержания преступника или до отпадения какого-либо из элементов состава».

²¹⁹ Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск, 2005. С. 566.

²²⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова. Минск, 2003. С. 42.

²²¹ Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск, 2005. С. 238.

²²² Носкова Н.А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 20.

ва»²²³. Следуя классификации, разработанной ученым, недонесение можно отнести к преступлениям, которые «в качестве элемента состава включают не фактическое наступление, а возможность наступления вредных последствий». Под физической природой возможности наступления вредных последствий В.Н. Кудрявцев понимал создание условий для достижения преступного результата, определенный этап развития объективной стороны, который состоит в том, что преступное действие полностью совершено и уже вызвало во внешнем мире некоторые изменения. Хотя эти изменения пока что не привели к преступному результату, но они способны привести и при дальнейшем беспрепятственном развитии событий закономерно приведут к такому исходу²²⁴. Создание возможности наступления вредных последствий нельзя рассматривать как действительное преступное последствие в полном смысле слова, т.е. в качестве фактического ущерба объекту посягательства. Если же общественно опасные последствия, не указанные прямо в законодательстве, наступают, это должно учитываться при определении меры наказания виновному. Состав преступления при этом не перестает оставаться формальным. В качестве примера В.Н. Кудрявцев приводил состав недонесения о преступлении, наказуемого «независимо от того, в какой степени это недонесение фактически помешало отправлению правосудия. Однако это обстоятельство не безразлично при выборе меры наказания. В общей форме можно сказать, что наступление вредных последствий, относящихся к сфере объекта посягательства (основных или дополнительных), если они не указаны в диспозиции, всегда усиливает тяжесть преступления и соответственно влечет повышение наказания в рамках санкции статьи»²²⁵.

Присоединимся к авторам, считающим, что недонесительство отсутствует, если лицо сообщит о готовящемся или совершенном преступлении немедленно после получения достоверных сведений о нем при наличии реальной возможности донести. Срок в данном случае действительно можно назвать кратчайшим, так как он ограничивается по продолжительности временем, которое необходимо для телефонного звонка или личного посещения соответствующих органов и т.п.

Однако такая идеальная ситуация, когда лицу никто и ничто не препятствует сделать сообщение о преступлении, на практике возможна далеко не всегда. В силу этого обязательным является также наличие у него реальной возможности сделать такое сообщение. Недонесение о преступлении с объективной стороны всегда выражается в бездействии, а значит, признак «лицо

²²³ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 94.

²²⁴ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 170–171.

²²⁵ Там же. С. 181.

могло совершить действие (выполнить обязанность)» является обязательным для рассматриваемого состава. Очевидно, что при определенных условиях, когда имеются уважительные причины невыполнения возложенной на лицо обязанности, ответственность за недонесение о преступлении наступать не должна (при условии, что лицо при первой же возможности сообщение сделало, даже пусть и через достаточно значительный промежуток времени с момента, когда ему стало известно о преступлении). Уважительными причинами могут признаваться различные обстоятельства объективного (стихийное бедствие, отсутствие средств связи, физическое принуждение и др.) и субъективного характера (физические недостатки или заболевание лица, неграмотность). Исчерпывающий перечень таких обстоятельств составить невозможно, они должны выявляться и оцениваться в каждом конкретном случае в совокупности с другими фактами.

Нельзя также не учитывать направленность посягательства при недонесительстве на нормальную деятельность органов и интересы правосудия. Существенную помощь в раскрытии и расследовании преступления может оказать информация, предоставленная и спустя значительное время после его совершения и получения ее виновным. Поскольку УК установлены сроки давности, в течение которых допускается привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего основное преступление, постольку максимально возможный срок, в пределах которого могут сохранять значение сведения об этом преступлении, равен сроку давности в соответствии со ст. 83 УК. Поэтому запоздалое сообщение о преступлении (когда оно не сделано незамедлительно после возникновения возможности к этому) хоть и содержит фактически состав оконченного недонесения о преступлении, но может рассматриваться как смягчающее ответственность обстоятельство или основание к освобождению недонесителя от ответственности. Право органов предварительного расследования и суда принять такое решение может быть закреплено в УК Республики Беларусь (к примеру, в примечании к ст. 406 УК) следующим образом: «Лицо, без уважительных причин несвоевременно сообщившее достоверно известные ему сведения о преступлениях, указанных в ст. 406 настоящего Кодекса, может быть освобождено от уголовной ответственности за недонесение, если своим сообщением оно способствовало предотвращению готовящегося преступления, выявлению и расследованию совершенного преступления, изобличению лиц, его совершивших».

Итак, можно заключить, что состав недонесения о преступлении присутствует при наличии одного из альтернативных признаков бездействия: лицо вообще не сообщает известные ему сведения о преступлении; такое сообщение сделано несвоевременно; о преступлении проинформирован ненадлежащий адресат; лицо сообщает не все известные ему сведения о

преступлении, имеющие существенное значение для его раскрытия и расследования.

С учетом сказанного недонесение о преступлении можно определить в ч. 1 ст. 406 УК следующим образом: «1. Заранее не обещанное несообщение суду, органу уголовного преследования или иным уполномоченным государственным органам, должностным лицам и организациям всех достоверно известных сведений об обстоятельствах совершения особо тяжкого преступления, имеющих существенное значение для его выявления и расследования и подлежащих установлению в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь, лицом, которое заведомо могло сообщить эти сведения немедленно после их получения (заранее не обещанное недонесение о преступлении)». Часть 2 данной статьи должна звучать: «2. Заранее не обещанное недонесение о совершаемом тяжком или особо тяжком преступлении», а часть 3 – «3. Заранее не обещанное недонесение о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении».

2.3. Субъективные признаки недонесения о преступлении

В первой главе данной работы уже говорилось о том, что существует, по крайней мере, два мнения по поводу определения вида вины прикосновенных лиц. То же наблюдаем и в отношении недонесения о преступлении. Если практически единогласно во всех изученных источниках исследователи говорят только об умышленной форме вины при доноситељстве, то в отношении выделения видов умысла наблюдаются разногласия.

Ряд ученых отстаивают возможность совершения недонесения о преступлении не только с прямым, но и с косвенным умыслом (В.Г. Смирнов, Г. Баймурзин, В.Г. Трифонов, И.Х. Хакимов)²²⁶. Они считают, что поскольку доноситељ в определенной мере содействует сокрытию преступника или следов его преступления, а также реализации плодов преступления, постольку в характеристику субъективной стороны деяния доноситеља должно быть включено также его отношение к возможности наступления этих последствий. Поэтому хоть в большинстве случаев бездействие виновного совершается с прямым умыслом, то есть он желает, чтобы преступление осталось нераскрытым и преступник избежал наказания, но возможны и другие ситуации, когда по различным причинам лицо,

²²⁶ Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. С. 159; Хакимов И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества. Ташкент, 1982. С. 69–70; Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 126–127; Трифонов В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 24.

не являясь заинтересованным в уклонении преступника от наказания, сознательно допускает совершение готовящегося преступления или безнаказанность преступника за совершенное преступление, не сообщая о них. Довольно часто лицо, оказавшееся прикосновенным к преступлению, не знакомо с виновным и не сообщает о нем и о совершенном им деянии в силу своего безразличия к происходящему и нежелания, что называется, «создавать себе лишние проблемы». В качестве примеров совершения недоносительства с косвенным умыслом также приводятся случаи, когда лицо не сообщает о преступлении ввиду боязни угрозы или мести со стороны самого преступника или же его родственников. Отсутствие у виновного явно выраженного желания помочь преступнику уйти от разоблачения здесь ошибочно рассматривается как отсутствие у него прямого умысла, желания бездействовать.

Неправильность такой характеристики субъективной стороны недоносительства была обоснована ранее. Чтобы не повторяться, отметим лишь, что отношение субъекта к последствиям бездействия на форму вины не влияет, ибо возможные последствия лежат за рамками состава рассматриваемого преступления, который по конструкции – формальный. Недонесение предполагает только прямой умысел. Это значит, что виновный достоверно знает о готовящемся или совершенном преступлении, имеет реальную возможность сообщить об этом преступлении, но, сознавая противоправность своего поведения, не использует этой возможности, желает бездействовать. Несообщение лица о своих подозрениях о преступлении и преступнике не образуют состава недоносения. Ответственность наступает за недоносение о достоверно известных преступлении или преступнике. Сторонниками такого решения вопроса о форме вины недоносителя являются Б.Т. Разгильдиев, М.Х. Хабибуллин, Н.А. Носкова, М.И. Ковалев, Ш.С. Рашковская, П. Гришанин и др.²²⁷

Для ответственности за недоносение следует установить, что лицо, хотя бы в общих чертах, отдавало себе отчет в характере готовящегося или совершенного преступления. Сознанием недоносителя охватываются фактические обстоятельства, характеризующие то преступление, недоносение о котором карается законом. Исходя из понятия недоносения, содержащегося в ст. 406 УК, оно должно сознавать, что преступление относится к категории тяжкого или особо тяжкого. Если в силу фактической ошибки со-

²²⁷ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 86; Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 97; Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 72; Носкова Н.А. Ответственность граждан за преступления против правосудия. М., 1975. С.18; Гришанин П. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносение о них // Советская юстиция. 1975. № 15. С. 23; Ковалев М. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносение о них // Советская юстиция. 1977. № 19. С. 27.

знанием недонесителя охватываются лишь такие обстоятельства, которые характеризуют менее тяжкое преступление или преступление, не представляющее большой общественной опасности, то состав недонесения исключается.

Если речь идет о преступлении, совершенном при отягчающих обстоятельствах, то ответственность за недонесение о нем может наступить только в том случае, если установлено, что недонеситель знал о наличии этих обстоятельств.

В литературе также указывается, что ошибочное предположение лица о том, что о преступлении и преступнике известно компетентным органам и поэтому нет необходимости в его вмешательстве, исключает сознание общественной опасности бездействия и уголовную ответственность²²⁸. Данное положение нашло закрепление в § 2 ст. 240 УК Республики Польша, согласно которому не совершает недонесения лицо, не сделавшее сообщение, имея достаточное основание для предположения, что соответствующий орган знает о приготавливаемом, предпринимаемом или совершенном запрещенном деянии²²⁹. Как видно, прямой умысел (а именно осознание общественной опасности своего бездействия) будет отсутствовать только, если имеется добросовестное, основанное на каких-то конкретных реальных фактах заблуждение. В противном случае в сознании недонесителя не исключается необходимость оказания помощи органам власти и сознание общественной опасности своего бездействия. В таких ситуациях виновный обычно необоснованно ссылается на то, что думал, будто эти обстоятельства известны компетентным органам; что соответствующие должностные лица и сами могут узнать о содеянном; надеялся, что о преступлении или преступнике донесет другой человек; был убежден, что посягательство все равно станет кому-нибудь известно и тот обязательно сообщит о нем, и пр. Подобные «причины» бездействия недонесителя не исключают уголовной ответственности.

Изучая субъективную сторону недонесения о преступлении в аспекте сравнения с законодательством других государств, можно заключить, что практически во всех изученных уголовных законах содержатся указания только на умышленную вину недонесителя. Исключение составляет, например, УК ФРГ, в части (3) § 138 «Недонесение о планируемых преступных деяниях» которого предусмотрена ответственность для тех, «кто легкомысленно не сообщает о готовящемся преступном деянии, хо-

²²⁸ Гришанин П. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Советская юстиция. 1975. № 15. С. 23; Ковалев М. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Советская юстиция. 1977. № 19. С. 27–28.

²²⁹ Уголовный кодекс Республики Польша. Минск, 1998. С. 85.

тя он достоверно знает о существовании замысла или о совершении такого деяния»²³⁰.

С точки зрения отечественной уголовно-правовой доктрины вина в виде преступного легкомыслия вообще не может присутствовать в преступлениях с формальным составом, каковым является недонесение (ч. 3 ст. 24 УК). Что касается криминализации небрежного недонесения о готовящемся преступлении, то наказуемость такого бездействия представляется излишней. Содержание субъективной стороны небрежного недонесения состояло бы в том, что лицо не сознавало бы общественно опасный характер своего бездействия (то есть что не сообщает о готовящемся преступлении), хотя должно было и могло это сознавать. Возникает вопрос: как можно требовать от лица, не уверенного в том, что готовится совершение преступления, сообщить об этом в правоохранительные органы? Это, во-первых, противоречит сущности доносительства, состоящей в том, что у виновного должна быть внутренняя убежденность в достоверности имеющихся у него сведений о готовящемся преступлении. Общественная опасность его бездействия в том и заключается, что своим молчанием доноситель создает условия для совершения преступления. Во-вторых, если на каждого возложить обязанность сообщать о любых своих подозрениях, сомнениях, предположениях по поводу готовящегося преступления в государственные органы, это может создать перегруженность данных органов излишней работой, а кроме того, способствовать формированию в обществе атмосферы тотального недоверия. В-третьих, так как заранее не обещанное недонесение не находится в причинной и виновной связи с основным преступлением, его общественная опасность незначительна (законодатель отнес его к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности), при неосторожной же форме вины она вовсе сводится к нулю.

Мотивы и цели доносителя не выделяются законодателем в обязательные признаки субъективной стороны рассматриваемого преступления. Нельзя утверждать, что виновный своим бездействием стремится помочь лицу избежать ответственности за уже совершенное преступление или совершить готовящееся. Мотивы и цели могут быть весьма разнообразными. Н.А. Носкова предложила делить их на две группы: обусловленные характером отношений между доносителем и преступником и необусловленные им. К первой группе она отнесла такие мотивы, как страх за будущую судьбу близкого человека и желание «не выдать» друга, товарища, знакомого. Ко второй – страх перед преступником, боязнь быть привлеченным к уголовной ответственности в качестве соучастника, боязнь быть разоблаченным в совершении другого преступления, а также безразличное отношение к факту преступления. Некоторые мотивы не уложились в класси-

²³⁰ Уголовный кодекс ФРГ. М., 2000. С. 94.

фикацию, поэтому, например, жалость к лицу, совершившему преступление (при отсутствии близких родственных отношений), Н.А. Носкова включила в обе группы. Особое место она выделяла нежеланию выступать в качестве свидетеля из-за отсутствия времени, ложного стыда и т.д. Этот мотив, по мнению автора, может сочетаться и со страхом за будущую судьбу близкого человека, и с жалостью к лицу, совершившему преступление, и со страхом перед преступником, и с желанием «не выдать» друга, товарища, знакомого²³¹.

Безусловно, приведенная классификация мотивов недонесения о преступлении весьма интересна, тем более что опирается на результаты изучения автором судебной практики. Однако некоторые моменты нуждаются в уточнении. Так, ни в одной из групп не указывается на корыстный мотив, который иные авторы, напротив, особо выделяли. М.И. Ковалев в преддверии принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года высказывался за сохранение ответственности только за укрывательство и доноительство о тяжких преступлениях или когда укрывательство и доноительство совершается в корыстных целях. Кроме того, в целом выступая сторонником освобождения от ответственности за укрывательство и доноительство супругов, родственников по нисходящей и восходящей линии, братьев и сестер преступника, М.И. Ковалев исключал распространение этой нормы на укрывательство и доноительство, совершаемые по корыстным или другим низменным мотивам²³². А.Д. Макаров предлагает недонесение, совершенное из корыстных побуждений, относить к квалифицированному составу преступления²³³.

Кроме того, выше достаточно подробно освещался вопрос о нежелании граждан взаимодействовать с правоохранительными органами, причиной чему может быть недоверие к данным органам, неверие в эффективность их деятельности. Названный мотив должен занять свое место в классификации в силу своей распространенности.

В ходе анкетирования по вопросу о мотивах, которыми, по мнению граждан, руководствуется недоноситель, нами были получены такие результаты: 1) боязнь за собственную безопасность и членов своей семьи – 69% (так ответили 190 из 275 опрошенных); 2) нежелание быть участником уголовного процесса – 31% (85 человек); 3) недоверие к правоохранительным органам, отрицательная оценка их деятельности – 27% (75); 4) родственные или близкие отношения с лицом, совершившим преступление – 24% (66); 5) неверие в

²³¹ Носкова Н.А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 17–18.

²³² Ковалев М.И. Об ответственности за укрывательство и доноительство // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 106–107.

²³³ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 136.

то, что преступник будет найден и наказан – 14% (39); 6) безразличное отношение к потерпевшему от преступления и его интересам – 10% (28); 7) близость к «преступному миру» – 7% (20). Среди других мотивов указывались лень, слабоумие, желание «насолить» государству.

Опираясь на классификацию Н.А. Носковой и учитывая результаты проведенного анкетирования и изучения судебной практики, можно условно говорить о трех основных видах мотивов, характерных для недоносителей:

1) обусловленные личным доверительным характером отношений между недоносителем и преступником: родственные, дружеские связи, личное знакомство с преступником;

2) извинительные мотивы, не связанные с наличием особых отношений с преступником: боязнь за себя и членов своей семьи, страх быть привлеченным к уголовной ответственности в качестве соучастника или быть разоблаченным в совершении другого преступления, сострадание и жалость к преступнику, принуждение (психическое насилие) к лицу;

3) корыстные и иные низменные побуждения, в том числе открытое нежелание оказывать содействие правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступления.

Перечень мотивов, входящих в каждую из групп, является открытым и может дополняться. Значение же мотивов недонесения в том, что они должны выясняться и учитываться судом при определении меры наказания виновному либо служить основанием для освобождения от наказания.

В соответствии с УК субъектом недонесения о преступлении может быть любое лицо, достигшее на момент совершения бездействия 16 лет. Однако исходя из морально-этических соображений, согласно примечанию к ст. 406 УК, не подлежат уголовной ответственности за недонесение о преступлении члены семьи и близкие родственники лица, совершившего преступление, священнослужитель, узнавший о преступлении на исповеди, а также защитник, узнавший о преступлении во время исполнения своих профессиональных обязанностей. Анализ этой нормы позволяет выделить ряд проблем.

Исключение из числа субъектов недоносительства членов семьи и близких родственников лица, совершившего преступление, вытекает из нормы ст. 27 Конституции Республики Беларусь, устанавливающей, что «никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников».

Требование об освобождении от уголовной ответственности за недонесение на основании близкого родства является, как отмечалось ранее, достаточно новым для белорусского уголовного законодательства, хотя идея эта нашла отражение в нормах российского уголовного права несколько столетий назад. В XIX веке А.В. Лохвицкий писал: «...отношения

кровные и брачные устанавливают между людьми такие священные связи, что требовать донесения, т.е. подводить недонос под уголовное наказание, значило бы требовать величайшаго гражданского мужества, между тем как наказание должно следовать только за нарушение таких условий общественной жизни, соблюдение которых под силу каждому, даже слабому человеку. Кроме того, обязанность доносить, наложенная на членов семьи, естественно разрушила бы ту искренность, то тесное общение, которыя составляют ее существенную принадлежность»²³⁴.

А.В. Барков указывает на то, что «применение наказания к родственникам в этих случаях не приводит к достижению целей наказания, ибо общепредупредительная роль его крайне незначительна»²³⁵. О «весьма слабом мотивационном значении» угрозы ответственности за родственное укрывательство и недоносительство говорил и М. Исаев, склонявшийся к установлению факультативности наказания за эти деяния²³⁶.

Руководствуясь теми же соображениями, возможно расширение круга лиц, не подлежащих уголовной ответственности за недоносение о преступлении, определив их в примечании к ст. 406 УК как близких лица, совершившего преступление. На основании п. 3 ч. 2 ст. 4 УК под ними понимаются как близкие родственники и члены семьи этого лица, так и иные лица, которых он обоснованно признает своими близкими. К последним можно, например, отнести бывших супругов, некоторых родственников, не являющихся по законодательству близкими, лиц, собирающихся вступить в брак, и т.п.

В пользу освобождения от уголовной ответственности за так называемое родственное недоносительство свидетельствуют и примеры из практики. Так, было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении гр-ки Т. по факту недонесения ею о совершенном гр-ном К. убийстве. В ходе предварительного расследования было установлено, что в ее деянии отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 406 УК, так как она «обоснованно считала К. членом семьи и близким родственником» (Т. сожительствовала с К. на протяжении семи лет, они вели общее хозяйство).²³⁷ В другом случае суд не счел возможным освободить от уголовной ответственности за недоносение гр-ку К., посчитав, что срок в два месяца, в течение которых она проживала совместно с обвиняемым, вела с ним общее хозяйство, является незначительным для того, чтобы считать ее членом семьи обвиняемого, тем более что брак между ними зарегистрирован не

²³⁴ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 172.

²³⁵ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 88.

²³⁶ Исаев М. О наказуемости родственного укрывательства и недоносительства // Советское право. 1924. № 1(7). С. 62, 64.

²³⁷ Архив Брестского областного суда за 2003 г. Дело № 2/23.

был.²³⁸ Именно к таким ситуациям и должно применяться понятие «близкие»: если обвиняемый обоснованно считал К. таковой, не должно иметь решающего значения отсутствие официальной регистрации их отношений (особенно с учетом того, что «гражданские» браки очень распространены).

Совершенствование примечания к ст. 406 УК в части освобождения от уголовной ответственности близких виновного возможно и по другим направлениям. В буквальном смысле эта норма применима лишь к случаям, когда члены семьи и близкие родственники не сообщают о достоверно известном совершенном преступлении. Видимо, освобождение от ответственности их за недонесение о готовящемся преступлении по ч. 2 ст. 406 УК подразумевается, но формулировка «не подлежат ответственности... члены семьи и близкие родственники лица, совершившего преступление» это не отражает. В ней должно быть указание на то, что она распространяется на близких лица, совершившего, совершающего или готовящегося совершить преступление.

Еще один спорный момент нашел отражение в Заключении Конституционного Суда Республики Беларусь от 25 марта 1999 года № 3-77/99 «О толковании Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г. “О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь”», где сказано: «Не исключается возможность поиска законодателем такого решения вопроса об ответственности за недонесительство, согласно которому близкие родственники и члены семьи лица, готовящегося совершить особо тяжкое, опасное для жизни людей преступление, не подлежали бы ответственности за недонесение о факте подготовки такого преступления лишь в тех случаях, когда сообщение об этом факте не могло быть осуществлено иначе как путем дачи объяснений и показаний, направленных непосредственно против лица, готовящегося совершить преступление». Такая позиция обосновывается тем, что:

1) Конституцией Республики Беларусь человек, его права, свободы и гарантии их реализации признаны высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2 Основного закона), государство должно защищать жизнь человека от любых противоправных посягательств (ст. 24). Провозглашенное Конституцией право каждого на жизнь как неотъемлемое естественное право в силу своей высшей ценности имеет приоритетное значение в системе всех иных конституционных прав граждан;

2) недонесение о готовящемся преступлении имеет большую общественную опасность, чем недонесение о совершенном преступлении, поскольку при сообщении о готовящемся преступлении имеется реальная возможность предотвратить его совершение, предупредив тем самым причинение вреда охраняемым законом объектам.

²³⁸ Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2003 г. Дело № 1/310.

Сходные соображения высказывались и ранее. М.Х. Хабибуллин, будучи сторонником освобождения от уголовной ответственности близких родственников за совершение укрывательства и недонесения, выступал за сохранение ее при недонесении и укрывательстве особо опасных государственных преступлений и умышленного убийства, так как эти преступления обладают повышенной общественной опасностью²³⁹. Г.М. Шур ограничивал наказуемость недоносительства «областью особо опасных преступлений, т.е. такой областью, где и родственные отношения, и иные близкие отношения не могут помешать честному... гражданину выполнять свой патриотический долг»²⁴⁰.

Достаточно оригинальна позиция Б.Т. Разгильдиева, согласно которой: 1) прикосновенные лица своим деянием создают условия, позволяющие основным преступникам избежать наказания. Наказание выполняет функцию предупреждения преступлений (добавим: в первую очередь исправления лица, его совершившего), поэтому очевидно, что в исполнении наказания заинтересовано все общество, в том числе и близкие родственники; 2) значительная роль в формировании нравственных начал у ребенка принадлежит родителям и другим близким родственникам. Освобождение родителей от уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению не способствует воспитанию ответственности родителей за нравственный облик их детей, что затрудняет проблему искоренения тяжких преступлений²⁴¹. Сознвая нравственный характер проблемы, автор при этом выдвинул идею об исключении применения высшей меры наказания к основным преступникам, если сведения о преступлении или лице его совершившем, поступили от их близких родственников.

Действительно, следует говорить о необходимости ограничения случаев освобождения близких виновного, которые не сообщают о готовящемся насильственном преступлении против человека. Умышленно неиспользованная возможность спасти чью-то жизнь, сделав своевременное сообщение о предстоящем посягательстве, должна быть наказуема. Приведенные аргументы также могут стать основанием для пересмотра вопроса об освобождении священнослужителя и защитника от уголовной ответственности за недонесение о таком преступлении.

В соответствии с Основами социальной концепции Русской Православной Церкви признается возможность сотрудничества церкви и государства в некоторых областях общественной жизни. Среди возможных направлений взаимодействия государства и церкви названы «труды по

²³⁹ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 81.

²⁴⁰ Шур Г.М. Недоносительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 158.

²⁴¹ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 94-96.

профилактике правонарушений». Такой подход нашел закрепление в Соглашении о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью (подписано 12 июня 2003 года в г. Минске). Сотрудничество с Церковью в области профилактики правонарушений должно осуществляться Министерством внутренних дел Республики Беларусь. Отсюда возникает вопрос о том, следует ли священнослужителям оказывать содействие правоохранительным органам в случаях, когда им стало известно о готовящемся или совершенном преступлении, сообщать их в компетентный государственный орган. Здесь вступают в противоречие религиозное требование о неразглашении священнослужителем тайны исповеди и его долг как гражданина государства сообщить известную информацию и тем самым предупредить совершение преступления либо пресечь возможность лица, уже совершившего преступление, продолжить его противоправную общественно опасную деятельность. Рассмотрим религиозный и правовой подход к разрешению данной проблемы.

Основными законодательными актами о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях являются Конституция Республики Беларусь (статьи 16 и 31), а также Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 года № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях». Понятие «тайна исповеди» встречается лишь в ст. 39 Закона, в которой указано, что нарушение законодательства Республики Беларусь о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях, проявившееся, в частности, в нарушении тайны исповеди, влечет ответственность, установленную законом. При этом следует отметить, что в законодательстве Республики Беларусь в настоящее время нет норм об ответственности за нарушение тайны исповеди, в отличие от иных охраняемых законом видов тайны. Например, в УК Республики Беларусь предусмотрена ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 177), врачебной (ст. 178), коммерческой (ст. 255), государственной (стст. 373, 374) и служебной тайны (ст. 375), незаконные собиране либо распространение информации о частной жизни (ст. 179) и др. Практически отсутствуют также нормы, которые определяли бы предмет тайны исповеди и содержали гарантии ее защиты, кроме примечания к ст. 406 УК, а также ст. 60 УПК, согласно которой не подлежит допросу в качестве свидетеля священнослужитель об обстоятельствах, ставших известными ему из исповеди.

Таким образом, примечание к ст. 406 УК сформулировано на основе религиозных предписаний, что не было характерно для УК 1960 года. Это специальное основание освобождения от уголовной ответственности включено в новый УК, исходя из положений Модельного Уголовного кодекса, который является Рекомендательным законодательным актом для Содружества Независимых Государств (принят на седьмом пленарном за-

седании Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 года). В соответствии с примечанием к ст. 326 последнего не подлежит уголовной ответственности священнослужитель за несообщение о преступлении, ставшем ему известным на исповеди. В уголовных законах ряда зарубежных государств наблюдается аналогичная позиция законодателя по данному вопросу (Казахстан, Таджикистан, ФРГ), в большинстве же такого рода норм не содержится (Республика Польша, США, Латвийская Республика, практически все кодексы государств СНГ).

Позиция Русской Православной Церкви такова: «Даже в целях помощи правоохранительным органам священнослужитель не может нарушать тайну исповеди или иную охраняемую законом тайну (например, тайну усыновления)... Священнослужитель призван проявлять особую пастырскую чуткость в случаях, когда на исповеди ему становится известно о готовящемся преступлении. Без исключений и при любых обстоятельствах свято сохраняя тайну исповеди, пастырь одновременно обязан предпринять все возможные усилия для того, чтобы преступный умысел не осуществился. В первую очередь это касается опасности человекоубийства, особенно массовых жертв, возможных в случае совершения террористического акта или исполнения преступного приказа во время войны. Помня об одинаковой ценности души потенциального преступника и намеченной им жертвы, священнослужитель должен призвать исповедуемого к истинному покаянию, то есть к отречению от злого намерения. Если этот призыв не возымеет действия, пастырь может, заботясь о сохранности тайны имени исповедовавшегося и других обстоятельств, способных открыть его личность, предупредить тех, чьей жизни угрожает опасность. В трудных случаях священнослужителю надлежит обращаться к епархиальному архиерею»²⁴². Как видно, наблюдается понимание того, что в определенных случаях требуется принятие активных мер, направленных на предупреждение совершения преступления, и в то же время категорический отказ от вступления во взаимодействие с правоохранительными органами.

Опираясь на приведенную ранее точку зрения Конституционного Суда Республики Беларусь, следует заключить, что при непринятии доступных мер для предотвращения готовящегося преступления, связанного с посягательством на жизнь человека, священнослужитель должен нести уголовную ответственность за недонесение о преступлении на общих основаниях.

Возможно достижение компромисса между приведенными выше позициями церкви и юристов по данному вопросу. Одним из вариантов решения может стать полное освобождение священнослужителей от ответственности за недонесение о достоверно известном им из исповеди совер-

²⁴² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 43–44.

шенном или совершаемом преступлении, возложив на них обязанность сообщать в правоохранительные органы о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении, создающем угрозу для жизни людей, если это возможно без прямого указания на личность исповедовавшегося. Поскольку «святыя каноны воспрещают священнослужителям обращаться к государственной власти без дозволения церковного начальства»²⁴³, необходимо регламентировать порядок подачи отдельным священнослужителем в правоохранительные органы заявления, в том числе не лично, а через церковное начальство или специально уполномоченного представителя церкви. В случае, когда сделать такое сообщение невозможно, не раскрыв информацию об исповедовавшемся лице, священнослужитель должен самостоятельно предпринять возможные меры по предотвращению преступления.

Законом Республики Беларусь от 15 июня 1993 года № 2406-ХП «Об адвокатуре» определен предмет адвокатской тайны, включающий в себя «вопросы, по которым лицо обратилось за помощью, суть консультаций, советов и разъяснений, полученных этим лицом от адвоката» (ст. 16 Закона). Запрещается вмешательство в профессиональную деятельность адвоката, требование от него сообщения каких-либо сведений, составляющих предмет адвокатской тайны, а также требование подобных сведений от должностных лиц и технических работников органов адвокатского самоуправления и адвокатских объединений. Сведения, составляющие предмет адвокатской тайны, не могут быть получены от адвоката и использованы в качестве доказательств в гражданском, административном и уголовном процессах.

Адвокатской тайне посвящена отдельная глава 3 Правил профессиональной этики адвоката (утверждены постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 27 июня 2001 года № 15). Согласно п. 18 Правил профессиональной этики адвокат не вправе:

- разглашать сведения, составляющие адвокатскую тайну (факт обращения клиента к адвокату, содержание бесед, изученных и составленных документов и иную информацию, касающуюся оказания юридической помощи, а также сведения о личной жизни клиента), в течение всего времени как во время оказания юридической помощи, так и после прекращения отношений с клиентом;
- давать свидетельские показания и объяснения по вопросам, составляющим адвокатскую тайну;
- совершать какие-либо действия, создающие угрозу доверительным отношениям с клиентом.

²⁴³ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 44.

В п. 19 данных Правил содержится исчерпывающий перечень случаев, когда адвокат может раскрыть доверенную клиентом информацию в объеме, который он считает обоснованно необходимым:

1) с согласия на это самого клиента, если раскрытие такой информации необходимо для оказания юридической помощи;

2) для обоснования позиции адвоката при решении спора между ним и клиентом либо для обоснования личной защиты по делу, возбужденному против него и основанному на действиях, в которых принимал участие клиент;

3) проведения консультаций с другими адвокатами, если клиент не возражает против таких консультаций.

Соответственно привлечение адвоката к ответственности за недонесение о преступлении, о котором он узнал при исполнении своих профессиональных обязанностей, стало бы нарушением приведенных выше норм законодательства, гарантирующих адвокатскую тайну. Согласно ст. 19 Закона «Об адвокатуре» адвокаты подлежат дисциплинарной ответственности за действия, противоречащие Закону и нормам профессиональной этики адвоката, вплоть до исключения из адвокатуры.

Особое значение адвокатской тайны весьма убедительно обосновывал И.А. Бушуев, акцентируя внимание на том, что провозглашение правила о незыблемости адвокатской тайны имеет большое значение и продиктовано необходимостью соблюдения конституционного принципа обеспечения права обвиняемого на защиту. Отступление от данного правила привело бы фактически к ликвидации института уголовной защиты, так как подзащитный нередко мог бы видеть в своем защитнике потенциального обвинителя, безнаказанно представляющего свои услуги в качестве свидетеля²⁴⁴.

Против абсолютизации неприкосновенности адвокатской тайны выступали и выступают многие исследователи, в том числе и известные адвокаты. Бесспорно, устарели некоторые взгляды советских авторов, рассматривавших адвокатуру исключительно как государственный орган, помогающий суду в отправлении правосудия. Обязанность адвоката сообщать об известных ему от клиента сведениях о преступлении вытекала из того, что он «должен исходить из тех же моральных критериев, что и любой советский гражданин, ставя в первую очередь и выше всего интересы социалистического государства»²⁴⁵. Сохранивший в такой ситуации профессиональную тайну адвокат «никогда не мог бы стать помощником суда. Наоборот, объективно осложнил бы судебный процесс, запутал бы ясное дело. Это было бы не только недобросовестным выполнением адвокатом

²⁴⁴ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 107.

²⁴⁵ Шур Г.М. Недоносительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 226.

своих профессиональных обязанностей, но и преступлением против государства»²⁴⁶. П.С. Элькинд даже полагал, что процессуальные нормы, включающие адвоката из числа лиц, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей, устарели и должны быть изменены таким образом, чтобы не обязывать адвоката скрывать правонарушения, ставшие ему известными от клиента. Данная точка зрения объяснялась тем, что «адвокатура является специальным институтом, призванным защищать права и интересы граждан. Будучи призвана защищать только законные интересы граждан, адвокатура не может скрывать, а значит, и молчаливо защищать их незаконные интересы без того, чтобы не вступить в конфликт со своей социалистической, государственной природой»²⁴⁷.

Истина в этой борьбе мнений видится в том, чтобы, признавая важность адвокатской тайны как основы доверительных отношений адвоката с клиентом, все же в некоторых исключительных случаях обязать адвоката ее нарушить, сообщив о ставшем ему известным преступлении. Границы допустимого выхода за рамки профессиональной тайны в интересах правосудия предлагается очертить по-разному. Б.Т. Разгильдиев относит к ним ситуации, когда адвокат, получивший от подзащитного сведения о готовящемся или совершенном преступлении, сообщает их органам правосудия, если этого требуют интересы общественной безопасности. Причем обязательным условием предоставления адвокатом информации о преступлении является то, что она не только не отягчит правового положения подзащитного, но и в определенной мере облегчит его²⁴⁸. Это требование согласуется с правозащитной функцией адвокатуры и в целом не вызывает возражений. С другой стороны, противоречащими принципу личной виновной ответственности кажутся высказывания Б.Т. Разгильдиева о том, что во всех случаях предоставляемые адвокатом сведения о готовящемся или совершенном преступлении должны выступать смягчающим для подзащитного обстоятельством. Если же сведения уличают подзащитного в совершении им ранее другого преступления, то целесообразно было бы освобождать его и от уголовной ответственности за ранее совершенное преступление²⁴⁹. Не ясно, почему поведение адвоката должно влиять столь кардинально на оценку судом деяния его подзащитного, который, возможно, совершил особо тяжкое преступление и в содеянном не раскаивается? Это противоречит общим началам назначения наказания, а также не предусмотрено в УК ни как основание освобождения лица от уголовной ответственности, ни как смягчающее обстоятельство (хоть перечень в ст. 63 УК и открытый,

²⁴⁶ Круглов Т. Адвокатская этика // Советская юстиция. 1941. № 4. С. 11.

²⁴⁷ Элькинд П.С. Адвокатская этика // Советская юстиция. 1940. № 4. С. 19.

²⁴⁸ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 101.

²⁴⁹ Там же. С. 102.

однако согласно его содержанию, такими обстоятельствами могут быть разные проявления положительного посткриминального поведения самого виновного, но не других лиц).

Более убедительна позиция по рассматриваемой проблеме известного российского юриста М.Ю. Барщевского, допускающего возможность разглашения адвокатской тайны, когда ее предметом оказалась информация о готовящемся преступлении. Разглашение информации, необходимое для предотвращения преступления, будет законным, если у адвоката имеются достаточные основания предполагать, что существует реальная вероятность совершения преступления и неизбежно складывается ситуация, когда предупреждение преступления путем разглашения информации является единственной возможностью для его предотвращения. Непринятие адвокатами мер к предотвращению конкретных готовящихся преступлений ставит адвокатов вне законопослушной части общества. Причем важно то, что адвокаты в этой ситуации действуют одновременно и в интересах конкретного клиента, ибо, отговорив, помешав ему совершить преступление, они тем самым либо освобождают его от уголовной ответственности, либо снижают ее «размер», так как наказание за приготовление, покушение всегда ниже, чем за преступление, доведенное до конца. Если же адвокату становится известно о факте совершенного преступления, он не вправе сообщать кому-либо сведения о нем. Здесь вступает в действие определенное табу – адвокат не может сотрудничать с правоохранительными органами в раскрытии уже совершенных преступлений²⁵⁰. Несмотря на общественную пользу такого поступка, адвокат при этом выступает как помощник карательных органов государства, то есть действует в явном противоречии с принципами и природой адвокатуры как института²⁵¹. Функция защиты направлена только на прошлую преступную деятельность подзащитного, и именно детали этой прошлой преступной деятельности составляют профессиональную тайну защитника. В отношении же преступной деятельности, которая происходит в настоящее время и рассчитана на преступный результат в будущем, адвокат обязан предпринять все меры к ее пресечению²⁵².

Следовательно, адвокат или иное лицо, выступающее в уголовном процессе в качестве защитника (как и близкие виновного, а также священнослужитель, узнавший об этом преступлении на исповеди) должны нести ответственность за недонесение о готовящемся преступлении на общих основаниях. Э.А. Саркисова с учетом сказанного предлагает следующую формулировку примечания к ст. 406 УК: «Не подлежат уголовной ответственности за недонесение о совершенном преступлении члены семьи и

²⁵⁰ Барщевский М.Ю. Адвокатская этика. М., 2000. С. 142–144.

²⁵¹ Адвокатская тайна : учебное пособие / Е.Г. Тарло, Н.В. Диордиева. М., 2004. С. 26.

²⁵² Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 90–91.

близкие родственники лица, совершившего преступление, священнослужитель, узнавший о преступлении на исповеди, а также защитник, узнавший о преступлении во время исполнения своих профессиональных обязанностей. Суд, учитывая обстоятельства дела, характер и степень совершенного преступления, может освободить указанных лиц от ответственности за недонесение о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении, если будет установлено, что они предпринимали усилия для предотвращения преступления»²⁵³.

В § 139 «Освобождение от уголовной ответственности при недонесении о планируемых преступных деяниях» УК ФРГ содержится сходная по содержанию норма в следующей формулировке: «(4) Кто не доносит на родственника, хотя он должен был бы заявить о готовящемся преступном деянии, тот освобождается от наказания, если он настойчиво стремился удержать родственника от совершения преступного деяния или предотвратить наступление результата, за исключением случаев, когда речь идет о совершении: тяжкого убийства или убийства; похищения человека с целью вымогательства, геноцида, захвата заложников, нападения на воздушный и речной транспорт, преступного деяния террористическим сообществом. При наличии таких предпосылок адвокат, защитник или врач не обязаны сообщать информацию, которая была им доверена как лицам, выступающим в данном качестве»²⁵⁴.

Принимая во внимание изложенные выше теоретические посылки и зарубежный опыт, можно заключить, что не будет ущемлением морально-этических и религиозных представлений возложение на близких лица, готовящегося совершить тяжкое или особо тяжкое преступление, защитника, узнавшего о нем при исполнении профессиональных обязанностей, и священнослужителя, получившего соответствующие сведения из исповеди, обязанности сообщить об этом в компетентные органы. Право освобождения от уголовной ответственности за недонесение о готовящемся преступлении может быть предоставлено суду при условии выполнения ими конкретных действий по предотвращению преступления.

В Особом мнении судьи Конституционного суда Республики Беларусь Г.А. Василевича по делу «О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь» предлагается, помимо указанных в ст. 27 Конституции Республики Беларусь лиц, освобождаемых от уголовной ответственности за недонесение о преступлении, относить к их числу тех, кто в силу своих обязанностей получает доступ к сокровенным мыслям человека. Это должно касаться случаев, когда сведения им

²⁵³ Саркисова Э.А. Прикосновенность к преступлению: проблемы ответственности // Право Беларуси. 2003. № 14(38). С. 59.

²⁵⁴ Уголовный кодекс ФРГ. М., 2000. С. 95–96.

стали не просто известны, а были доверены. Такой подход частично нашел отражение в действующем уголовном законодательстве, где предусмотрено освобождение от уголовной ответственности за недонесение о преступлении священнослужителя и защитника, узнавших о преступлении соответственно на исповеди или во время исполнения профессиональных обязанностей. Однако данная норма не применяется в отношении других носителей профессиональной тайны, что представляется спорным, в первую очередь в отношении врачей.

В соответствии со ст. 46 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-ХП «О здравоохранении» (в редакции Закона Республики Беларусь от 20 июня 2008 г. № 363-З) информация о факте обращения пациента за медицинской помощью и состоянии его здоровья, сведения о наличии заболевания, диагнозе, возможных методах оказания медицинской помощи, рисках, связанных с медицинским вмешательством, а также возможных альтернативах предлагаемому медицинскому вмешательству, иные сведения, в том числе личного характера, полученные при оказании пациенту медицинской помощи, а в случае смерти – и информация о результатах патологоанатомического исследования составляют врачебную тайну. Обязанность сохранять врачебную тайну наравне с медицинскими (фармацевтическими) работниками распространяется также на лиц, которым в установленном данным Законом порядке стали известны сведения, составляющие врачебную тайну. Организации здравоохранения обеспечивают хранение медицинской документации в соответствии с требованиями сохранения врачебной тайны. При наличии в деянии признаков, предусмотренных ст. 178 УК, медицинский, фармацевтический работник несет ответственность за разглашение врачебной тайны без профессиональной или служебной необходимости. Предоставление информации, составляющей врачебную тайну, без согласия пациента или его представителей допускается по письменному запросу органов уголовного преследования и суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством. При наличии оснований, позволяющих полагать, что вред здоровью причинен в результате насильственных действий, информация, составляющая врачебную тайну, сообщается в правоохранительные органы в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь.

Обязанность соблюдать врачебную тайну вытекает из того, что отношения между врачом и больным должны быть основаны на полном доверии, поскольку человекверяет медицинскому работнику самое ценное – свое здоровье, а зачастую и жизнь. В этом сходство с адвокатской тайной, которая также выступает гарантом существования особых доверительных отношений между адвокатом и клиентом. Врачи наряду со священнослужителями и защитниками не подлежат допросу в качестве свидетелей (п. 7 ч. 2

ст. 60 УПК) без согласия лица, обратившегося за оказанием медицинской помощи, по обстоятельствам, составляющим предмет врачебной тайны. В то же время анализ законодательства показывает, что сфера действия врачебной тайны существенно ограничена по сравнению с тайной адвокатской. Врач, в отличие от защитника, несет ответственность за недоносительство.

В литературе практически единогласно поддерживается этот подход законодателя²⁵⁵. По мнению Б.Т. Разгильдиева, врач не затруднит процесс излечения болезни своим сообщением о преступлении, совершенном его пациентом, то есть свою профессиональную функцию выполнит, при этом оказав содействие правосудию. Великий юрист А.Ф. Кони писал: «Защищаемая поклонниками врачебной тайны теория молчаливого договора между клиентом и врачом, связывающего его навсегда и при всех условиях, не может быть оправдана, ибо в ряде случаев такой договор, делающий врача сообщником клиента, скрывающего свои низкие цели, – недействителен, как договор безнравственный»²⁵⁶.

Думается все же, что законодатель не последователен, когда по моральным основаниям считает возможным освободить от уголовной ответственности за недоносительство адвоката или священнослужителя и не делает того же применительно к врачам. В процессе оказания медицинской помощи пациенту складываются не менее интимные личные отношения, чем при обращении к защитнику или на исповеди. Человек, страдающий от физического недуга, зачастую видит во враче единственного спасителя, которому доверяет настолько, что способен посвятить его в самые сокровенные свои мысли. Недопустимо использовать это болезненное состояние человека против него самого, в том числе и в целях свершения правосудия. Значимость сохранения врачебной тайны подчеркивается и в уголовном законе, где наказуемо ее разглашение (в отличие от тайны адвокатской и тайны исповеди).

На основании сказанного представляется возможным не привлекать к уголовной ответственности за недонесение о преступлении медицинских и фармацевтических работников, если сведения, касающиеся преступления, стали им известны при выполнении профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи пациенту и в соответствии с законодательством составляют предмет врачебной тайны. Данная норма не должна распространяться на недонесение о совершенном тяжком преступлении,

²⁵⁵ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 111; Глушков В.А. Ответственность за преступления в области здравоохранения. Киев, 1987. С. 179; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 103; Хабидуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 90; Шур Г.М. Недоносительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 236; Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 91.

²⁵⁶ Кони А.Ф. К материалам о врачебной этике. Харьков, 1928. С. 8.

которым причинен вред здоровью человека, поскольку в соответствии с Законом Республики Беларусь «О здравоохранении» сообщение таких сведений в правоохранительные органы является обязанностью медицинских и фармацевтических работников.

В литературе высказывается предложение о непривлечении к уголовной ответственности за недонесение о преступлении потерпевшего от этого преступления. Сторонники такой позиции приводят следующие аргументы:

1) привлечение потерпевшего к ответственности имело бы неприятный общественный резонанс²⁵⁷;

2) ответственность за недонесение исключается лишь в случаях своевременности сообщения о преступлении, а этого нельзя требовать от человека, перенесшего тяжелую душевную или даже физическую травму и находящегося иногда в течение длительного времени в состоянии испуга и потрясения от совершенного на него посягательства²⁵⁸;

3) нецелесообразность привлечения к ответственности за недонесение такого лица соответствует гуманным началам уголовного права²⁵⁹;

4) отсутствие в судебной практике дел, где к уголовной ответственности за недонесение привлекался бы потерпевший²⁶⁰.

Общественность, действительно, вероятнее всего, поддержит человека, который и так пострадал от преступления, да еще ставится вопрос о его наказании за несообщение об имевшем место в отношении него преступном деянии. Однако нельзя забывать о том, что закон призван охранять общество в целом, «а не потерпевшего от конкретного преступления, малодушие которого подлежит порицанию»²⁶¹. Именно поэтому принцип гуманизма (ч. 7 ст. 3 УК) предполагает не только человеческое отношение к лицу, совершившему преступление, но и создание уголовно-правовыми средствами безопасных условий жизни для всех членов общества, их защиту от преступных посягательств, прежде всего путем обеспечения применения мер ответственности к виновным.

Потерпевший, как и другие лица, не донесшие о совершенном преступлении, препятствует привлечению преступника к ответственности. Поведение потерпевших в плане способности причинить вред интересам правосудия как объекту доносительства ничем не отличается от поведения лиц, получивших информацию о совершенном преступлении из других источников. Бездействие потерпевшего представляет даже большую

²⁵⁷ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и доносительство. М., 1965. С. 52.

²⁵⁸ Там же. С. 52.

²⁵⁹ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и доносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 91.

²⁶⁰ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и доносительство. М., 1965. С. 53; Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и доносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 91.

²⁶¹ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 91.

общественную опасность по сравнению с недоносительством других лиц. Вряд ли кто-то станет спорить с тем, что «возможность задержания преступника у органов власти, как правило, резко возрастает, если информация о преступлении поступает от потерпевших. Подвергнутое нападению лицо имеет возможность судить как о характере и степени общественной опасности преступления, так и о лицах, его совершивших»²⁶².

Несообщение о преступлениях потерпевшим является, кроме того, фактором, влияющим на рост латентной преступности²⁶³.

Не убеждает также ссылка на такое обстоятельство, как отсутствие уголовных дел о недонесении в отношении потерпевших от основного преступления. По мнению А.В. Баркова, такую ситуацию «следует признать недостатком следственной и судебной практики, устранение которого очень важно в плане борьбы с латентной преступностью»²⁶⁴, а не веским аргументом в пользу отмены ответственности потерпевших за недоносительство. На сегодняшний день количество рассмотренных судами уголовных дел о недонесении вообще весьма незначительно, что вовсе не означает фактическое несовершение этих преступлений. В определенной мере отсутствие судебной практики может быть обусловлено также тем, что согласно ч. 1 ст. 406 УК уголовную ответственность влечет недонесение лишь о совершенных особо тяжких преступлениях, доля которых в УК составляет всего 8%²⁶⁵.

Итак, освобождение от уголовной ответственности за недонесение о преступлении потерпевшего нецелесообразно прежде всего с позиций интересов эффективности предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Однако в некоторых случаях потерпевший, как и любое другое бездействующее лицо, может не привлекаться к ответственности за недоносительство в силу отсутствия обязательных признаков данного состава преступления. Не будет недонесения, если потерпевший не имел реальной возможности сообщить о преступлении по уважительным причинам, например в связи с применением к нему насилия (в том числе психического, когда в силу угроз лицо было поставлено в состояние крайней необходимости), причинением телесных повреждений или заболеванием, которые препятствуют обращению в правоохранительный орган с заявлением о преступлении. Таким образом, правы противники привлечения к уголовной ответственности за недоносительство потерпевшего в

²⁶² Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 98.

²⁶³ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 92; Макаров А.Д. Несообщение о преступлении или преступнике как вид прикосновенности к преступлению // Закон и право. 2004. № 9. С. 46–47.

²⁶⁴ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 92.

²⁶⁵ Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск, 2005. С. 76.

указанных случаях. Однако, делая в целом верный вывод, они исходят из ошибочных посылок, обращаясь к гуманизму уголовного законодательства и т.п.

Отдельного рассмотрения требует вопрос об ответственности за недонесение должностных лиц в силу некоторых сложностей в квалификации их бездействия. И.Х. Хакимов, например, признает субъектом недонесения только частное лицо, потому что если на глазах должностного лица готовится или совершается хищение, то его ответственность наступает не за недонесение, а за попустительство или служебную халатность²⁶⁶. По мнению Ш.С. Рашковской, за недонесение не могут нести ответственность должностные лица, обязанные по роду своей службы сообщать об известных им готовящихся или совершенных преступлениях и не сообщившие о них; они подлежат ответственности по статьям о должностных преступлениях – за злоупотребление служебным положением, в некоторых случаях – за халатность²⁶⁷. Недоносительство, совершенное должностным лицом, относят к должностным преступлениям и другие авторы – П. Гришанин, П. Мишунин, Э. Раал, М.Х. Хабубуллин (последний квалифицирует деяние по совокупности с недонесением).

Г.М. Шур разрешает вопрос о недоносительстве со стороны должностных лиц в зависимости от характера готовящегося или совершенного преступления; от сферы и пределов деятельности данного должностного лица. Он формулирует следующее правило квалификации: «Должностное лицо за недонесение о преступлении, готовящемся или совершенном в сфере его служебной деятельности, подлежит ответственности как за должностное преступление, а в случаях, специально предусматривающих наказуемость недоносительства, то по совокупности за эти два преступления. Недонесение же о преступлении, не связанном со служебной деятельностью должностного лица, влечет за собой ответственность на общих основаниях»²⁶⁸.

Предложенные Г.М. Шуром критерии привлечения к ответственности должностного лица, совершившего недонесение, по сути своей верны и используются и другими авторами. Наблюдаются существенные расхождения в квалификации бездействия лица. Не вызывает особых споров то, что в случаях, когда на должностном лице по службе не лежит правовой обязанности сообщить о преступлении, т.е. оно выступает по отношению к данному конкретному факту не как должностное, а как частное лицо, ответственность за недоносительство наступает в общем порядке.

²⁶⁶ Хакимов И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества. Ташкент, 1982. С. 76.

²⁶⁷ Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 97–98.

²⁶⁸ Шур Г.М. Недоносительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 130.

Если же лицо обязано по долгу службы сообщать о конкретном преступлении, относящемся к категориям, указанным в ст. 406 УК, оно подлежит ответственности лишь за преступление против интересов службы. Таким преступлением является бездействие должностного лица, сопряженное с попустительством преступлению (ст. 425 УК), но никак не служебная халатность и не злоупотребление властью или служебными полномочиями. Поскольку мы рассматриваем недонесение как преступление умышленное, то при совершении его должностным лицом не может идти речи о служебной халатности, которая является преступлением неосторожным. Злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) выражается в совершении должностным лицом активных действий с использованием служебных полномочий, но вопреки интересам службы, а попустительство – это всегда бездействие. Неправильной будет квалификация по совокупности бездействия должностного лица и недонесения о преступлении. В данном случае недонесительство выступает составной частью попустительства (несообщение о преступлении – необходимый компонент, способ непротиводействия ему при наличии к тому обязанности должностного лица), оно поглощается бездействием должностного лица.

Подводя итог, сделаем ряд выводов:

– Субъект недонесения общий: им может быть как частное, так и должностное лицо, не обязанное по службе противодействовать совершению преступления, в том числе путем сообщения о нем. Возраст уголовной ответственности – с 16 лет.

– В соответствии со ст. 27 Конституции Республики Беларусь субъектом недонесительства не может быть лицо, которое является исполнителем либо иным соучастником основного преступления.

– Требуется внести изменения и дополнения в примечание к ст. 406 УК Республики Беларусь, сформулировав его следующим образом:

«1. Не подлежат уголовной ответственности за деяния, предусмотренные частями 1 и 2 настоящей статьи:

- 1) близкие лица, совершившего или совершающего преступление;
- 2) священнослужитель, узнавший о преступлении на исповеди;
- 3) защитник, узнавший о преступлении при исполнении своих профессиональных обязанностей;

- 4) медицинский или фармацевтический работник, узнавший о преступлении при исполнении своих профессиональных обязанностей, кроме случаев, когда имеются основания полагать, что вред здоровью пациента причинен в результате насильственных действий.

2. Лица, указанные в части 1 настоящих Примечаний, могут быть освобождены от уголовной ответственности за заранее не обещанное недонесение о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении, если сообщение о

преступлении не могло быть осуществлено иначе как путем дачи объяснений и показаний непосредственно против лица, готовящегося совершить преступление, и ими были предприняты иные возможные меры, направленные на предотвращение совершения этого преступления».

– Если защитник или медицинский работник получили сведения о преступлении не в связи с их профессиональной деятельностью, а священнослужитель – не на исповеди, их ответственность за недонесение наступают на общих основаниях».

2.4. Разграничение недонесения о преступлении и смежных составов преступлений

В процессе квалификации преступлений, признаваемых формами прикосновенности, наибольшую сложность вызывает разграничение недонесительства и попустительства. Связано это с тем, что указанные деяния имеют много общего, прежде всего в признаках объективной стороны, поскольку совершаются бездействием, являются, как отмечает А.Д. Макаров, «специфической формой невмешательства»²⁶⁹. Развивая эту мысль, П. Панченко видит объективное выражение недонесительства и попустительства в «чистом бездействии по отношению к ситуации, в которой готовится, совершается или укрывается преступление», возникающее «в связи с безразличным отношением окружающих лиц к совершающимся рядом преступлениям»²⁷⁰. Следовательно, оба деяния посягают на один объект – интересы правосудия, – и состоят в невоспрепятствовании, непринятии мер по предотвращению и пресечению преступления другого лица. Характерны для них и другие отличительные признаки прикосновенности к преступлению: отсутствие виновной и причинной связи с основным преступлением, совершаемым другим лицом, умышленная форма вины.

Б.Т. Разгильдиев предлагал даже термин «недонесительство» в интересах борьбы с преступностью заменить термином «попустительство» и изложить соответствующую норму уголовного закона следующим образом: «Попустительство, т.е. несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении», объясняя свою позицию тем, что в каждом случае лицо, не противодействующее преступлениям, попустительствует им, но юридическое значение это приобретает, лишь когда противодействие преступлениям является правовой обязанностью граждан и ее невыполнение сопряжено с угрозой уголовного преследования. Так, ес-

²⁶⁹ Макаров А.Д. Несообщение о преступлении или преступнике как вид прикосновенности к преступлению : в свете совершенствования уголовного законодательства // Закон и право. 2004. № 9. С. 46.

²⁷⁰ Панченко П.Н. Преступное попустительство. Иркутск, 1976. С. 77.

ли лицо, достоверно зная о готовящемся или совершенном преступлении, не информирует соответствующие органы, то оно не противодействует, а попустительствует им. На его взгляд, недоноситель попустительствует продолжению преступной деятельности²⁷¹.

Приведенная точка зрения заслуживает критики: недопустимо отождествление и смешивание недонесения и попустительства, так как между ними имеются существенные отличия. Являясь поведением пассивным (бездействием), недонесение и попустительство заключаются в невыполнении возложенных на лицо обязанностей по противодействию совершению преступления при наличии к тому возможности, то есть без уважительных причин. Однако практически все исследователи указывают на разницу в содержании невыполненных обязанностей. Г. Виттенберг и П. Панченко выражают это следующим образом: «Если попустительство имеет место в связи с невыполнением обязанности воспрепятствовать (противодействовать) преступлению, то невыполненная недоносителем обязанность состоит, как правило, лишь в надлежащем о нем сообщении»²⁷². По мнению П. Панченко, недонесение налицо в тех случаях, когда субъект не вмешивается в преступную ситуацию опосредованно, а именно путем сообщения о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении надлежащим органам. Попустительство же будет налицо в тех случаях, когда лицо не вмешивается в преступную ситуацию непосредственно – путем принятия, как правило, личных мер к противодействию преступлению²⁷³. Отсюда делается неверный вывод о возможности совокупности недонесения и попустительства, когда лицо не только само не вмешивается в преступную ситуацию, но и не сообщает необходимые сведения о преступлении надлежащим органам.

Г.М. Шур рассматривал недонесение и попустительство применительно к готовящемуся, совершаемому и совершенному преступлению. Он заключает, что если речь идет о совершенном преступлении, то попустительство вообще не может иметь места, ибо нельзя попустительствовать тому, что уже произошло. Попустительство готовящемуся преступлению полностью сливается с недонесением, за исключением случаев, когда совершается должностным лицом, обязанным бороться с преступностью или если преступление происходит в сфере его служебной деятельности. В таких случаях попустительство подпадает под признаки соответствующих статей о должностных преступлениях. С учетом действующего законодательства попустительство частных лиц готовящемуся преступлению не

²⁷¹ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 90–91.

²⁷² Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву. / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 23.

²⁷³ Панченко П.Н. Преступное попустительство. Иркутск, 1976. С. 79–80.

может иметь самостоятельного значения и наказуемо лишь как бездействие, выразившееся в несообщении властям о нем, если эта наказуемость по данному преступлению предусмотрена законом. Попустительство во время совершения преступления, если воспрепятствование со стороны частного лица совершению преступления имело место в результате предварительного сговора с преступниками, является соучастием. При отсутствии такового лицо подлежит ответственности за недоносительство, хотя бы оно своим вмешательством (призывом на помощь, срочным извещением властей, личной физической силой) и могло бы воспрепятствовать совершению преступления²⁷⁴. Таким образом, частное лицо никогда не может быть привлечено к ответственности за попустительство, а должностное может быть наказано за недонесение, если оно пресекло преступление, но не сообщило о его подготовке или совершении в компетентные органы. Совокупности этих деяний быть не может, так как недонесение является частью более тяжкого преступления – попустительства, в силу чего полностью охватывается его составом.

Подытоживая сказанное, можно выделить следующие признаки, отличающие недонесение о преступлении от попустительства ему:

1) характер и содержание неисполненной обязанности (при попустительстве она шире: предполагает не только сообщение о преступлении, обращение за помощью в компетентные органы, но и принятие личными усилиями мер по противодействию преступному деянию);

2) по времени совершения бездействия (недоносительство, в отличие от попустительства, возможно как в отношении готовящегося и совершаемого, так и совершенного преступления);

3) по субъекту преступления (субъект попустительства – специальный, только должностное лицо);

4) уголовную ответственность влечет недонесение лишь о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении либо о совершенном особо тяжком преступлении (ст. 406 УК), попустительство же наказуемо независимо от категории основного преступления (ст. 425 УК);

5) недонесение отнесено законодателем к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, а попустительство – к менее тяжким или тяжким преступлениям, что свидетельствует о значительно большей общественной опасности последнего.

Достаточно сложным на практике является вопрос о соотношении недонесения о преступлении и укрывательства. Недонесение о преступлении и укрывательство преступления, хоть и имеют ряд схожих черт как формы прикосновенности к преступлению, вместе с тем являются самостоятельными деяниями, характеризующимися специфическими признаками.

²⁷⁴ Шур Г.М. Недоносительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 120–123.

Прежде всего, укрывательство – это «всегда положительный акт, всегда действие, выражающееся в активной помощи преступнику»²⁷⁵, направленное на сокрытие преступления и лица, его совершившего. Недонесение же выражается в бездействии – несообщении о достоверно известном преступлении, оно «означает по сути безучастное отношение к преступлению и не включает в себя действий, направленных на сокрытие виновного, орудий либо средств преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем»²⁷⁶. Признак «отсутствия активной деятельности»²⁷⁷ как основной критерий разграничения рассматриваемых составов преступлений называется и поддерживается практически всеми авторами.

Заранее не обещанное укрывательство имеет место всегда уже после совершения основного преступления, недонесение возможно на всех уголовно наказуемых стадиях совершения умышленного преступления (приготовление, покушение, оконченное преступление).

Данные деяния различны также по содержанию (объему) объективной стороны. Укрывательство по своему содержанию гораздо шире недонесения. Если объективная сторона недонесения проявляется лишь в несообщении о факте готовящегося, совершаемого или совершенного преступления, то объективная сторона укрывательства этим не ограничивается и включает в себя как бездействие в виде несообщения об укрываемом преступлении, так и активные физические действия, направленные на укрывательство преступника или преступления. Как результат, делаются выводы о том, что «недонесительство – это составная часть укрывательства»²⁷⁸, «недонесение (несообщение) о преступлении и укрывательство соотносятся как часть и целое»²⁷⁹, «недонесение о преступлении является одним из необходимых элементов укрывательства»²⁸⁰. Вряд ли можно спорить с тем, что «бездействие субъекта, связанное с невыполнением им обязанности по своевременному сообщению о преступлении, и активные действия по укрытию преступника или преступления составляют два взаимообуславливающих друг друга момента, без которых невозможно само понятие укрывательства»²⁸¹. Однако отсюда возникают сложности при квалификации, когда в поведении одного лица, не являющегося соучастником совершения преступления, но способствующего его сокрытию, могут одновременно присутствовать признаки и недонесительства, и укрывательства.

²⁷⁵ Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 347.

²⁷⁶ Советское уголовное право. Часть Общая / Б.В. Здравомыслов [и др.]. М., 1982. С. 244.

²⁷⁷ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 118.

²⁷⁸ Трифонов В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук : 12.00.08. СПб., 2000. С. 21.

²⁷⁹ Макаров А.Д. Несообщение о преступлении или преступнике как вид прикосновенности к преступлению // Закон и право. 2004. №. 9. С. 44.

²⁸⁰ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 119.

²⁸¹ Там же. С. 119.

В Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 31 июля 1962 года № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении или сбыте заведомо похищенного имущества» говорилось, что недонесение о преступлении со стороны лица, являющегося соучастником преступления либо виновного в заранее не обещанном укрывательстве преступления, не требует дополнительной квалификации по статьям кодексов о недонесении, поскольку недонесение в этих случаях является частью более тяжкого преступления и охватывается статьями, предусматривающими ответственность за указанные преступления²⁸². Такую же квалификацию содеянного предлагает и Верховный Суд Республики Беларусь. Им было исключено из приговора осуждение за недонесение гр-на Е., который, не совершая убийства, по просьбе виновного Б. спрятал оружие убийства (пистолет) и отогнал с места происшествия машину убитого. В определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь практически дословно воспроизведена приведенная выше формулировка из постановления Пленума Верховного суда СССР²⁸³. Нижестоящие суды руководствуются тем же правилом. В одном из обвинительных приговоров читаем: «...действия К. охватываются ст. 405 ч. 2 УК Республики Беларусь и не требуют квалификации их и по ст. 406 ч. 1 УК Республики Беларусь, так как активные действия по укрывательству преступления сами собой предполагают недонесение о преступлении». На этом основании действия К., который, зная о совершении гр-кой Ш. убийства, не только сам покинул место происшествия, но и увез с собой Ш., а также забрал с места происшествия оружие преступления (нож) и уничтожил следы преступления (стер с ножа кровь), суд квалифицировал только как укрывательство²⁸⁴.

В то же время нельзя из этого заключать, что недонесение полностью поглощается укрывательством, сливается с ним, выступая лишь как его разновидность, как это делают некоторые современные российские авторы, по мнению которых «недоносительство о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении квалифицируется как укрывательство преступного деяния, что полностью соответствует истинному положению вещей»²⁸⁵. Недонесение – самостоятельное преступное деяние, характеризующееся отличными от укрывательства признаками и являющееся общественно опасным, независимо от совершения действий по сокрытию преступления.

²⁸² Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.). М., 1987. С. 686.

²⁸³ Определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь // Судовы веснік. 1995. № 4. С. 16.

²⁸⁴ Архив суда Ленинского района г. Минска за 2001 г. Дело № 1/155.

²⁸⁵ Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 363.

В практике остаются случаи, когда лицо ограничивается лишь бездействием, не предпринимая никаких активных мер по сокрытию преступления. Следует ли в такой ситуации оставлять деяние безнаказанным, потому что в нем отсутствуют признаки укрывательства, вне которого якобы немислимо недонесение? Не вызывает сомнений, что недонесение о преступлении (прежде всего, тяжком или особо тяжком) обладает материальным признаком преступления, т.е. общественной опасностью. Оно создает угрозу причинения или причиняет существенный вред нормальной деятельности органов уголовного преследования, а также и иным общественным отношениям, которые нарушаются в связи с тем, что готовящееся преступление не было вовремя предотвращено, а совершенное осталось нераскрытым, виновный безнаказанным. Таким образом, можно согласиться с выражением А.Д. Макарова – «не может быть укрывательства без несообщения о преступлении, но может быть недонесение без укрывательства»²⁸⁶.

Указанное выше правило квалификации, согласно которому недонесение охватывается составами более тяжких деяний – соучастия в преступлении и укрывательства, должно распространяться и на другие активные формы прикосновенности к преступлению. Не усматривается каких-либо причин, по которым следовало бы квалифицировать действия лица по легализации, приобретению, хранению или сбыту имущества, заведомо добытого преступным путем, и сопутствующего им бездействия в виде несообщения о преступлении, которым это имущество добыто, по совокупности ст. 235 или ст. 236 УК и недонесения о преступлении. Нить рассуждений здесь такова же, как и в случае с укрывательством преступления. Недонесение в данных ситуациях будет выступать неотъемлемым элементом активных незаконных действий с добытым преступным путем имуществом. Невозможно представить себе совершение преступлений, предусмотренных стст. 235 и 236 УК, которые сопровождались бы сообщением о преступном происхождении имущества. Ведь для состава легализации обязательной целью как раз и является утаивание или искажение природы, происхождения и т.д. или действительной принадлежности материальных ценностей либо соотносимых с ними прав. Как отмечает Э. Раал, при противоположной точке зрения лицо, которое приобрело имущество, добытое заведомо преступным путем, было бы обязано само сообщить об этом соответствующим органам²⁸⁷.

Иную квалификацию предлагает Б.Т. Разгильдиев, допуская привлечение лица к ответственности по совокупности преступлений, когда приобретению «преступного» имущества предшествовало недонесение о пре-

²⁸⁶ Макаров А.Д. Несобобщение о преступлении или преступнике как вид прикосновенности к преступлению // Закон и право. 2004. № 9. С. 44.

²⁸⁷ Раал Э. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тарту, 1956. С. 19.

ступлении, которым оно добыто, а также когда лицо в момент приобретения, хранения или сбыта, сознает признаки преступления, которым добыто приобретаемое имущество. Лицо, осознавая фактические признаки преступления, которым добыто приобретаемое им имущество, не находится под угрозой уголовного преследования. Оно может избрать любой вариант поведения: либо не приобретать имущество и информировать о преступлении, которым оно добыто, либо не доносить о преступлении и приобрести имущество, тем самым стимулируя преступника на совершение новых преступлений. Если скоро лицо отдает предпочтение последнему варианту, то в его действиях образуется совокупность²⁸⁸.

Владея имуществом, добытым преступным путем, о конкретных признаках которого лицо узнало после его получения, приобретатель не может выступать в качестве доносителя, ибо это сопряжено с изобличением самого себя в преступлении, предусмотренном ст. 236 УК. В таких случаях невозможно требовать от гражданина определенного поведения под страхом уголовного наказания, ибо его ожидают аналогичные последствия и при выполнении данной обязанности. Поэтому есть основания привлекать в этих случаях лицо только за приобретение, сбыт или хранение имущества, заведомо добытого преступным путем.

Автор дает ответ и на вполне логичный вопрос: чем же рассмотренная ситуация отличается от укрывательства преступления, когда лицо также вначале может узнать о совершенном преступлении, а затем уже выбрать между сообщением о нем и сокрытием в пользу последнего? Б.Т. Разгильдиев придерживается мнения, что недонесение выступает органической частью укрывательства, чего нельзя сказать о приобретении или сбыте имущества, добытого преступным путем. Разница в том, что в первом случае лицо становится укрывателем именно потому, что сознает фактические признаки преступления, которое укрывает. Следовательно, знание указанных признаков не может образовать самостоятельного состава – недонесения. Для лиц, приобретающих имущество, заведомо добытое преступным путем, достаточно осознания того, что имущество получено преступным путем. Осознание же конкретных признаков преступления, в результате которого оно добыто, является необходимым признаком другого состава – недонесения, и ему следует давать самостоятельную правовую оценку²⁸⁹.

Нельзя принять такую аргументацию по ряду оснований. Во-первых, при недонесении, как и при укрывательстве, объем осведомленности о совершенном преступлении может быть разным: от знания всех деталей преступления до общего представления о нем (если, например, лицу известно

²⁸⁸ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 86–87.

²⁸⁹ Там же. С. 88.

только имя или местонахождение преступника, разыскиваемого властями). Во-вторых, нет существенного различия между тем случаем, когда лицо узнает об обстоятельствах преступного приобретения имущества до совершения с ним действий, указанных в стст. 235 и 236 УК, или после их совершения. Если эти действия начаты, лицо не может сообщить о совершенном преступлении, не причинив вреда собственным интересам, а принудить его давать показания против себя самого нельзя в соответствии с Конституцией Республики Беларусь (ст. 27). Кроме того, составы легализации и приобретения, хранения или сбыта имущества, добытого преступным путем, фактически являются разновидностями укрывательства преступления (о чем речь пойдет далее), а поэтому, как более тяжкие преступления, они охватывают недонесение.

Определенную сложность представляет отграничение недонесения от других сходных преступлений против правосудия – заведомо ложного показания (ст. 401 УК), отказа либо уклонения свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 402 УК). Общим для всех составов преступлений является то, что лицо, достоверно знающее определенную информацию о преступлении, различными способами утаивает ее от органов уголовного преследования и суда. Квалификация затрудняется тем, что вопрос о привлечении лица к ответственности за недонесение возникает, как правило, при допросе его в качестве свидетеля во время расследования или рассмотрения дела в суде²⁹⁰. С внешней стороны разграничение видится в том, что «...при недонесении лицо не является в соответствующие органы, чтобы сообщить о достоверно известном ему преступлении. При других указанных преступлениях гражданин вызывается в компетентные органы, ему разъясняется его уголовно-правовая обязанность дать правдивые показания, наконец, лицо предупреждается об уголовной ответственности и, несмотря на это, оно пытается направить правосудие по ложному пути»²⁹¹. Кроме того, недонесение карается только в случаях, перечисленных в законе. Отказ либо уклонение от дачи показаний и заведомо ложное показание наказуемы всегда. Субъект недоносительства – общий, субъектом преступлений, предусмотренных стст. 401 и 402 УК, являются только определенные участники уголовного процесса – потерпевший, свидетель (если мы говорим о даче показаний).

В отличие от недонесения лжесвидетельство и отказ от дачи показаний совершаются путем действия. Заведомо ложное показание – это сообщение на допросе в качестве свидетеля или потерпевшего сведений, заведомо для лица ложных, т.е. не соответствующих действительности. Недо-

²⁹⁰ Носкова Н.А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 23.

²⁹¹ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 23.

несение – это несообщение сведений о преступлении. При отказе от дачи показаний лицо, как и при недонесении, сведения утаивает, но, во-первых, оно имеет определенный процессуальный статус (свидетель, потерпевший), а значит, компетентным органам известно об осведомленности лица о преступлении, чего нет при дононительстве. Во-вторых, виновный действует активно, что состоит в открытом выражении нежелания сообщать какие-либо сведения о преступлении. При дононительстве лицо таких заявлений не делает.

Сложнее отграничить недонесение от уклонения от дачи показаний, которое также совершается бездействием. Отличие его от недонесения заключается прежде всего в характере правовой обязанности, невыполняемой лицом. Если при недонесении нарушается обязанность сообщить все, что известно о преступлении, до вызова в качестве свидетеля и своевременно, то при уклонении от дачи показаний нарушается обязанность явиться по вызову соответствующих органов и дать правдивые показания по делу²⁹².

Н.А. Носкова и Ш.С. Рашковская указывают также на разные временные границы бездействия, которые при недонесении шире, протяженнее, чем при уклонении от дачи показаний²⁹³. Правовая обязанность, невыполняемая при недонесении, возникает раньше: с момента получения информации о преступлении и наличия реальной возможности сделать сообщение. Правовая же обязанность, не выполняемая при уклонении от дачи показаний, возникает с момента вызова для дачи показаний в качестве свидетеля. Следовательно, юридически окончением недонесения считается раньше, т.е. когда лицу стало известно о преступлении и оно при наличии к тому возможности не сделало соответствующее сообщение. Момент фактического окончания бездействия при недонесении и уклонении от дачи показаний может совпадать (например, лицо сообщает сведения, о которых умалчивало).

Из анализа всех названных различий делаются противоположные выводы: Г. Виттенберг и П. Панченко допускают возможность квалификации недонесения по совокупности с рассматриваемыми преступлениями²⁹⁴, а Н.А. Носкова считает, что во всех случаях, когда лицо не сообщает о достоверно известном преступлении, а затем во время допроса в качестве свидетеля умалчивает об отдельных обстоятельствах дела, должна применяться только ст. 406 УК. Также, по ее мнению, во всех случаях, когда недонесение и дача заведомо ложных показаний направлены на одну цель –

²⁹² Носкова Н.А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 23–24.

²⁹³ Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 96; Носкова Н. Квалификация недонесения о преступлении // Советская юстиция. 1971. № 5. С. 14–15.

²⁹⁴ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву. / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 23.

помочь самому себе или другому лицу уклониться от наказания, содеянное должно квалифицироваться только по ст. 406 УК²⁹⁵.

Исходя из того, что юридически оконченным недонесение признается с момента невыполнения обязанности сообщить о преступлении при наличии реальной возможности, ко времени вызова лица для дачи показаний недоносительство уже завершено и должно быть наказано. Последующее уклонение, отказ от дачи показаний или дача заведомо ложных показаний выступают как новые преступные деяния со стороны лица, а значит, подлежат самостоятельной оценке. Таким образом, в данном случае имеется реальная совокупность преступлений. Если же лицо, не сообщившее о преступлении, в последующем дает правдивые показания по делу, чем способствует его расследованию, в его деянии имеются все признаки недонесения о преступлении, однако суд с учетом деятельного раскаяния может освободить его от ответственности за недоносительство, руководствуясь ст. 88 УК.

Широко обсуждался в литературе вопрос о квалификации недоносительства по совокупности с иными составами преступлений, если недоносителем совершено другое преступление, примерно в одно и то же время с основным, либо при одних и тех же обстоятельствах, либо они связаны с причинением вреда одной и той же личности, либо по другим причинам сообщение об основном преступлении привело бы к выявлению преступления, совершенного самим недоносителем. Весьма распространено мнение, что в таких случаях совокупности отсутствует, потому что лицо не может быть принуждено к сообщению о преступном деянии другого лица, если такое сообщение повлечет самоизобличение недоносителя в совершении им собственного преступления, тесно связанного с тем деянием, о котором он не донес²⁹⁶. По названной причине не будет совокупности недонесения и соучастия в преступлении, укрывательства, а также приобретения, хранения, сбыта или легализации имущества, заведомо добытого преступным путем. Однако возможность самоизобличения здесь дополняется тем обстоятельством, что недонесение выступает составной частью указанных более тяжких преступлений и ими охватывается.

В остальных случаях следует согласиться с В. Илюхиным, не считающим привлечение к ответственности за недонесение в таких ситуациях нарушением права обвиняемого на защиту: «Обвиняемый не обязан сообщать о своем преступлении. Однако в отношении другого преступления он выступает в качестве очевидца, свидетеля, а если так, то... УК обязывает его сделать заявление о совершенном другим лицом тяжком преступле-

²⁹⁵ Носкова Н. Квалификация недонесения о преступлении // Советская юстиция. 1971. № 5. С. 15.

²⁹⁶ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 85; Субъект лжесвидетельства и недоносительства / С. Кокшаров, А. Горелик // Советская юстиция. 1979. № 17. С. 10.

нии»²⁹⁷. Например, Н.А. Носкова предлагает квалифицировать по совокупности оставления в опасности и недонесения случаи, когда лицо не сообщает надлежащим органам о преступлении, в результате которого был причинен вред жизни или здоровью потерпевшего, и вместо оказания надлежащей, необходимой и возможной помощи потерпевшему скрывается с места происшествия. Здесь бездействие лица является одновременным невыполнением двух правовых обязанностей: 1) сообщения об известном совершенном преступлении; 2) оказания необходимой и не терпящей отлагательства помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, либо сообщения надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания такой помощи. Содеянное должно быть квалифицировано по совокупности, тем более что недонесение о преступлении, сопряженное с неоказанием помощи потерпевшему, свидетельствует о безразличном отношении к судьбе человека и представляет значительно большую общественную опасность, чем только недонесение о преступлении²⁹⁸.

То же наблюдаем в судебной практике. Гр-н И. при совместном распитии спиртных напитков в ходе внезапно возникшей ссоры умышленно лишил жизни гр-на П., ударив его несколько раз рукой, а затем кирпичом по голове. При этом присутствовали гр-не С., Е. и Л. Последний стал заступаться за П., призывал прекратить драку. Е. несколько раз ударил рукой Л. в целях воспрепятствования его законной деятельности по пресечению правонарушения. В это время С. кирпичом нанес удар по голове Л., от которого тот скончался. Суд квалифицировал деяния С. как убийство Л. (ч. 1 ст. 139 УК) и недонесение об убийстве П., которое совершил И. (ч. 1 ст. 406 УК). Е. был осужден по ч. 1 ст. 366 УК за применение насилия в отношении лица, выполняющего общественный долг по пресечению правонарушения, в целях воспрепятствования его законной деятельности и по ч. 1 ст. 406 УК за недонесение о достоверно известном совершенном особо тяжком преступлении (убийстве)²⁹⁹.

Таким образом, по содержанию невыполненной лицом обязанности недонесительство следует ограничивать от попустительства преступления и сходных составов преступлений против правосудия. Недонесение о преступлении может выступать составной частью более опасных форм прикосновенности – попустительства, укрывательства, легализации, приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем. Если в деянии лица содержатся, кроме состава недонесения, признаки других форм прикосновенности, ответственность наступает только по стст. 235, 236, 405 или 425 УК. Когда виновный ограничивается только не-

²⁹⁷ Илюхин В. Некоторые вопросы ответственности за недонесительство // Советская юстиция. 1980. № 7. С. 28.

²⁹⁸ Носкова Н. Квалификация недонесения о преступлении // Советская юстиция. 1971. № 5. С. 15.

²⁹⁹ Архив суда Ленинского района г. Минска за 2004 г. Дело № 1/53.

сообщением о преступлении, наказание ему определяется по ст. 406 УК. На наш взгляд, совокупность данных преступлений невозможна. С учетом того, что доноительство является окончанным преступлением на момент предварительного расследования и рассмотрения дела в суде, возможна совокупность его с лжесвидетельством, отказом или уклонением от дачи показаний.

Репозиторий БРГУ

3. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАРАНЕЕ НЕ ОБЕЩАННОГО УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

3.1. Понятие заранее не обещанного укрывательства преступлений в белорусском и зарубежном уголовном праве

По мнению В.Г. Смирнова, укрывательство – одна из универсальных форм общественно опасной деятельности: она возможна по отношению к любому совершенному преступлению, как умышленному, так и неосторожному, как к оконченному, так и достигнутому наказуемой стадии развития преступной деятельности³⁰⁰. Установление уголовной ответственности за укрывательство преследует две цели: 1) предупреждение лица, пытающегося совершить какое-либо посягательство, о том, что оно не может рассчитывать на какую-либо помощь в сокрытии преступления после его совершения, 2) предупреждение путем угрозы применения наказания в отношении лиц, которые пытаются оказать помощь в сокрытии преступления других лиц³⁰¹.

Укрывательство преступлений в соответствии с уголовным законодательством бывает двух видов: заранее обещанное и заранее не обещанное. Объектом данного исследования выступает второй из них, который состоит «не в помощи к совершению преступления, а в действиях, имеющих целью парализовать юстицию»³⁰².

Рассматриваемое понятие в ч. 1 ст. 405 УК звучит как «заранее не обещанное укрывательство лица, совершившего тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем». Приведенная формулировка практически дословно дублирует определение укрывательства, содержащееся в ст. 18 Общей части УК БССР 1960 года, что свидетельствует об устойчивости подхода законодателя, стабильности в понимании сущности укрывательства, которое мало изменилось за последние десятилетия. В то же время этого не наблюдается в литературных источниках.

В науке уголовного права предлагалось достаточно большое число дефиниций укрывательства, содержание которых во многом предопределялось позицией их авторов в отношении деления укрывательства на заранее обещанное и заранее не обещанное. В первой главе данной работы приводились высказывания некоторых участников дискуссии, развернувшейся в середине прошлого столетия по поводу видов укрывательства.

³⁰⁰ Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. С. 256.

³⁰¹ Там же. С. 197.

³⁰² Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 160.

Здесь лишь напомним, что большая группа авторов (М. Меркушев, П. Мишунин, И. Павлиашвили, А.С. Омаров и др.) настаивала на единой природе укрывательства, как заранее обещанного, так и не обещанного до совершения основного преступления, рассмотрении обоих видов укрывательства в качестве пособничества как института Общей части уголовного права. Указывалось на то, что провести грань между заранее обещанным и заранее не обещанным укрывательством очень трудно. Определить хронологически и документально, было ли укрывательство заранее обещано или нет, представляется невозможным, поэтому «теоретическое определение заранее обещанного и заранее не обещанного укрывательства, как не оправданное жизнью, практикой, превращается в нереальную, абстрактно-схоластическую формулу, сбивающую с толку практических работников»³⁰³. От признака времени, когда выражено стремление на совершение того или иного поступка или преступления, сущность этого поступка или преступления не меняется, не может меняться и суть укрывательства. Во многих случаях укрывательство, независимо от предварительного обещания, содействует совершению преступления и, таким образом, является пособничеством. Сущность заранее обещанного укрывательства и его общественная опасность определяются не столько предварительным обещанием, сколько самим деянием, направленным на сокрытие преступника или следов преступления. Факт предварительного обещания укрыть преступника или следы преступления усугубляет общественную опасность укрывательства, но не изменяет его сущности.

Несостоятельность названных аргументов обосновывалась выше и нашла отражение в действующем уголовном законодательстве, различающем рассматриваемые виды укрывательства. В настоящий момент приведенная позиция интересна в контексте выведения из нее общего определения понятия укрывательства преступлений. Среди перечисленных авторов лишь М. Меркушев делает попытку сформулировать отдельную норму об укрывательстве преступлений в следующем виде: «Соккрытие преступника или следов преступления, а равно сокрытие и использование в личных целях предметов, добытых преступлением, наказывается так же, как и совершенное преступление, за исключением тех случаев, когда подобные действия прямо предусмотрены специальной статьей особенной части настоящего кодекса»³⁰⁴. По существу правильно отражая содержание деяния при укрывательстве, такое определение ориентирует на отрицание его самостоятельного значения, связывая наказуемость укрывательства с мерой наказания за основное преступление. В остальных работах, поскольку

³⁰³ Павлиашвили И. Ответственность за укрывательство по делам о хищениях социалистической собственности // Социалистическая законность. 1951. № 5. С. 31.

³⁰⁴ Меркушев М. Ответственность за укрывательство. К проекту Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. 1955. № 1. С. 24.

укрывательство признается формой пособничества, исследователи не посчитали необходимым давать какое-либо отдельное определение понятию укрывательства.

Иное видим у сторонников разграничения заранее обещанного и заранее не обещанного укрывательства, которые различают понятие укрывательства в широком смысле (общее понятие) и в узком (заранее не обещанное укрывательство в собственном смысле этого слова). К примеру, ярко выражен такой подход у А.С. Горелика и Л.В. Лобановой, которые формулируют два определения:

1. Укрывательство – это сокрытие преступника или преступления, т.е. орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем.

2. Заранее не обещанное укрывательство – деятельность лица, которое не участвовало в совершении преступления в качестве исполнителя или другого соучастника, т.е. не оказывало и заранее не обещало оказать какую-либо помощь исполнителю, но после совершения им преступления приняло меры по сокрытию преступника или следов преступления³⁰⁵.

П.К. Евдокимов выводит общее понятие укрывательства из категории «сокрытие преступления». Если сокрытие, на его взгляд, «является неотъемлемой составной частью всякого преступного деяния, обусловленной спецификой преступления, как деяния общественно опасного, аморального и уголовно-наказуемого», то «в тех случаях, когда сокрытие преступления производится с помощью других лиц, деятельность этих лиц в уголовном праве называется укрывательством». В итоге под укрывательством им понимаются такие общественно опасные действия, которые способствуют сокрытию преступника или следов преступления при условии, что эти действия совершены лицом, не принимавшим до этого момента участия в данном преступлении³⁰⁶.

М.И. Ковалев в понятие укрывательства в широком смысле слова включает любые действия, направленные на сокрытие тех или иных обстоятельств, имеющих отношение к каким-либо преступным действиям или к самой личности преступника³⁰⁷. В собственном смысле под укрывательством преступлений он понимает «такие опасные для основ советского социалистического государства и установленного в нем социалистического правопорядка действия, которые заведомо для лица, их совершившего, способствуют сокрытию преступника или обстоятельств, относящихся к преступлению, совершенному другим лицом, при условии, что совершение

³⁰⁵ Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005. С. 202–203.

³⁰⁶ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 52, 53, 59.

³⁰⁷ Ковалев М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 79–80.

этих действий не было заранее обещано исполнителю укрываемого преступления»³⁰⁸.

Причем последние два автора при создании своих дефиниций руководствуются практически идентичными критериями. По их мнению, понятие укрывательства применимо:

- а) к случаям сокрытия преступной деятельности другого лица или лиц;
- б) к действиям субъекта, до этого момента не принимавшего участия в преступлении ни в качестве исполнителя, ни в качестве иного соучастника;
- в) сокрытие обстоятельств, не относящихся к преступлению, хотя такое сокрытие и рассматривается в отдельных случаях как общественно опасное, не может быть квалифицировано как укрывательство. Здесь имеются в виду случаи, когда сокрытие той или иной информации или предмета входит в объективную сторону другого преступления (например, сокрытие от таможенного оформления товаров и ценностей при контрабанде; сокрытие налоговой базы как способ уклонения от уплаты сумм налогов, сборов и т.д.);

г) М.И. Ковалев, кроме того, отдельно акцентирует внимание на том, что к укрывательству преступлений в собственном смысле слова могут быть отнесены только такие действия, направленные на сокрытие преступления, которые совершены без предварительного обещания их исполнителю.

Г. Баймурзин обосновывает целесообразность выделения только одного понятия укрывательства – в собственном смысле слова – заранее не обещанного. Как ему кажется, понятие заранее обещанного укрывательства недостаточно ясно передает действительную сущность конкретного уголовно-правового явления, которое оно призвано обозначать. Оно вуалирует эту сущность, создавая неверное представление, что решающим условием уголовной ответственности в данном случае является якобы не обещание лица укрыть преступника или преступление, а фактическое его выполнение, т.е. сам факт укрывательства. На самом же деле лицо несет ответственность не за физическое действие, каковым является непосредственно само укрывательство, а за словесное обещание укрыть преступника или преступление. Лицо, давшее обещание укрыть преступление, становится пособником независимо от того, реализовало оно свое обещание впоследствии или нет, ибо оно самим фактом обещания содействует исполнению преступления и поэтому несет ответственность за наступивший опасный результат наряду с исполнителем. Следовательно, здесь мы имеем дело не с укрывательством как таковым, а с разновидностью соучастия в форме интеллектуального пособничества³⁰⁹. Из этого делается заключение:

³⁰⁸ Ковалев М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 96.

³⁰⁹ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 94–95.

«Было бы наиболее верным и теоретически оправданным признание единого уголовно-правового понятия укрывательства, по своему содержанию равнозначного ныне употребляемой нами конструкции заранее не обещанного укрывательства. Что же касается так называемого заранее обещанного укрывательства, то правильнее было бы именовать его интеллектуальным пособничеством в форме обещания скрыть преступника или следы преступления, поскольку сам факт укрывательства в данном случае не содержит признаков уголовно-наказуемого деяния»³¹⁰. Именно в таком смысле употребляется термин «укривательство» в большинстве изученных источников и в данной работе, т.е. только как деятельность, заранее не обещанная.

Указание на отсутствие обещания помощи по сокрытию преступления является обязательным признаком укрывательства, отличающим его от соучастия в преступлении, а потому должно найти отражение в определении его понятия. Невключение такой оговорки в дефиницию, действительно, создает определенные сложности в понимании того, о каком из законодательно закрепленных видов укрывательства идет речь. К примеру, Т.И. Косарева, очень подробно описывая признаки укрывательства, об этом (основном) забывает, что является, на наш взгляд, наряду с некоторой громоздкостью предлагаемой ею формулировки, большим недостатком определения: «Под укрывательством следует понимать совершение действий, направленных на предотвращение обнаружения и выявления правоохранительными органами, потерпевшим или иными лицами, преступника (предоставление убежища, способствование перемещению преступника в другую местность, способствование изменению внешности, ложный донос, ложные показания и т.д.), средств или орудий совершения преступления, предметов, добытых преступным путем (сокрытие в различных тайниках и труднодоступных местах, дарение, продажа другим лицам и т. д.), а также следов преступления (уборка места преступления и т.д.)»³¹¹.

Можно согласиться с А.В. Зарубиным в том, что большинство ученых, занимавшихся исследованием заранее не обещанного укрывательства, сходятся во взглядах при его определении. Существующие различия в определении относятся лишь к его отдельным элементам, касающимся видов укрывательства и его способов, а также указания на тяжесть основных преступлений³¹². В связи с этим представляет интерес дискуссия, развернувшаяся на страницах работ современных российских правоведов, которые подвергают критике понятие укрывательства, нашедшее отражение в

³¹⁰ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 96.

³¹¹ Косарева Т.И. Пособничество совершению преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2004. С. 77.

³¹² Зарубин А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Тюмень, 2004. С. 117.

ст. 316 УК Российской Федерации: «Заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений – наказывается ...»³¹³. Таким образом, диспозиция ст. 316 УК РФ является простой, она только называет деяние, не раскрывая его признаков, что и вызывает нарекания исследователей.

Н. Косякова, в частности, пишет: «Норма об укрывательстве имеет большое превентивное значение, обращена ко всем гражданам и должна быть доступна для общего понимания. Краткость норм, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлению, вряд ли можно отнести к достижениям нашего законодательства...»; далее рекомендуется «диспозицию сделать описательной, указав в ней преступника, следы преступления, орудия и средства его совершения, предметы, добытые преступным путем»³¹⁴. А.Д. Макаров признает более удачным в этом плане нормы УК РСФСР 1960 года, в Общей части которого имелась статья, раскрывавшая содержание укрывательства³¹⁵.

По тем же причинам не удовлетворяет ученых наименование статьи «Укрывательство преступления», встречаются суждения о необходимости заменить его на «Укрывательство преступления и преступника»³¹⁶ («Укрывательство преступления и лица, его совершившего»³¹⁷). С одной стороны, это более соответствует содержанию нормы, с другой – будет оказывать большое профилактическое воздействие на граждан даже без ознакомления с ее текстом, привлекая внимание к наказуемости укрывательства не только преступления, но и преступника.

Что касается первого из этих замечаний, можно сослаться на мнение А.П. Козлова, предполагающего, что российский законодатель способы укрывательства не перечисляет по причине невозможности дать их исчерпывающий перечень. В зависимости от конкретных обстоятельств дела, личностных качеств, фантазии и возможностей преступников (укрывателя и укрываемого) способы сокрытия могут быть различными – от самых простых до наиболее изощренных. Поэтому, по мнению А.П. Козлова, более целесообразно сделать акцент в диспозиции анализируемой статьи на укрывательство преступления или виновного лица, совершенное любым способом. В законе же следует перечислить лишь те способы укрывательства, которые повышают степень его общественной опасности, а именно:

³¹³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2006. С. 797.

³¹⁴ Косякова Н. Укрывательство преступления и преступника // Законность. 1998. № 10. С. 39.

³¹⁵ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 92–93.

³¹⁶ Косякова Н. Укрывательство преступления и преступника // Законность. 1998. № 10. С. 39; Лобанова Л.В. Преступления против правосудия : проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности : дис. ... доктора юрид. наук : 12.00.08. Казань, 2000. С. 138.

³¹⁷ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 93.

путем дачи ложных показаний, ложного доноса, уничтожения либо повреждения вещественных доказательств, явки с повинной и т.д.³¹⁸

Ознакомление с зарубежным уголовным законодательством показывает, что абсолютное большинство норм об укрывательстве имеют описательные диспозиции, отличающиеся разной степенью конкретизации признаков наказуемого деяния. Как простые сформулированы диспозиции ст. 396 УК Украины и ст. 180 УК Эстонской Республики, однако в Общих частях этих кодексов содержатся его более развернутые определения (ч. 6 ст. 27 УК Украины, ст. 18 УК Эстонской Республики). Для некоторых уголовных законов характерно слишком подробное описание признаков укрывательства, что также неудачно, поскольку делает норму достаточно сложной для восприятия и уяснения сущности рассматриваемого состава преступления. Например, этим отличается ст. 451 УК Испании (раздел XX «Преступления против судебной власти», глава III «Об укрывательстве»), по которой наказывается «тот, кто, зная о совершении преступления и не участвуя в нем в качестве исполнителя или соучастника, примет в нем участие после его совершения одним из следующих способов:

1) оказывая помощь исполнителям или соучастникам в получении выгоды, дохода или цены за преступление, без умысла собственной выгоды;

2) скрыв, изменив или уничтожив труп, имущество или орудие преступления, с целью помешать его раскрытию;

3) помогая лицам, гипотетически ответственным в преступлении, уклониться от расследования, осуществляемого должностными лицами или представителями власти, либо помогая им скрыться от их розыска или ареста при наличии следующих обстоятельств:

а) скрываемое деяние является изменой, убийством Короля...,

б) содействующее лицо действует с превышением власти...»³¹⁹.

Таким образом, конструкция диспозиции ст. 405 УК выглядит более удачной по сравнению с аналогичными нормами зарубежных законов. В ней отсутствует схематичность, присущая УК РФ и не позволяющая однозначно определить сущность укрывательства как преступного деяния, и ненужная детализация его признаков, которая может быть дана в официальном толковании или комментарии к законодательству.

Единственное, что можно уточнить, – ввести в статью указание на возможность совершения укрывательства только умышленным действием в отношении преступления, совершенного другим лицом. Целесообразно также оставить открытым перечень способов совершения укрывательства. С учетом этого содержание ч. 1 ст. 405 УК должно звучать так: «1. Заранее не обещанные сокрытие лица, совершившего тяжкое преступление, либо

³¹⁸ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 99.

³¹⁹ Уголовный кодекс Испании. М., 1998. С. 140–141.

орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем, либо иные умышленные действия, направленные на сокрытие тяжкого преступления, совершенного другим лицом (заранее не обещанное укрывательство преступления)».

Понятие «укривательство» следует распространять только на случаи, когда оно не было заранее обещано, а те же действия, заранее обещанные, именовать пособничеством. Это вытекает, с одной стороны, из характера деяния виновного (только при заранее не обещанном укрывательстве всегда принимаются конкретные меры по сокрытию преступления, при пособничестве обещание укрыть может быть не реализовано), а с другой стороны, соответствует нормам УК Республики Беларусь. Термин «укривательство» употребляется законодателем лишь в ст. 405 УК, по ч. 6 ст. 16 УК пособником признается лицо «...заранее обещавшее скрыть преступника, орудия или средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем...».

Изменение же наименования ст. 405 УК, на наш взгляд, не вызвано необходимостью. Понятием «укривательство преступления» охватывается и укрывательство лица, его совершившего, что вытекает из признания субъекта обязательным элементом состава любого преступления. Сокрытие преступника – один из способов укрывательства совершенного им преступления, наравне с сокрытием орудий, средств, следов преступления, добытых преступным путем предметов, поэтому нет оснований особо выделять его в названии статьи. Такое решение будет нелогичным, поскольку остальные равнозначные варианты совершения укрывательства останутся за пределами названия статьи.

3.2. Объективные признаки заранее не обещанного укрывательства преступлений

Не останавливаясь подробно на характеристике объекта укрывательства преступлений, лишь еще раз отметим несостоятельность утверждений некоторых авторов, считающих укрывательство посягательством на тот же объект, что и укрываемое преступление³²⁰, либо на основы общественной безопасности и общественную безопасность³²¹, либо видящих двойственную структуру объекта данного преступления: с одной стороны, это общественные отношения в сфере предотвращения, пресечения или изобличения конкретных преступлений; с другой – общественные отношения в

³²⁰ Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. С. 255.

³²¹ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 30.

сфере предупреждения преступлений определенного рода, т.е. аналогичных тем, в отношении которых имел место факт непредотвращения, пресечения или неизобличения³²².

Единственно правильным решением является признание основным объектом укрывательства общественных отношений, обеспечивающих деятельность правоохранительных органов по раскрытию преступлений и изобличению виновных в их совершении, т.е. интересы правосудия. В подтверждение приведем аргументы О.И. Семькиной. Укрывательство, не будучи заранее обещанным содействием в совершении преступления, не является одной из его причин. Действия лица не находятся в причинной и виновной связи с укрываемым преступлением, следовательно, укрыватель не может участвовать в причинении данным преступлением общественно опасного результата. Укрывательство объективно обусловлено основным преступлением и, возникая, таким образом, на почве посягательства на конкретный объект, уже не способно причинить какой-либо ущерб этому же объекту. Укрывательство, хотя объективно и соединено с основным преступлением, однако не наносит действительного ущерба его непосредственному объекту и направлено на причинение вреда общественным отношениям исключительно в сфере правосудия. Объединение же двух объектов различных посягательств либо выделение в качестве объекта сокрытия преступления и преступника общественных отношений, нарушаемых в процессе совершения основного преступления, в корне искажает юридическую сущность укрывательства как самостоятельного уголовно наказуемого деяния, превращает его в придаток соучастия³²³.

В диспозиции ч.1 ст. 405 УК в качестве предмета укрывательства называются: орудия и средства совершения преступления; следы преступления; предметы, добытые преступным путем.

Традиционно физическое лицо не принято называть предметом преступления, в отношении него употребляется понятие «потерпевший», но применительно к укрывательству лица, совершившего преступление, можно условно допустить термин «предмет преступления». Такое лицо, с одной стороны, нельзя рассматривать как потерпевшего (наоборот, он получает определенную выгоду от действия укрывателя – избегает ответственности за собственное преступление), с другой – он и не преступник для состава укрывательства, субъектом которого по определению быть не может.

В уголовном законодательстве не содержится встречаемого в литературе оборота «укривательство преступника», в ст. 405 УК речь идет об укрывательстве лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление. В

³²² Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 13–14.

³²³ Семькина О.И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ставрополь, 2003. С. 68–70.

части отнесения лиц к этой группе прав В. Гелашвили и другие авторы, по мнению которых «состав укрывательства будет налично независимо от того, кто оказался скрытым от органов правосудия – исполнитель или его соучастники (организатор, подстрекатель, пособник), лицо, совершившее оконченное преступление, или виновный в приготовлении либо покушении на преступление»³²⁴. Если данные лица обладают признаками субъекта преступления и действительно совершили преступление названной категории, помощь им в сокрытии от уголовного преследования должна наказываться по ст. 405 УК.

Проанализировав российское уголовное законодательство XIX века, Н.А. Неклюдов под укрывательством преступников понимал сокрытие от правосудия: а) обвиняемого, т.е. лица, совершившего преступное деяние, или б) осужденного приговором, вошедшим в законную силу. Под понятие укрывательства он подводил следующие случаи: 1) сокрытие личности после публикации о сыске; 2) непринятие повестки в том случае, если принявшему известно, что именно в данном месте живет обвиняемый; 3) дача средств к побегу³²⁵. С точки зрения действующего уголовного закона лицо, совершившее преступление, как предмет укрывательства надо рассматривать по-иному.

В первую очередь нуждается в уточнении используемое Н.А. Неклюдовым понятие «обвиняемый», которым согласно ч. 1 ст. 42 УПК является физическое лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, а по делам частного обвинения – физическое лицо, относительно которого судом принято заявление о совершенном им преступлении. Таким образом, сейчас этот термин понимается значительно уже, чем у дореволюционного автора. Практика показывает, что укрывательство лица, совершившего преступление, имеет место в основном до того, как органам правосудия стало известно о личности преступника, т.е. еще до возбуждения уголовного дела и признания лица подозреваемым или обвиняемым, до вынесения обвинительного приговора. Поэтому корректнее говорить, что укрывается лицо, совершившее преступление, которое может быть привлечено в качестве обвиняемого.

Укрывательство осужденного также практически возможно, но вызывает некоторые проблемы в квалификации. В главе 34 УК содержится ряд составов преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от отбывания различных видов наказаний (стст. 414–419 УК), а также за нарушение режима отбывания и исполнения наказаний (стст. 409–

³²⁴ Гелашвили В. Ответственность за заранее не обещанное укрывательство // Советская юстиция. 1978. № 15. С. 18; Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 152; Ковалев М. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Советская юстиция. 1977. № 19. С. 27.

³²⁵ Неклюдов Н.А. Противодействие правосудию и злоупотребления по службе. СПб., 1892. С. 32–33.

413 УК). Если лицо оказывает непосредственную помощь осужденному в уклонении от отбывания наказания, оно может быть признано соучастником названных преступлений (конечно, при наличии всех объективных и субъективных признаков соучастия) с учетом того, что в большинстве случаев уклонение является деянием дящимся. Такие правила квалификации должны, в частности, применяться в случае упоминаемой Н.А. Неклюдовым даче средств к побегу. Если побег из исправительного учреждения совершен виновным без предварительной договоренности с укрывателем, последующее содействие в сокрытии этого лица может оцениваться как укрывательство. Однако в такой ситуации лицо укрывательство не того преступления, за которое был привлечен к ответственности осужденный, а деяния, предусмотренного ст. 413 УК. Практически все перечисленные преступления против правосудия, посягающие на порядок отбывания и исполнения наказаний, относятся к категориям преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и менее тяжких. Следовательно, их укрывательство не наказуемо. Только побег из исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, арестного дома или из-под стражи при квалифицирующих обстоятельствах (ч. 2 ст. 413 УК), а также действия, дезорганизирующие работу исправительного учреждения или арестного дома (ст. 410 УК), являются тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Таким образом, понятие «укривательство осужденного» малоприменимо к действующему уголовному законодательству. Заранее не обещанная помощь лицу в виде побега из-под стражи, домашнего ареста и т.д. в период предварительного расследования должна оцениваться как его укрывательство, но в таком случае речь опять же не идет об осужденном.

В УК ФРГ в отдельных статьях установлена ответственность за воспрепятствование наказанию (§ 258) и воспрепятствование должностным лицом привлечению к ответственности или исполнению наказания (§ 258a). Немецкий законодатель, как и белорусский, отграничивает эти деяния от укрывательства.

В ст. 305 УК Швейцарии, напротив, в состав укрывательства включены действия лица, которое «укрывает кого-либо от уголовного преследования, исполнения в отношении него наказания» и других предусмотренных мер принуждения³²⁶. В соответствии со ст. 294 УК Республики Болгария в объективную сторону укрывательства входят: действия с целью помочь лицу, совершившему преступление, избежать уголовного преследования, содействие в его прекращении, или помощь избежать наказания, если договоренность об этом не была достигнута до совершения преступле-

³²⁶ Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2001. С. 99.

ния³²⁷. Согласно ст. 103 УК Японии, сокрытием преступника является сокрытие «того, кто совершил преступное деяние, ...или того, кто совершил побег из-под стражи», либо оказание им «содействия в необнаружении их»³²⁸. Так как сокрытие лица, осужденного по приговору суда, от отбывания наказания влечет указанную выше ответственность по специальным статьям УК Республики Беларусь, нет необходимости по примеру процитированных законов других стран дополнительно включать его в состав укрывательства преступлений.

Итак, в целом можно согласиться с перечнем укрываемых от правоохранительных органов и суда лиц, который дан О.И. Семькиной³²⁹, с учетом положений уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь:

- лица, осужденные за совершенные ими особо тяжкие преступления;
- лица, привлеченные к уголовной ответственности за совершенные ими особо тяжкие преступления, дела в отношении которых находятся в стадии предварительного расследования, переданы прокурору для направления в суд либо уже поступили в суд;
- лица, не привлеченные к уголовной ответственности, но разыскиваемые органами уголовного преследования по подозрению в совершении особо тяжкого преступления;
- лица, только совершившие особо тяжкое преступление и еще не попавшие в поле зрения правоохранительных органов.

Следует оговориться, что по УК Республики Беларусь сюда относятся те же лица, но совершившие тяжкие преступления, однако не включаются, за исключением редких случаев, осужденные.

Далее предметом укрывательства закон называет орудия и средства совершения преступления и его следы. В литературе заостряется внимание на соотношении этих понятий. В комментарии к УК Республики Беларусь даются такие определения: «Орудия и средства совершения преступления – предметы, с помощью которых совершалось преступление: пистолет, кинжал, ружье, взрывчатые вещества, препараты, воздействующие на организм человека, транспортные средства и др. Следы преступления – вещества, запахи, предметы, которые преступник оставляет на месте совершения преступления или на своей одежде, обуви, других предметах»³³⁰.

По М.И. Ковалеву, орудия преступления – это те предметы материального мира, которые были использованы лицом для учинения с их помощью преступного деяния. Следы преступления – это вещественные, письменные

³²⁷ Уголовный кодекс Республики Болгария. СПб., 2001. С. 208.

³²⁸ Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002. С. 76.

³²⁹ Семькина О.И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ставрополь, 2003. С. 77.

³³⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова. Минск, 2003. С. 1022.

или иные доказательства, свидетельствующие или о самом событии преступления или о лице, его совершившем. По мнению М.И. Ковалева, орудия преступления во всех случаях являются вещественным доказательством по делу. Поэтому уничтожение, повреждение или сокрытие их, совершенное с целью затруднить деятельность органов правосудия в раскрытии преступления или изобличении виновника его совершения, есть вместе с тем и сокрытие следов преступления. Следовательно, выделение в отдельный вид укрывательства сокрытие орудий преступления автор считает излишним³³¹.

Мы не разделяем такую позицию. Категории «орудия» и «средства совершения преступления» являются уголовно-правовыми, а «следы преступления» и «вещественные доказательства» – процессуальными и криминалистическими. На первых двух понятиях останавливаться не будем, их содержание раскрыто в приведенных определениях (хоть и не совсем верно, несколько упрощенно). Остановимся на второй паре терминов.

В криминалистике принято выделять широкое и узкое понятие следа. В широком смысле след преступления – это любые материальные последствия преступления, изменения объекта или вещной обстановки; изменения, происшедшие в окружающей среде в результате совершенного преступления. В узком значении под следами преступления понимаются следы-отображения, следы-предметы и следы-вещества. Следы-отображения встречаются наиболее часто и представляют собой остаточные явления, материально фиксированные отображения на одном объекте внешнего строения другого объекта. Следы-предметы также отображают признаки объекта, характер действия (замки, пломбы со следами разрушения и т.д.). Следы-вещества исследуются для установления лишь природы вещества, его классификации и других признаков³³². Следы находятся в причинной связи с преступлением, они содержат информацию об отдельных обстоятельствах деяния, о действиях преступника и об особенностях конкретных объектов, в результате взаимодействия которых возникли следы.

В соответствии с ч. 1. ст. 88 УПК доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Вещественными доказательствами, согласно ст. 96 УПК, признаются предметы, которые служили орудиями преступле-

³³¹ Ковалев М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд юрид. наук. М., 1952. С. 153–154.

³³² Криминалистика : учебник / под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастыркина. М., 2001. С. 210; Курс криминалистики / под ред. Н.И. Порубова. Минск, 2000. С. 45–46; Криминалистика : учебник для вузов / под ред. проф. Р.С. Белкина. М., 2001. С. 206.

ния, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий, а также деньги и иные ценности, добытые преступным путем, и все другие предметы и документы, которые могут служить средствами по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств уголовного дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности обвиняемого.

Итак, нельзя отождествлять следы преступления и доказательства. Как видно, доказательства – самое широкое из рассмотренных понятий, включающее как орудия и средства совершения преступления, так и его следы. Поэтому укрывательство орудий и средств преступления не является составной частью укрывательства следов преступления, не может им подменяться. Допустимо эти два способа укрывательства, а также укрывательство предметов, заведомо добытых преступным путем, заменить одним понятием – «укрывательство доказательств», иных вариантов не усматривается. В то же время такая формулировка также не удовлетворяет смыслу нормы ст. 405 УК. На основе процессуального законодательства можно заключить, что одним из признаков любого доказательства выступает получение его в предусмотренном законом порядке уполномоченными органами. Суть же укрывательства состоит именно в том, чтобы орган, ведущий уголовный процесс, не получил необходимые фактические данные. Следовательно, укрываемые предметы доказательствами назвать нельзя, они только потенциально таковыми являются, станут доказательствами лишь в случае обнаружения и приобщения к уголовному делу. В связи с этим наиболее правильным будет не изменять диспозицию ст. 405 УК в рассматриваемой части.

Наиболее кратко понятие предметов, добытых преступным путем, можно определить как «вещи, ценности, обладателем которых стал виновный или другие лица в результате совершения им преступления»³³³. При более детальном изучении его можно столкнуться с рядом проблем. Так, А.Н. Мурадов замечает: «Понятие добычи чего-либо вовсе не ограничивается приобретением, получением, завладением какой-либо уже существующей вещи. Добытое имущество – это и имущество изготовленное. В русском языке «добыть» означает, в частности, «извлечь, получить что-либо с помощью опытов, путем производственных процессов». Если же вещь создана в результате преступной деятельности, то она тем самым и добыта преступным путем»³³⁴. Н.П. Иваник, в противоположность сказанному, не признает имущество добытым преступным путем, если виновное лицо само его создало, ибо такое имущество не добывается, а изготавливает-

³³³ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова. Минск, 2003. С. 1022.

³³⁴ Мурадов А.Н. Ответственность за приобретение, хранение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. Баку, 1989. С. 32.

ся. Он указывает, что ответственность за такие действия предусматривается в уголовном порядке как самостоятельное преступление, например, изготовление наркотиков и т.п.³³⁵

Думается, что большого противоречия здесь нет. Имущество, действительно, может быть изготовлено способом, который является уголовно наказуемым. Нет никаких оснований не признавать здесь укрывательства, так как тем самым затрудняется раскрытие и расследование того преступления, которым имущество получено. Вполне возможны случаи укрывательства наркотического средства, изготовленного с целью сбыта, потому что такое изготовление – тяжкое преступление (ч. 2 ст. 328 УК). Укрывательством будет уничтожение, помещение в тайник, придание вида другого средства и подобные действия по сокрытию наркотика.

По мнению А.С. Горелика и Л.В. Лобановой, если потерпевший несет на себе следы преступления (например, побоев), то его сокрытие является разновидностью сокрытия следов преступления. Если при этом потерпевшего прячут (содержат в определенном месте) против его воли, в связи с чем в содеянном имеются признаки преступления против личной свободы, то следует применять также нормы об ответственности за похищение человека или незаконное лишение свободы³³⁶.

В целом не возражаем против квалификации такого деяния, как укрывательства, однако сомнения вызывает отнесение его к сокрытию именно следов преступления. Можно ли назвать человека (потерпевшего) следом в том понимании, какое существует в криминалистике, и в какую именно группу следов (следы-отображения, следы-предметы или следы-вещества) его включить? Думается, что в чистом виде о следе речи быть не может – как с точки зрения науки, так и с этических позиций. То же можно сказать о трупе, сокрытие которого также традиционно называется укрывательством следов преступления (убийства). Учитывая сказанное и соглашаясь с мнением некоторых авторов о невозможности дать исчерпывающий перечень способов укрывательства (с совершенствованием техники раскрытия преступлений прежние способы сокрытия преступлений становятся малоэффективными или совершенно непригодными, они заменяются новыми, обеспечивающими успех преступной деятельности³³⁷), целесообразно в диспозиции ст. 405 УК оставить открытым перечень способов укрывательства. В предложенной нами формулировке к укрывательству отнесены иные действия, кроме перечисленных ныне, по сокрытию преступления.

³³⁵ Иваник Н.П. Уголовно-правовая борьба с приобретением или сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967. С. 7.

³³⁶ Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005. С. 204–205.

³³⁷ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 99; Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 180.

Укрывательство как форма прикосновенности предполагает такие действия, которые не были заранее обещаны укрывателем. Отсутствие обещания укрыть – обязательный признак объективной стороны рассматриваемого преступления, отличающий его от соучастия. Пленумом Верховного Суда СССР было рекомендовано признавать укрывательство преступления, а также приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, соучастием, если эти действия были обещаны исполнителю до или во время совершения преступления либо по другим причинам (например, в силу систематического их совершения) давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие³³⁸. Долгое время разграничение соучастия и прикосновенности в таком виде было общепризнанным, бесспорным. Это видим у всех советских авторов. В современной науке подходы несколько изменились.

Не вызывает возражений отнесение заранее обещанных действий укрывателя к пособничеству. Не изменилась и характеристика понятия «заранее обещанное», к нему следует относить все случаи, когда обещание совершить действия было дано до или во время совершения преступления. Исключение составляет позиция А.П. Козлова, согласно которой, под заранее данным обещанием следует понимать возложенное на себя до начала поведения другого соучастника обязательство совершить определенные действия по укрывательству, приобретению, сбыту, учитывая, что на обещании базируется свои действия другой соучастник. Если другой соучастник начал совершать свои действия до обещания укрыть, приобрести, сбыть, то подобное означает, что свои действия он базируется не на данном обещании, а на чем-то ином, из-за чего указанное обещание не может быть признано пособничеством, оно становится криминально незначимым, поскольку является только мыслью, не оформленной в действии³³⁹. Не согласимся с этим по той причине, что обещание, даваемое в процессе совершения преступления, в не меньшей степени влияет на волю и сознание соучастников, здесь формируются такие же двусторонние виновные связи и совместность действий, как и при любом другом случае соучастия. Разница лишь в том, что лицо влияет не на возникновение решимости совершить преступление, а на желание его продолжить и довести до конца, что также общественно опасно.

При соучастии всегда имеется предварительное соглашение о сокрытии преступления в будущем. Форма его значения не имеет. Как отмечает М.И. Ковалев, под обещанием понимается не только словесное заверение или выражение согласия, даваемое укрывателем исполнителю до совершения им преступления, но и всякие иные, так называемые конклюдентные

³³⁸ Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.). М., 1987. С. 685.

³³⁹ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 158.

действия, которые дают исполнителю основание полагать, что совершивший эти действия укроет его самого или следы совершенного им преступления, и этим укрепляют у исполнителя решимость к совершению преступления³⁴⁰. Требуется только уточнить, что обещание может быть дано не только исполнителю, но и любому другому соучастнику.

Тот же автор считает предварительным и обещание, данное во время совершения преступления, но до его окончания (в частности, во время совершения дящихся и продолжаемых преступлений)³⁴¹. Более глубокие исследования по вопросу укрывательства дящихся и продолжаемых преступлений провели Б. Разгильдиев и С. Мыльников. Общие выводы их можно свести к следующему³⁴²:

1. Соккрытие дящегося преступления образует соучастие в нем, если лицо оказывает содействие преступнику в укрывательстве готовящегося или совершающегося преступления, сознавая дящийся характер укрываемого преступления. В отдельных случаях такое укрывательство будет рассматриваться как исполнительская деятельность. Если, например, лицо незаконно хранит огнестрельное оружие, а затем, с целью соккрытия, передает его другому, то последний должен быть привлечен к уголовной ответственности за незаконное хранение оружия.

2. При соккрытии продолжаемого преступления можно представить две ситуации:

а) если лицо, совершая продолжаемое преступление, использует услуги укрывателя, а последний не осознает, что оказывает содействие преступнику в совершении одного из преступных актов, то следует говорить об укрывательстве. Такой укрыватель не может быть соучастником продолжаемого преступления, поскольку в этой ситуации отсутствует один из обязательных признаков соучастия – единство умысла;

б) если же исполнитель или любой другой соучастник продолжаемого преступления получает заранее согласие лица на укрывательство, то это соучастие в преступлении, а не прикосновенность к нему. Соучастие будет и в том случае, когда услугами укрывателя пользовались систематически, не получая на это каждый раз его предварительного согласия. Однако в подобной ситуации для признания факта соучастия необходим не только объективный (систематичность), но и субъективный фактор, то есть осознание укрывателем, что в результате систематического укрывательства он

³⁴⁰ Ковалев М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд юрид. наук. М., 1952. С. 86–87.

³⁴¹ Ковалев М. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Советская юстиция. 1977. № 19. С. 26.

³⁴² Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 18–19; Квалификация заранее не обещанного укрывательства / С. Мыльников, Б. Разгильдиев // Советская юстиция. 1983. № 15. С. 24.

содействует исполнителю преступлений, а последний рассчитывает на подобную помощь. При отсутствии субъективного фактора нельзя говорить о соучастии.

С точки зрения учения о стадиях совершения умышленного преступления, а именно с позиций установления момента окончания длящихся и продолжаемых преступлений, такую квалификацию можно признать правильной. Сомнения могут возникнуть по поводу наличия соучастия в длящихся преступлениях, которые считаются юридически оконченными с момента начала деяния. Однако никто не будет спорить с тем, что во время присоединения укрывателя к нему преступление еще фактически совершается, существует в действительности, не прекращено. Заранее не обещанное укрывательство тем и отличается, что имеет место уже после того, как преступное деяние завершено. Своими действиями укрыватель пытается помочь виновному избежать ответственности, он не способен причинить вред объекту основного преступления, не состоит с этим преступлением в причинной и виновной связи. Соккрытие же длящегося преступления до его фактического окончания имеет все признаки соучастия.

Острой критике в настоящее время подвергается включение в пособничество укрывательства, совершаемого систематически, но без предварительной договоренности с лицом, виновным в основном преступлении. Если ранее это не оспаривалось, то из известных современных авторов поддерживается единицами (например, А.П. Козловым). В таких случаях прикосновенность якобы становится соучастием в силу того, что оно порождает надежду у преступника на последующие акты укрывательства без всякого обещания со стороны укрывателя, в связи с чем укрепляется решимость лица на совершение преступления. А.П. Козлов делает оговорку, что под систематичным должно пониматься заранее не обещанное укрывательство, осуществленное после второго раза, поскольку после первого надежда на последующее укрывательство еще эфемерна и по общему правилу не должна возникать в полном объеме. Только после второго укрывательства такую надежду можно считать закрепленной. Кроме того, систематичность распространяется на заранее не обещанное укрывательство одного и того же лица или его преступной деятельности. Практически те же условия отнесения систематического действия к соучастию назывались и в работах советских авторов, изучавших заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем³⁴³. В связи со сказанным данный способ пособничества предлагается отразить в УК³⁴⁴.

³⁴³ Криволапов Г. Отграничение приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, от соучастия и укрывательства преступлений // Советская юстиция. 1968. № 9. С. 16; Коржанский Н.И. Ответственность за приобретение, хранение и сбыт имущества, добытого преступным путем. Волгоград, 1971. С. 72–73.

³⁴⁴ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 151.

Однако абсолютное большинство российских авторов в настоящее время являются противниками этого подхода. Основной аргумент – то, что в таком укрывательстве не имеется обязательных признаков соучастия. Т.И. Косарева, к примеру, пишет: «Мы согласны с тем, что появляющийся расчет в подобных случаях содействует совершению преступления. Но этого еще недостаточно, чтобы лицо, систематически совершающее указанные действия, признать пособником преступления. Аналогичный расчет может быть у преступника и в отношении близких родственников, друзей, которые ранее не совершали укрывательства, но которые при необходимости, в чем преступник абсолютно не сомневается, обязательно его совершат. В данном случае почему-то вопрос о пособничестве со стороны родственников и друзей не возникает»³⁴⁵.

В рассматриваемом случае отсутствуют следующие признаки соучастия в преступлении:

1. Субъективные: отсутствует двусторонняя виновная связь, без которой нет соучастия. Предыдущее укрывательство, даже совершаемое систематически, не раскрывает, как правило, субъективной стороны деятельности укрывателя. Оно позволяет лишь выдвинуть предположение о наличии заранее данного обещания о желании лица еще до совершения преступления исполнителем оказать ему ту или иную услугу. Если такая договоренность была заключена на неопределенное время, то следует констатировать наличие соучастия в преступлении. Однако, когда такое лицо ставят перед уже свершившимся фактом (три раза), предъявляя, например, имущество, уже находящееся во владении укрывателя, без его предварительного на это (в том числе и молчаливого) согласия, и предлагают скрыть его, то говорить о соучастии нельзя³⁴⁶.

2. Объективные: укрыватель не может быть осведомлен о планах исполнителя, так как никаких предварительных соглашений между ними не было. Поэтому он не может направлять свои действия так, чтобы достигнуть совместного результата с действиями непосредственного исполнителя преступления. В этом случае нельзя говорить о совместности действий, поскольку нет сознательного сложения интеллектуальных и волевых усилий для достижения преступного результата³⁴⁷. Действия лиц несовместны, несмотря на то, что у преступника, совершающего преступление, имеется

³⁴⁵ Косарева Т.И. Пособничество совершению преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2004. С. 85.

³⁴⁶ Уголовная ответственность за заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем / Д. Безбородов, А. Зарубин // Уголовное право. 2003. № 4. С. 8.

³⁴⁷ Семилетова Л.В. О разграничении понятий «заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» и «соучастие в преступлении» // Современное право. 2003. № 12. С. 48; Дробот С.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2000. С. 95.

расчет на укрывательство со стороны другого лица в силу его систематического совершения или каких-либо иных оснований³⁴⁸.

Указывается также на формальное основание недопустимости такой квалификации – неуказание систематического укрывательства как способа пособничества в уголовном законе.

Приведенные аргументы позволяют заключить, что систематическое укрывательство должно быть заранее обещано, чтобы влечь ответственность как соучастие в преступлении. В остальных случаях надлежит расценивать его как прикосновенность в форме заранее не обещанного укрывательства.

В характеристике деяния, составляющего объективную сторону укрывательства, два аспекта вызывали долгое время ожесточенные споры исследователей: 1) допустимость совершения укрывательства путем бездействия и 2) существование так называемого интеллектуального укрывательства.

По первой проблеме наметилось два решения:

1. В большинстве изученных работ говорится о возможности совершения укрывательства только путем активных действий, что является отличительным признаком укрывательства, отграничивающим его от недонесения и попустительства как форм прикосновенности к преступлению. Такая точка зрения поддерживается В. Гелашвили, Г. Баймурзиным, Н.Г. Радунцевой, Э. Раалом, П.К. Евдокимовым, Г. Виттенбергом и П. Панченко, Е.В. Пономаренко, М.Х. Хабибуллиным и др. Соккрытие преступления в уголовно-правовом смысле с этих позиций заключается в совершении лицом активных действий, являющихся содействием преступнику в достижении им конечной цели преступления и избегании уголовной репрессии. Сам термин «укривательство» по своему смыслу предполагает совершение действия по сокрытию чего-либо.

2. Достаточно многочисленная группа авторов обосновывает возможность совершения укрывательства как действием, так и бездействием. А.С. Омаров даже проводит разграничение между укрывательством-бездействием и недонесением по характеру их связи с совершенным преступлением: укрыватель своим бездействием предоставляет возможность преступнику укрыться самому или укрыть следы преступления, бездействие недонесителя не связано с предоставлением преступнику возможности сокрытия; таким образом, укрывательство всегда является существенной помощью преступнику в совершении преступления или сокрытии его самого или следов преступления, а недонесение не имеет такой связи с преступлением; оно ничем не способствует в совершении преступления

³⁴⁸ Косарева Т.И. Пособничество совершению преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2004. С. 85.

или сокрытия преступника либо следов преступления³⁴⁹. Примеры сокрытия-бездействия приводятся разные: молчаливое предоставление укрываемому тех или иных материальных средств (например, если лицо, сознавая, что имущество, находящееся в его квартире, автомашине и т.п., добыто бандой, продолжает его хранить, не запрещает им пользоваться либо не информирует об этом соответствующие органы)³⁵⁰, бездействие должностных лиц по отношению к преступнику, если в сферу должностных обязанностей лица входит принятие активных действий, направленных на раскрытие преступления,³⁵¹ наиболее часто встречаемый пример – преследуемый преступник проникает в дом и прячется в нем, а хозяин дома, наблюдавший происходящее, не сообщает о случившемся, помогая тем самым преступнику избежать задержания³⁵².

На наш взгляд, озвученные примеры неубедительны. Бездействие должностного лица, не принимающего мер по пресечению преступления при наличии к тому обязанности, является попустительством преступлению, то есть другой формой прикосновенности. Остальные лица в такой ситуации могут отвечать лишь за недоносительство, их безучастное отношение к преступлению нельзя назвать сокрытием, так как никаких конкретных мер к этому не принимается.

Критику других ситуаций дали Г. Баймурзин и В. Гелашвили, хотя приходят они к противоположным выводам. По мнению Г. Баймурзина, лицо, которое обнаружило, что преступник утаил в его доме добытое преступным путем имущество, может нести ответственность только за недоносительство. Сокрытие похищенных вещей производилось самим преступником без какого-либо участия такого лица. То обстоятельство, что преступник спрятал похищенное в подвале его дома, не меняет характера поведения виновного и не может расцениваться как предоставление им своего помещения для сокрытия предметов, добытых преступным путем, так как он не давал на это своего согласия. Признание укрывательства в данном случае было бы равносильно вменению в вину лица чужих действий³⁵³.

³⁴⁹ Омаров А.С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. С. 10.

³⁵⁰ Квалификация заранее не обещанного укрывательства / С. Мыльников, Б. Разгильдиев // Советская юстиция. 1983. № 15. С. 24; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 55.

³⁵¹ Омаров А.С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. С. 8; Шур Г.М. Недоносительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 117; Ковалев М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 105.

³⁵² Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г.А. Кригера [и др.]. М., 1981. С. 277; Ковалев М. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Советская юстиция. 1977. № 19. С. 26.

³⁵³ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 103.

В. Гелашвили считает, что с того момента, как лицо вступает в общение с преступником, соглашаясь принять его или его вещи в дом, оно совершает активное действие, выразившееся в предоставлении убежища или принятии на хранение вещей. Он подлежит ответственности за укрывательство. Остальные члены семьи, явившиеся очевидцами описанных выше действий и не принявшие меры к пресечению их, бездействуют. Они не могут быть привлечены к ответственности за заранее не обещанное укрывательство. В их деяниях можно установить лишь наличие недонесения³⁵⁴. Подобная идея выражена также Б.Т. Разгильдиевым. Он доказывает, что укрывательство-бездействие посредством непротодействия основному преступнику, использующему его материальные блага для сокрытия себя или совершенного им преступления (в том числе своего дома, автомобиля и т.п.), присутствует при условии, что эти материальные средства действительно принадлежат лицу. Если же основной преступник для своего укрывательства использует материальные средства, не находящиеся в ведении прикосновенного лица, то для привлечения этого субъекта к уголовной ответственности за укрывательство нет оснований. В этом случае имеются лишь признаки недонесения³⁵⁵.

Для наличия уголовно наказуемого бездействия всегда обязательно присутствие нескольких обстоятельств: во-первых, на лице лежит правовая обязанность совершить определенное действие; во-вторых, оно вопреки требованиям закона это действие не совершает; в-третьих, в данной обстановке лицо не только должно было, но и могло действовать. Допустив вероятность совершения укрывательства путем бездействия, как можно сформулировать невыполненную при этом обязанность? Пользуясь терминологией Б.Т. Разгильдиева, лицо должно противодействовать основному преступнику в использовании принадлежащих ему материальных благ для сокрытия преступления. Но укрывательство – это запрет оказывать помощь преступнику (лично своими усилиями предоставлять такие блага), а не обязанность препятствовать ему в сокрытии своего преступления. Такая обязанность на граждан не возлагается. Есть ли здесь осознанное оказание помощи лицу? Думается, нет. Виновный сам предпринимает необходимые для него меры по укрывательству своего преступления, самостоятельно использует чужие материальные блага для этого. Со стороны прикосновенного лица укрывательство будет только в случае, если оно в последующем даст явно выраженное согласие оказать содействие, совершит какие-либо действия, на это направленные (например, проведет виновного из

³⁵⁴ Гелашвили В.С. Заранее не обещанное укрывательство – преступление против правосудия // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1978. № 3. С. 75–76.

³⁵⁵ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 55.

комнаты в подвал, где лучше укрыться, предоставит ему одежду, пищу, перепрячет в более надежное место похищенное и т.п.). Пассивное наблюдение с его стороны за поведением преступника может быть расценено лишь как недонесение о преступлении.

Таким образом, на наш взгляд, единственно возможной формой деяния при укрывательстве преступлений является активное действие.

Что касается выделения укрывательства физического и интеллектуального, то это вполне обоснованно, хоть и не поддерживается всеми исследователями. Основная причина спора видится в том, что большинство действий, называемых в качестве интеллектуального укрывательства, в уголовном законе закреплены как самостоятельные преступные деяния. К их числу относятся заведомо ложный донос, заведомо ложные показания, отказ от дачи показаний или заключения, самооговор и другие аналогичные действия, направленные на оказание содействия основному преступнику в уклонении от ответственности.

Противники интеллектуального укрывательства ссылаются на то, что:

1. Укрывательство – действия только физические «по смыслу закона», так называемое интеллектуальное сокрытие не охватывается составом рассматриваемого преступления³⁵⁶, исходя «из филологического значения понятия укрывательства»³⁵⁷, «из описания состава этого преступления в законе и практического его осуществления»³⁵⁸. Эти доводы нельзя признать вескими, потому что, с одной стороны, как будет показано далее, на практике вполне вероятны случаи совершения укрывательства, не связанного с физическими действиями. С другой стороны, в понятии укрывательства (как филологическом, так и юридическом) акцент делается лишь на указание активной формы поведения лица, без уточнения ее конкретных проявлений – физических или интеллектуальных. Поэтому в пользу выделения интеллектуального укрывательства также делаются ссылки на закон, который не дает оснований для ограничительного толкования состава укрывательства, а конструкция нормы об ответственности за укрывательство допускает его совершение как физически, так и интеллектуально³⁵⁹.

2. Интеллектуальное укрывательство не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, оно либо вовсе не наказуемо, либо наказуемо при определенных условиях как отдельное преступление против правосудия. По словам Ш.С. Рашковской, юридическая природа заведомо лож-

³⁵⁶ Чучаев А.И. Преступления против правосудия. Ульяновск, 1997. С. 76.

³⁵⁷ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 104.

³⁵⁸ Хакимов И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества. Ташкент, 1982. С. 48.

³⁵⁹ Кашапов Р.М. Уголовно-правовые средства, обеспечивающие раскрытие и расследование преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Хабаровск, 2000. С. 140; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 56; Преступления против правосудия / под ред А.В. Галаховой. М., 2005. С. 338.

ного показания, данного в пользу виновного, ничем не отличается от юридической природы заведомо ложного показания, преследующего цель изобличить его в совершении преступления. В обоих случаях преступник своими действиями затрудняет раскрытие преступления, но не совершает конкретных действий, заключающихся в сокрытии самого преступника или следов преступлений³⁶⁰. Имеется в виду, что эти преступления укрывательством не охватываются. В связи с этим, конечно, прав М.Х. Хабибуллин, утверждая, что «...с таким толкованием, бесконечно расширяющим круг заранее не обещанного укрывательства, вряд ли можно согласиться. В результате подобной классификации почти половина преступлений против правосудия без достаточных оснований отнесена к специальным видам заранее не обещанного укрывательства. Законодатель, объединяя все эти преступления в главу «Преступления против правосудия», исходил из общности объекта, коим являются интересы правосудия, а не из того, что заведомо ложный донос, заведомо ложное показание и др. являются специальными видами укрывательства»³⁶¹.

Соглашаясь с тем, что составы этих преступлений нельзя отождествлять с укрывательством и такого рода интеллектуальные деяния необходимо квалифицировать по статьям об этих преступлениях, тем не менее выступим в защиту допустимости совершения укрывательства интеллектуальными действиями.

Как отмечает Л.В. Лобанова, не являются идентичными вопросы: может ли укрывательство выражаться в действиях интеллектуального характера и как следует квалифицировать лжесвидетельство, ложный донос, направленные на сокрытие преступника, – как заведомо ложное показание (ложный донос) или как укрывательство преступления либо даже по совокупности? Ответ на первый вопрос зависит не только от того, устанавливает ли законодатель способ действия преступника при укрывательстве, но и от того, все ли возможные способы должны рассматриваться как общественно опасные. Укрывательство может выразиться в оказании преступнику интеллектуальной помощи в сокрытии от правосудия. Многие из подобных действий могут создать реальные трудности в изобличении преступника, в реализации уголовной ответственности и применении справедливого наказания, поэтому должны быть сочтены общественно опасными. Соответственно в подобных ситуациях должна применяться статья уголовного закона об укрывательстве³⁶².

³⁶⁰ Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 89.

³⁶¹ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 39.

³⁶² Лобанова Л.В. Преступления против правосудия : проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности : дис. ... доктора юрид. наук : 12.00.08. Казань, 2000. С. 139.

Несомненно, надо дать отрицательный ответ на вопрос М.Х. Хабибуллина о том, можно ли рассматривать как укрывательство одно лишь предложение лицу, совершившему преступление, скрыться с места происшествия? Здесь действительно никаких физических действий, направленных на укрывательство преступника, не совершается³⁶³. Однако из этого и нельзя делать категоричный вывод о невозможности совершения иных интеллектуальных действий по укрывательству преступления, которые не охватывались бы составами других преступлений против правосудия. Только как укрывательство должны квалифицироваться случаи предоставления ложных сведений во время опросов и проведения оперативно-розыскных мероприятий, чтобы дать возможность преступнику скрыться, предупреждения преступника о предстоящем его задержании, дачи советов преступнику о том, где и как «безопаснее» укрыться, укрыть орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, сообщения преступнику, как ведется розыск, изготовлен ли фоторобот, похож ли он на оригинал, где он размещен, какие обнаружены следы преступления и т.д.

Присоединимся к мнению Р.М. Кашапова о том, что интеллектуальное содействие преступнику не менее опасно, чем физические действия по сокрытию преступления. Он предлагает в определении укрывательства отразить, что к нему относятся «дача советов, указаний, предоставление информации лицу, совершившему преступление по сокрытию совершенного преступления или самооговор, с целью скрыть лицо, совершившее преступление». В таком определении предусмотрено как физическое, так и интеллектуальное укрывательство³⁶⁴. В данной работе определение укрывательства подразумевает интеллектуальные способы его совершения путем указания на иные действия, направленные на сокрытие преступления.

В.Г. Смирнов, не признавая практической целесообразности разделения укрывательства на физическое и интеллектуальное, в то же время утверждал, что в первом случае укрыватель содействует преступнику путем оказания ему непосредственных услуг, в другом – делает то же, но путем непосредственного противодействия работе органов суда и следствия³⁶⁵. Фактически здесь также признается равная общественная опасность этих видов действия.

Итак, следует положительно ответить на вопрос о возможности интеллектуального укрывательства преступлений, отложив пока рассмотре-

³⁶³ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и доношительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 43.

³⁶⁴ Кашапов Р.М. Уголовно-правовые средства, обеспечивающие раскрытие и расследование преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Хабаровск, 2000. С. 140–141.

³⁶⁵ Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. С. 209.

ние проблем квалификации. Не имеет принципиального значения наименование этого деяния. Встречается суждение, что используемая терминология устарела и в настоящее время интеллектуальное укрывательство правильнее называть информационным, так как оно заключается в передаче информации разными способами (устно, письменно, путем условных сигналов, жестов, мимики), чтобы таким поведением помочь преступнику избежать задержания, привлечения к ответственности и осуждения³⁶⁶.

Общий вывод таков: укрывательство является преступлением, совершаемым действием, независимо от его конкретного проявления – в виде физических актов или интеллектуальной (информационной) помощи преступнику в уклонении от уголовного преследования. Исчерпывающий перечень способов укрывательства в законе дать невозможно в силу их многообразия, поэтому его целесообразно оставить открытым, чтобы суд в конкретной ситуации мог, исходя из обстоятельств дела, устанавливать наличие или отсутствие его признаков. В принципе возможны ситуации перерастания интеллектуального укрывательства в физическое или их одновременное присутствие в деянии одного лица, поэтому данная классификация для квалификации в целом безразлична и не нуждается в законодательном закреплении.

С точки зрения предмета, в соответствии с законодательством, укрывательство может выразиться в укрытии преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления, предметов, добытых преступным путем. Поскольку эти варианты поведения укрывателя прямо указаны в законе, нельзя разделить суждения некоторых авторов о выделении лишь двух видов укрывательства – преступника и преступления³⁶⁷. Способы укрывательства могут быть самыми разнообразными.

Деятельность, направленная на сокрытие преступника, может предполагать следующие варианты содействия:

- предоставление преступнику убежища;
- видоизменение внешнего облика преступника, затрудняющее распознавание (например, наложение грима или использование иных средств маскировки, перемена одежды, удаление усов, бороды либо волос на голове, предоставление парика и т.п.);
- снабжение преступника подложными (фиктивными) документами;
- предоставление укрываемому лицу транспортных средств, в том числе с целью облегчения побега от погони;
- иное активное содействие преступнику.

³⁶⁶ Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005. С. 206.

³⁶⁷ Раал Э. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тарту, 1956. С. 14.

Следовательно, под указанные действия подойдут любые способы содействия, в силу которых, пусть даже на непродолжительный промежуток времени (скажем, на период обыска), лицо было укрыто от органов предварительного следствия, дознания, прокуратуры и суда³⁶⁸.

Укрывательство орудий и средств совершения преступления состоит в их сокрытии, уничтожении, изменении внешнего вида и подобных действиях. Если укрыватель прячет у себя такие орудия преступления, хранение которых само по себе образует состав самостоятельного преступления, действия виновного необходимо квалифицировать по совокупности.

Под сокрытием следов преступления понимаются самые разнообразные действия по уничтожению, повреждению, изменению, сокрытию материальных предметов, могущих служить доказательствами совершенного преступления или изобличающих лицо, виновное в его совершении. Сокрытие следов преступления, как указывает П.К. Евдокимов, может иметь место (думается, это относимо и к укрывательству орудий, средств совершения преступления, предметов, добытых преступным путем):

1) когда преступнику не грозит непосредственная опасность разоблачения, именно для того, чтобы такая опасность не возникла или чтобы отдалить ее появление;

2) когда имеется непосредственная опасность разоблачения преступника, для того чтобы эта опасность миновала или в меньшей мере грозила преступнику. Способы сокрытия следов преступления могут быть весьма разнообразны: прятание трупа, замывание крови, изготовление фиктивного документа в оправдание недостачи товарно-материальных ценностей, образованной в результате хищения, и т.д.³⁶⁹

Укрывательство предметов, добытых преступным путем, предполагает их сокрытие, хранение, переделку, способствование перевозке денег и других ценностей, изменение внешнего вида вещей и их уничтожение. При этом исследователи отмечают, что уничтожение предметов, добытых преступным путем, в практике встречается крайне редко. Гораздо чаще имеет место сокрытие, которое предполагает хранение либо перенос в иное место и переделку предметов, добытых преступным путем, например, ценных вещей, промышленных товаров и прочие³⁷⁰. Это объяснимо: преступник совершил свое деяние именно для завладения определенным предметом, а значит, он не заинтересован в его утрате.

³⁶⁸ Семькина О.И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ставрополь, 2003 С. 76; Гелашвили В. Ответственность за заранее не обещанное укрывательство // Советская юстиция. 1978. № 15. С. 18.

³⁶⁹ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 159.

³⁷⁰ Гелашвили В. Ответственность за заранее не обещанное укрывательство // Советская юстиция. 1978. № 15. С. 18.

Отдельного изучения требует вопрос об отнесении к укрывательству пользования предметами, добытыми преступным путем. Такой вопрос возникает потому, что пользование внешне сходно с хранением, утаиванием этого имущества, а в случаях, когда оно потребляется, – с его уничтожением.

Часть исследователей заявляют об отсутствии здесь признаков укрывательства (например, Г. Баймурзин, Н.Г. Радунцева, Ш.С. Рашковская, М.Х. Хабибуллин). Сознательное пользование плодами преступления не может рассматриваться как укрывательство, само по себе оно не является уголовно наказуемым деянием. Пользование плодами преступления – это прежде всего удовлетворение субъектом личных потребностей. Умысел лица, использующего плоды преступления, не направлен на укрывательство, хотя лицо может иногда и сознавать, что его действия в какой-то мере могут затруднить раскрытие преступления и разоблачение виновного. Лишь в отдельных случаях, когда такое пользование составляет самостоятельное преступление (например, приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, незаконное ношение или хранение оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, незаконное приобретение или хранение наркотических средств), содеянное может быть квалифицировано по соответствующим статьям уголовного закона. В некоторых случаях при осведомленности лица, пользующегося плодами преступления, о характере совершенного деяния может возникнуть вопрос об ответственности за недонесение³⁷¹.

Присоединимся к мнению, в соответствии с которым в целом пользование преступно добытым укрывательством не считается, но при определенных признаках может таковым признаваться. М.И. Ковалев, ссылаясь на судебную практику, под пользованием предметами и вещами, приобретенными в результате преступления, как видом укрывательства, понимает принятие в дар, покупку и иные виды приобретения добытого в результате преступления имущества, когда³⁷²:

- а) приобретение имущества, добытого в результате преступления, объективно способствует сокрытию преступления;
- б) приобретающий имущество сознает, что оно добыто в результате конкретного преступления;
- в) приобретающий вместе с тем сознает, что приобретением этого имущества укрывается конкретное преступление.

³⁷¹ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 107–108; Радунцева Н.Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 15; Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 91–92; Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 48–49.

³⁷² Ковалев М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд юрид. наук. М., 1952. С. 164.

Те же признаки пользования имуществом, добытым преступным путем, как укрывательства преступлений называют и другие авторы (П.К. Евдокимов, М.А. Шнейдер, А.С. Омаров). Являясь обязательными для укрывательства, данные признаки вполне могут быть положены в основу отнесения того или иного деяния к нему. Этого нельзя сказать о формальном признаке, предлагаемом П.И. Гришаевым и Г.А. Кригером. По их мнению, заранее не обещанное укрывательство может принять форму пользования плодами совершенного преступления, только когда оно носит значительные размеры (виновный должен воспользоваться плодами преступления в таких размерах, которые смогли бы затруднить раскрытие следов преступления)³⁷³. Расследование каждого преступления весьма специфично, индивидуально, поэтому по конкретному уголовному делу важным вещественным доказательством может стать предмет, характеризующийся и очень незначительным, мелким размером и стоимостью. Поэтому здесь уместнее говорить не о размере как таковом, а о значимости, важности предмета для целей уголовного преследования, создании существенных затруднений в расследовании.

Таким образом, использование предметов и вещей, заведомо добытых преступным путем, само по себе при отсутствии данных о содействии сокрытию преступления, не является укрывательством преступления, ибо не представляет собой активной формы способствования преступной деятельности и не может существенным образом влиять на раскрытие преступления. В этом случае может стоять лишь вопрос об ответственности за недоносительство о преступлении, которым добыты эти предметы и вещи. Если же пользователь имущества, приобретенного преступным путем, своими действиями скрывает соответствующее преступление и осознает данное обстоятельство, то вполне обоснованно говорить о наличии в его деянии состава укрывательства преступлений.

Важнейшим обязательным признаком объективной стороны укрывательства, на который указывают в той или иной мере все исследователи, является то, что укрывательство преступлений имеется только тогда, когда действия лица могли в действительности способствовать сокрытию преступления. Следовательно, действия укрывателя, в чем бы они ни выразились, должны существенно угрожать нормальной деятельности органов правосудия. Укрывательством не может быть признана любая, даже незначительная помощь преступнику. Совершение прикосновенным к преступлению лицом действий, формально сходных с укрывательством, но по обстоятельствам дела не способных затруднить сбор вещественных доказательств и поимку преступника, не является общественно опасным деянием.

³⁷³ Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959. С. 217.

В подобных случаях при определенных условиях может идти речь о наличии признаков состава недонесения.

Причем здесь недопустимы такие формулировки, как действия, «затрудняющие расследование и раскрытие преступлений»³⁷⁴, «позволяющие основному преступнику избежать уголовной ответственности или наказания в данное время»³⁷⁵ и т.п. Укрывательство – преступление с формальным составом, для признания его окончанным безразлично, было ли фактически сокрыто преступление, созданы препятствия в расследовании. Поэтому о существенности действий укрывателя можно вести речь лишь с позиций их реальной способности причинить вред интересам правосудия. А.В. Лохвицкий писал: «Для бытия укрывательства, как юридического понятия, вовсе не требуется полного осуществления того житейского понятия, которое выражает это слово: так, укрывателем будет тот, кто заведомо принял к себе одну из тысячи добытых преступлением вещей, – хотя бы преступление раскрылось по другим данным, по массе других вещей, и присутствие или отсутствие одной из них на деле ничего не значило»³⁷⁶.

При установлении несущественности действий лица деяние не должно влечь ответственность в силу малозначительности. Так, на основании ч. 4 ст. 11 УК преступлением не было признано деяние гр-ки Р., которая, достоверно зная о том, что ее знакомый гр-н А. в группе с другими лицами совершил разбойное нападение, т.е. особо тяжкое преступление, не сообщила об этом в правоохранительные органы. Впоследствии гр-н А. в результате розыскных мероприятий был задержан по ее месту жительства. Следователь отказал в возбуждении уголовного дела в отношении гр-ки Р. в связи с тем, что ее действия, хотя формально и содержали признаки преступлений, предусмотренных стст. 405 и 406 УК, но в силу малозначительности не обладали общественной опасностью, так как лица, совершившие преступление, в том числе и А., были установлены в ходе первоначальных следственных действий, а местонахождение последнего до задержания ей известно не было³⁷⁷.

Имея формальный состав, укрывательство является окончанным с момента совершения любых действий по сокрытию преступника, орудий или средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем. Не имеет значения, была ли фактически достигнута цель укрывательства, удалось ли виновному скрыться от органов уголовного преследования. Более того, укрывательство является всегда

³⁷⁴ Семейкина О.И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ставрополь, 2003. С. 85.

³⁷⁵ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 63.

³⁷⁶ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 166.

³⁷⁷ Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2003 г. Дело № 1/681.

«неудавшимся», не приводит к той цели, которую преследовали преступник и помогающий ему укрыватель³⁷⁸. Если бы действия укрывателя оказались успешными, основное преступление осталось бы нераскрытым, а следовательно, и о деянии укрывателя не было бы известно, не стоял бы вопрос о его ответственности. Укрывательство преступления во всех случаях – это такое деяние, которое является окончанным независимо от действительного причинения объекту вреда при одном лишь только поставлении в опасность этого объекта. Однако последствия, наряду с другими обстоятельствами, должны устанавливаться и учитываться при индивидуализации ответственности и назначении виновному наказания.

Остается непонятным, почему отдельные авторы считают укрывательство всегда преступлением длящимся³⁷⁹. Возможно, растянутое во времени, достаточно продолжительное совершение одного действия по сокрытию преступления и типично для укрывательства (например, лицо скрывает в своем доме преступника или похищенное имущество), но вероятны случаи совершения укрывательства и единичным конкретным действием (например, виновный перевозит преступника в другое место, снабжает его документами или уничтожает следы преступления). Можно представить себе и ситуацию продолжаемого укрывательства, состоящего из нескольких тождественных действий по сокрытию преступления при наличии единого умысла (например, добытое преступлением имущество вывозится по частям). Поэтому правильнее говорить о том, что в зависимости от способа совершения и продолжительности исполнения преступления (т.е. особенностей объективной стороны состава преступления) заранее не обещанное укрывательство может быть простым и сложным (длящимся и продолжаемым)³⁸⁰.

Во всех случаях начальным моментом заранее не обещанного укрывательства следует считать совершение активных действий, направленных на сокрытие преступника, орудий и средств, следов преступления или предметов, добытых преступным путем. Конечный же момент будет отличаться. Если укрывательство выражается в совершении единичного акта преступного действия, оно будет окончанным с момента выполнения этого действия. Когда укрывательство является деянием продолжаемым, его окончанием считается по общему правилу завершение последнего из тождественных действий, входящих в объективную сторону и охватывающихся единым умыслом укрывателя.

³⁷⁸ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 124.

³⁷⁹ Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия М., 1978. С. 90; Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005. С. 208.

³⁸⁰ Зарубин А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Тюмень, 2004. С. 125.

Конечный момент укрывательства как преступления длящегося зависит от ряда обстоятельств:

1) прекращение укрывателем действий по своей собственной воле (например, отказ лицу, совершившему преступление, в дальнейшем предоставлении убежища);

2) наступление события реальной действительности, объективно препятствующего продолжению заранее не обещанного укрывательства преступления, которые не связаны с действиями и волей самого укрывателя (например, задержание его правоохранительными органами и последующее привлечение к уголовной ответственности; похититель забирает хранившиеся у укрывателя вещи, приобретенные преступным путем);

3) появление обстоятельств, устраняющих преступность какого-либо деяния, а именно принятие нового закона, внесение изменений и дополнений в действующие нормативные акты или истечение сроков давности привлечения к ответственности за укрываемое преступление.

В любом из этих случаев укрывательство юридически окончено и влечет ответственность с момента совершения начальных действий, независимо от его общей продолжительности. Продолжительность укрывательства может быть учтена судом при выборе меры наказания виновному.

Таким образом, для объективной стороны заранее не обещанного укрывательства преступлений характерно следующее:

1) укрывательство всегда совершается лишь активными действиями;

2) действия укрывателя могут по содержанию носить физический или интеллектуальный (информационный) характер;

3) по предмету укрывательство делится на укрывательство лица, совершившего преступление, орудий и средств его совершения, следов преступления и предметов, добытых преступным путем;

4) исчерпывающий перечень способов укрывательства составить невозможно, в норме уголовного закона он должен быть оставлен открытым;

5) состав укрывательства – формальный, на признание преступления окончанным не влияет факт реального сокрытия преступления, затруднения деятельности органов уголовного преследования;

6) укрывательство в зависимости от конкретного способа совершения может заключаться в выполнении единичного акта либо быть сложным преступлением – длящимся или продолжаемым;

7) за незначительную помощь лицу, совершившему преступление, не способную причинить существенный вред интересам правосудия, как деяние малозначительное, нельзя привлечь к ответственности за укрывательство.

3.3. Субъективные признаки заранее не обещанного укрывательства преступлений

С субъективной стороны укрывательство, как и другие формы прикосновенности к преступлению, совершается только с прямым умыслом. Причем умысел возникает уже после совершения укрываемого преступления, в противном случае при данном заранее обещании совершить указанные действия они образуют соучастие в преступлении и квалифицируются как пособничество.

Как отмечает П.К. Евдокимов, само по себе сокрытие преступника или следов преступления может быть совершено и по неосторожности, но в таком случае оно может образовать самостоятельное преступление, если совершение указанных неосторожных действий, объективно способствуя сокрытию преступления, в силу закона образует какое-либо неосторожное преступление (например, служебную халатность). Сокрытие является неотъемлемой частью любого преступления. Преступник стремится скрыть преступление, совершенное не только умышленно, но и по неосторожности. В этом ему оказывает помощь другое лицо, действуя при этом умышленно. Следовательно, укрывательство преступника или следов преступления возможно и при неосторожном преступлении, но только как умышленное укрывательство³⁸¹. Действительно, на практике вполне вероятны случаи сокрытия неосторожного преступления (к примеру, причинения смерти по неосторожности). Верно и то, что в таких случаях укрыватель должен всегда действовать умышленно. Однако поскольку на основании ст. 405 УК укрывательство наказуемо лишь тогда, когда совершается в отношении тяжких и особо тяжких преступлений, а по ст. 12 УК к этим категориям причислены только умышленные деяния, то укрывательство неосторожных преступлений уголовно-правового значения не имеет.

В интеллектуальный момент умысла укрывателя входят:

- а) сознание характера укрываемого преступления (того, что укрываемое преступление является тяжким или особо тяжким);
- б) сознание общественной опасности собственного деяния, т.е. факта способствования своими действиями сокрытию преступника, орудий или средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем.

Обе эти составляющие умысла укрывателя являются обязательными для установления его виновности и привлечения к ответственности.

В характеристике этого момента умысла укрывателя наиболее сложным и спорным, как видно из анализа литературных источников, является

³⁸¹ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 134–136.

определение объема, глубины, полноты осведомленности лица о признаках укрываемого преступления. Несомненно, сознание виновным сущности совершенного преступления при укрывательстве необходимо всегда точно установить, потому что уголовная ответственность за это деяние возможна при сокрытии не любых преступлений, а лишь прямо указанных в законе. Но в чем конкретно должно заключаться такое осознание? Некоторые ограничиваются общим утверждением о том, что укрыватель должен сознавать «характер» укрываемого преступления, не уточняя, что под этим подразумевается³⁸². Против этого не поспоришь, однако ясности в рассматриваемом вопросе не прибавляется.

Многие исследователи предлагают разные по содержанию списки конкретных признаков совершенного преступления, знание которых требуется от укрывателя как условие наступления его ответственности. П.К. Евдокимов в их число включал «все признаки, относящиеся как к основным, так и к квалифицирующим обстоятельствам этого преступления», т.е. «уголовная ответственность укрывателя может наступить только тогда, когда укрыватель»:

- 1) признавал общественно опасный характер укрываемого деяния;
- 2) признавал целый ряд фактических, разумеется, существенных, влияющих на квалификацию, обстоятельств совершенного исполнителем преступного деяния. К таким существенным обстоятельствам следует отнести те основные признаки, отсутствие хотя бы одного из которых означает вместе с тем отсутствие в действиях исполнителя состава данного преступления. Отсюда вытекает, что укрыватель действует умышленно тогда, когда он сознает объект укрываемого преступления и, хотя бы в общих чертах, сознает существенные признаки, относящиеся к объективной стороне укрываемого преступления³⁸³. Знание личности исполнителя основного преступления признавалось им обязательным лишь в случаях укрывательства преступника или когда само по себе укрываемое деяние (например, воинское преступление) становится преступным при наличии у субъекта определенных специальных свойств, а также когда без этого знания укрыватель не может осознавать фактические обстоятельства укрываемого деяния. В случаях же сокрытия следов преступления или добытого преступ-

³⁸² Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 68; Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 18; Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 90; Советское уголовное право: Часть Общая / Б.В. Здравомыслов [и др.]. М., 1982. С. 243.

³⁸³ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 138–139.

ным путем знание укрывателем исполнителя преступления не может иметь существенного значения³⁸⁴.

Б.Т. Разгильдиев ставил уголовную ответственность укрывателя в зависимости от осознания им «фактических признаков укрываемого преступления», она может наступать, только если виновный сознает «конкретные признаки преступления» и «воспринимает сознательно совершившего это преступление субъекта»³⁸⁵.

Еще более детального знания обстоятельств совершенного преступления требовал от укрывателя И.Я. Фойницкий, который считал, что «преступление» должно пониматься в смысле «конкретного явления, подлежащего судебному разбирательству, а не в смысле общего, родового или видового понятия». Отсюда заведомость прикосновенного есть знание о преступлении как единичном факте, стоящем в зависимости от условий места и времени; преступная воля его есть намерение скрыть от государственного преследования определенных условиями места и времени актов преступной деятельности. Нет этих признаков – и понятие прикосновенности не имеет места. Только при утвердительном разрешении всех существенных элементов, входящих в него, возможно признание укрывательства в законном смысле. Элементы же, существенно входящие в конкретный факт преступления, суть: место, время и обстоятельства, определяющие юридический состав совершенного преступления. Знание этих элементов, безусловно, необходимо для признания укрывательства³⁸⁶.

А. Эстрин писал: «Укрыватель, сознающий, что он укрывает преступника или даже тяжкого преступника, но не имеющий вовсе представления о конкретных формах его преступности и об объекте преступления и не ориентирующий (хотя бы приблизительно) факта преступления во времени и пространстве, не может быть вовсе наказан»³⁸⁷. В то же время он допускал «пусть неточное или даже искаженное представление об основных элементах конкретного состава» в сознании виновного.

Такая оговорка несколько сближает позицию автора с третьей группой ученых, отрицающих необходимость точного знания укрывателем обстоятельств совершения основного преступления. В их интерпретации в сознании субъекта укрывательства достаточно наличия общего представления об укрываемом преступлении. Так, А.Н. Трайнин считает обязательным знание того, что укрывается преступник, следы и орудия преступле-

³⁸⁴ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 140–141.

³⁸⁵ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 42.

³⁸⁶ Фойницкий И.Я. На досуге. Сборник юридических статей и исследований с 1870 года. СПб., 1898. Том 1. С. 465–467.

³⁸⁷ Эстрин А. О соучастии по уголовному кодексу РСФСР // Советское право. 1922. № 3. С. 79.

ния, имущество, добытое преступлением; но возможным отсутствие осознания конкретных обстоятельств или отдельных элементов состава совершенного преступления³⁸⁸. Этой же точки зрения придерживаются М.И. Ковалев, Н.А. Носкова, А.П. Козлов и другие³⁸⁹. Последний наиболее четко аргументировал ее. Требование знания субъектом укрывательства признаков, которые указывали бы на конкретный вид совершенного преступного посягательства, означает знание того, какое преступление совершено – разбой или вымогательство, кража или грабеж. Однако нередко определить это могут лишь опытные специалисты, хорошо знающие закон и судебную практику. Требование знания виновным того, что он укрывает именно особо тяжкое преступление, является требованием знания самого закона и умения дать юридическую оценку исходному преступлению, т.е. квалифицировать его. Эти требования необоснованны: во-первых, незнание закона в большинстве случаев не освобождает от уголовной ответственности (здесь именно такой случай); во-вторых, нельзя потребовать от населения умения давать юридическую оценку совершенному общественно опасному деянию (исходному). Необходимый для привлечения к уголовной ответственности минимум осведомленности укрывателя должен заключаться в знании им, какого рода совершено преступление. Такой подход означает, что от укрывателя не требуется умение квалифицировать исходное преступление и отличать, например, тяжкое преступление от особо тяжкого. Здесь, видимо, достаточно осознания виновным общественной опасности своего поведения, понимания того, что он создает благоприятные условия для осуществления преступной деятельности³⁹⁰. Такое решение представляется абсолютно верным. Иначе, к примеру, нельзя было бы привлечь к ответственности за укрывательство убийства лицо, которое видело труп со следами насильственной смерти и помогло скрыть его, не зная конкретно о месте, времени, способе и других обстоятельствах лишения жизни человека.

В то же время не согласимся с утверждением А.П. Козлова о том, что не требуется знания укрывателем квалифицирующих признаков совершенного преступления. Правильнее общепризнанное положение, согласно которому для привлечения к ответственности за укрывательство преступления, совершенного при отягчающих обстоятельствах, сознанием виновного должны охватываться эти обстоятельства. Последнее больше соответствует норме законодательства. Осознание укрывателем квалифицирующих при-

³⁸⁸ Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 340.

³⁸⁹ Носкова Н.А. Ответственность граждан за преступления против правосудия. М., 1975. С. 23; Ковалев М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд юрид. наук. М., 1952. С. 130.

³⁹⁰ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 104–105.

знаков основного преступления может быть безразлично для оценки его собственного деяния лишь в тех случаях, когда наличие в совершенном преступлении одного или нескольких квалифицирующих признаков не влияет на определение категории этого преступления (например, к особо тяжким преступлениям относятся как простое убийство, так и квалифицированные виды убийства). Если же тяжким или особо тяжким признается только квалифицированный состав преступления, то осознание соответствующего признака укрывателем становится обязательным (например, укрывательство кражи может быть наказуемо только в случаях похищения имущества в крупном или особо крупном размере либо организованной группой – чч. 3 и 4 ст. 205 УК).

Кроме обстоятельств, относящихся к укрываемому преступлению, укрыватель должен сознавать и то, что его действия способствуют сокрытию определенного конкретного преступления. Укрыватель, не сознающий, что его действия носят характер сокрытия преступления от органов правосудия, не может нести уголовной ответственности за укрывательство преступления.

Из сказанного вытекают правила квалификации укрывательства при наличии ошибки лица:

1. Если лицо ошибочно полагает, что скрывает менее тяжкое, а фактически содействует сокрытию более тяжкого преступления (например, прячет имущество, полагая, что виновный завладел им путем кражи, а на самом деле оно добыто в результате разбойного нападения), ответственность наступает за сокрытие того менее опасного преступления, которое охватывалось его сознанием, либо не наступает вовсе, если это преступление не относится к категории тяжкого или особо тяжкого. В обратной ситуации лицо привлекается к ответственности за фактически совершенное при условии, что такое укрывательство уголовно наказуемо.

2. Для наличия умысла не обязательно осознание виновным противоправности своего деяния. Ошибочное представление укрывателя о том, что совершаемое им общественно опасное деяние не карается уголовным законом, не исключает его ответственности. В этом случае наличие юридической ошибки, которая не влияет на решение вопроса об ответственности, наступающей на общих основаниях.

3. Если же лицо не сознает, что своими действиями оказывает помощь в сокрытии преступления или преступника, и по обстоятельствам дела не могло или не должно было это сознавать, оно невиновно в укрывательстве (имеет место случай).

Волевой момент умысла укрывателя заключается в желании совершить действия по сокрытию преступления. Такое понимание в полной мере соответствует законодательному закреплению содержания умышленной

формы вины в преступлениях с формальным составом. Поэтому неправильно высказывания о том, что при укрывательстве виновный желает или сознательно допускает сокрытие преступления³⁹¹ либо лицо, желая совершения этих действий, не может не желать наступления последствий³⁹². Последствия лежат за рамками состава укрывательства, соответственно не имеет принципиального значения отношение к ним виновного лица, это не входит в субъективную сторону укрывательства.

В литературе распространенным является признание обязательным признаком субъективной стороны укрывательства цели – скрыть преступление³⁹³, стремление воспрепятствовать деятельности органов правосудия по изобличению преступника и раскрытию преступления³⁹⁴. Указывается, что при отсутствии такой цели нет укрывательства. Наличие ее должно быть признано обязательным условием при решении вопроса об ответственности за укрывательство. Думается, что здесь происходит необоснованное смешение волевого момента умысла и предполагаемой цели укрывательства. Из того, что лицо желает совершать противоправные действия по укрывательству преступления, делается вывод о том, что оно стремится к достижению цели скрыть преступление, противодействовать органам уголовного преследования. Если следовать такой логике, то любое преступление, совершаемое с прямым умыслом, должно иметь цель как обязательный признак субъективной стороны. Это неверно с позиций учения о составе преступления.

Кроме того, авторы, выделяющие цель в качестве конститутивного признака укрывательства, упорно говорят об общественно опасном результате (неизобличение преступления), к которому якобы должен «субъективно стремиться» укрыватель³⁹⁵ и достижение которого является целью преступления³⁹⁶, игнорируя при этом конструкцию объективной стороны укрывательства, имеющего формальный состав.

³⁹¹ Алексеев Б. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Советская юстиция. 1962. № 20. С. 23.

³⁹² Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 65.

³⁹³ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 145; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 65; Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 91; Трифионов В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : – автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08. СПб., 2000. С. 19; Гелашвили В.С. Заранее не обещанное укрывательство – преступление против правосудия // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1978. № 3. С. 77.

³⁹⁴ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 18–19.

³⁹⁵ Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 105.

³⁹⁶ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 18.

К сожалению, такую же ошибочную трактовку субъективной стороны укрывательства наблюдаем и на практике. К примеру, суд не согласился с квалификацией органом предварительного расследования действий А. и К. как укрывательства по ч. 2 ст. 405 УК и привлек их к ответственности по ч. 1 ст. 406 УК за недонесение о совершенном особо тяжком преступлении по следующим основаниям. В судебном заседании было установлено, что обвиняемыми замывалась кровь в комнате, где было совершено убийство, не с целью скрыть следы преступления, а с целью навести порядок, отмыть испачканный линолеум. О том, что они не имели прямого умысла на сокрытие следов преступления, свидетельствует то, что в квартире оставался труп потерпевшего С., не убирались следы крови со стен, дверей и других предметов на кухне и в коридоре, туалета, ванной комнаты³⁹⁷. С такой квалификацией можно согласиться, только если опираться на последнюю часть мотивировки судом своего решения. С учетом сохранения большого количества следов преступления, включая труп потерпевшего, речь может вестись о малозначительности их деяния, оказании несущественной помощи в сокрытии преступления, но никак не об отсутствии цели преступления. Как видно из показаний, данных обвиняемыми, они сознавали характер своих действий и в целом вину не отрицали.

Присоединимся к той группе авторов, которые признают цель факультативным признаком состава укрывательства³⁹⁸. По словам О.И. Семькиной, если лицо оказывает преступнику активное содействие в сокрытии преступления, оно непосредственно желает совершить соответствующие действия, чем исчерпывается содержание умысла укрывателя. Противоположное решение вопроса привело бы к распространению психического отношения лица не только на само деяние, но и на тот результат, который может наступить. Если же рассматривать цель как представление о желаемом результате, к достижению которого стремится лицо, как созданную в сознании преступника модель той ценности, которую он хочет получить посредством совершения деяния, то она является необходимым элементом любого преступления, отличие состоит лишь в ее уголовно-правовом значении для каждого конкретного состава³⁹⁹. Из содержания и смысла уголовного закона не вытекает рассмотрение цели как необходимого признака укрывательства. Если бы было иначе, законодатель прямо указал бы в тексте ст. 405 УК на цель совершения преступления, как это

³⁹⁷ Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2003 г. Дело № 1/310.

³⁹⁸ Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении. М., 1962. С. 62; Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 71; Пономаренко Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08. Саратов, 2007. С. 21.

³⁹⁹ Семькина О.И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ставрополь, 2003. С. 93, 99.

сделано для других умышленных преступлений с формальным составом (терроризм, диверсия, разбой и т.д.). Итак, желание совершить действия по сокрытию преступления не обязательно должно преследовать цель воспрепятствовать органам правосудия в их деятельности. Например, действуя из страха, виновный укрывает преступника, но при этом преследует цель не столько непривлечения последнего к ответственности, сколько самозащиты, охраны своего здоровья, имущества и т.п. от посягательств со стороны укрываемого.

По поводу значения мотивов укрывательства существует единое мнение: они для наличия состава преступления значения не имеют, могут учитываться судом при назначении наказания. Мотивы бывают разными. Например, В.С. Гелашвили по изученным 50 уголовным делам установил следующие мотивы совершения рассматриваемого преступления: боязнь ответственности за факт присутствия на месте преступления, хотя участия в этом преступлении это лицо и не принимало, – 19; желание получить материальную выгоду в результате совершенного преступления – 13; желание помочь приятелю (обычно собутыльнику), совершившему преступление, – 11, желание помочь родственнику, совершившему преступление, – 6; боязнь мести со стороны лица, совершившего преступление, – 1⁴⁰⁰. Приблизительно такие же группы мотивов называет и А.С. Омаров, обращая внимание на то, что большое разнообразие мотивов укрывательства исключает возможность классификации их, однако рассмотрение часто встречающихся мотивов укрывательства способствует правильному пониманию содержания умысла укрывателя. Наибольшей общественной опасностью характеризуются, на его взгляд, те укрыватели, антиморальные, общественно опасные мотивы которых совпадают с такими же мотивами укрываемого лица. Так, лицо может укрыть преступника или следы преступления из корыстных соображений (например, сокрытие похищенного с целью получения его части и т.д.). Однако мотивы укрывательства могут и не совпадать с мотивами совершения преступления. Например, лицо может укрыть преступника из родственных чувств, дружбы, жалости, боязни угроз со стороны исполнителя и т.д. Сокрытие преступника по мотивам дружбы, родственных отношений и т.п. представляет меньшую общественную опасность в сравнении с укрывательством корыстным или укрывательством по тем же мотивам, которые побудили определенное лицо на совершение преступления⁴⁰¹. Все это должно приниматься во внимание судом при индивидуализации ответственности укрывателя.

⁴⁰⁰ Гелашвили В.С. Заранее не обещанное укрывательство – преступление против правосудия // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1978. № 3. С. 77.

⁴⁰¹ Омаров А.С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. С. 139–141.

Таким образом, субъективная сторона укрывательства выражена умышленной формой вины, особенностью которой является то, что виновный должен осознавать общественно опасный характер не только своего действия, но и совершенного другим лицом тяжкого или особо тяжкого преступления. Волевой момент вины состоит в желании совершить действия по укрывательству лица, совершившего преступление, орудий и средств преступления, его следов, предметов, добытых преступным путем. Цели и мотивы лежат за пределами состава укрывательства, влияют только на меру наказания, назначаемую судом укрывателю.

В соответствии со ст. 405 УК уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство подлежит любое вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16 лет, т.е. субъект этого преступления общий. Вместе с тем интересы семьи как объединения лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления (удочерения) (ст. 59 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье), требуют изменения подхода к установлению наказуемости рассматриваемого деяния. Брак, семья находятся под защитой государства (ст. 32 Конституции Республики Беларусь). Поэтому к лицам, являющимся членами одной семьи или имеющим родственные связи с преступником, которые в силу этого оказывают ему помощь после совершения преступления, помогают избежать ответственности, должно быть более гуманное отношение.

В литературе часто цитируется высказывание по этому поводу М.И. Ковалева: «За укрывательством и недоносительством, которые совершают близкие родственники, часто скрывается такая внутренняя душевная борьба и такие страдания, что любое наказание может показаться ничтожным по сравнению с боязнью за судьбу родственника, совершившего преступление. Мотивами таких действий является не корысть или иные низменные побуждения, а страх за будущее близкого человека, который подчас подавляет в человеке иные чувства»⁴⁰². В этом случае уголовное наказание не достигает целей ни специального, ни общего предупреждения, которые были бы желательны для законодателя⁴⁰³.

Уголовные законы многих государств предусматривают возможность освобождения от уголовной ответственности родственников укрываемого преступника. В соответствии с примечаниями к ст. 316 УК Российской Федерации, ст. 363 УК Республики Казахстан, ст. 347 УК Республики Та-

⁴⁰² Ковалев М.И. Об ответственности за укрывательство и недоносительство // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 106.

⁴⁰³ Радунцева Н.Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 7; Исаев М. О наказуемости родственного укрывательства и недоносительстве // Советское право. 1924. № 1(7). С. 62.

джикистан не подлежат ответственности за укрывательство супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление. Аналогичная рекомендация дана странам – участницам СНГ в примечании к ст. 326 Модельного УК. Согласно § 2 ст. 239 УК Республики Польша не подлежит наказанию виновный, который укрывает самое близкое ему лицо – супруга, родственников по восходящей и нисходящей линии, братьев и сестер, свойственников по той же самой линии или степени, лиц усыновленных и их супругов, а также совместно проживающих лиц. В соответствии со ст. 454 УК Испании укрыватель освобождается от наказания, если он является супругом, лицом, находящимся в устойчивой связи, подобной брачным отношениям, восходящим или нисходящим родственником, родным или приемным братом или другим родственником такой же степени родства виновному. На основании ст. 277 УК Аргентины за укрывательские действия освобождаются от уголовной ответственности те, кто действовал в пользу супруга или родственника, родственные связи с которым не превышают четвертой степени кровного родства или второй степени родства по браку, а также близкого друга или благодетеля (за исключением обеспечения сохранности или прибыли от совершенного преступления, а также когда исполнитель действовал с корыстными целями).

Для современного белорусского уголовного права, как и почти столетие назад для советского права, остается верным утверждение, что «наш Кодекс никаких изъятий в угоду родственным чувствам не делает, но, несомненно, судьи учтут их, как мотив совершения укрывательства, хотя и не будут связывать с этим мотивом обязательного понижения наказуемости»⁴⁰⁴. Это, как показано, не согласуется с нормами нравственности и в определенной степени расходится с мировым опытом. Тем более что Конституционный Суд Республики Беларусь в Заключении от 25 марта 1999 года № 3-77/99 отмечает, что ответственность за это деяние близких родственников или членов семьи лица, совершившего преступление, может быть поставлена в зависимость не только от степени общественной опасности совершенного преступления, но и от формы совершаемых действий, а также от мотивов их совершения. Нередко указанные лица могут оказаться в таких ситуациях, когда страх перед угрозой наказания, которому будет подвергнуто близкое им лицо, явится наиболее значимым мотивом, предопределившим характер их поведения. Необходимо также учитывать и различную степень опасности заранее не обещанного укрывательства преступления, совершаемого из корыстных или иных низменных побуждений, и укрывательства, мотивы которого обусловлены только родственными чувствами. Отсюда не исключается возможность предусмотреть норму об освобождении от ответственности близких родственников и

⁴⁰⁴ Эстрин А. О соучастии по уголовному кодексу РСФСР // Советское право. 1922. № 3. С. 81.

членов семьи лица, совершившего преступление, за его заранее не обещанное укрывательство.

Поддерживается такое мнение и общественностью. Как показал социологический опрос, 183 респондента из 275 (66%) высказываются за привлечение к уголовной ответственности укрывателей, независимо от характера укрываемого преступления, и 70 (26%) – только если скрывается очень опасное (тяжкое или особо тяжкое) преступление и лицо, его совершившее. Лишь 3 человека (1%) считают, что укрыватель наказываться не должен. По тому же вопросу применительно к родственному укрывательству получены следующие цифры: за привлечение к ответственности – 71 опрошенный (26%), только в случае укрывательства наиболее опасных преступлений – 102 (37%), против их наказания – 52 (19%).

В.С. Гелашвили рассматривал данную проблему в трех аспектах: 1) целесообразно или нет безусловное освобождение от уголовной ответственности укрывателей близких родственников; 2) необходимо ли во всех случаях смягчение ответственности укрывателям близких родственников при условии обязательного привлечения их к уголовной ответственности; 3) целесообразно ли исключать ответственность или смягчать наказание укрывателям друзей и товарищей, совершивших преступление⁴⁰⁵.

Что касается первого вопроса с учетом того, что, с одной стороны, мотивы действий укрывателей в рассматриваемых случаях (родственные чувства) являются «общественно положительными», а с другой (хотя и в редких случаях), – родственники совершают укрывательство, руководствуясь корыстными или иными низменными побуждениями, сам автор предлагает передать решение его на усмотрение органов, применяющих закон. Он формулирует дополнение к статье, предусматривающей ответственность за заранее не обещанное укрывательство: «Лицо, совершившее заранее не обещанное укрывательство, может быть освобождено от уголовной ответственности и наказания, если эти действия были совершены для сокрытия преступления, совершенного его близким родственником». Таким образом, органы следствия и суда получают возможность в случаях необходимости освобождать от ответственности укрывателей родственников и в то же время не будут обязаны законом делать это абсолютно во всех без исключения случаях⁴⁰⁶.

Безусловное освобождение от уголовной ответственности за укрывательство родственников виновного нецелесообразно и с точки зрения характера укрываемого преступления, защиты наиболее важных конституционных прав граждан, на что и ориентировал Конституционный Суд Рес-

⁴⁰⁵ Гелашвили В.С. О заранее не обещанном укрывательстве, совершенном родственниками виновного // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1980. № 1. С. 60.

⁴⁰⁶ Там же. С. 61– 62.

публики Беларусь в своем Заключении. В связи с тем, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации признаны высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2 Конституции), а право на жизнь является первейшим и неотъемлемым правом человека, защита которого от любых противоправных посягательств гарантируется государством (ст. 24 Конституции), возможно ограничение круга преступлений, за укрывательство которых допустимо освобождение членов семьи и близких родственников от уголовной ответственности. Из их числа следует исключить тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь и здоровье человека. Кроме того, опираясь на мнение Конституционного Суда, не должны освобождаться от ответственности лица, виновные в заранее не обещанном укрывательстве преступлений, совершенном из корыстных или иных низменных побуждений.

В литературе также неоднократно давались рекомендации по поводу тех деяний, укрывательство которых должно быть наказуемо независимо от наличия родственных отношений между укрывателем и укрываемым. Советские авторы предлагали относить к ним контрреволюционные и государственные преступления⁴⁰⁷. Поскольку приоритеты существенно изменились и главной ценностью в настоящее время признается человек, а не интересы государства, с такими суждениями согласиться нельзя. Наиболее распространено признание уголовно наказуемым укрывательства со стороны родственников самых тяжких преступлений:

- 1) убийства (некоторые считают, что только при отягчающих обстоятельствах) и иных посягательств на жизнь человека⁴⁰⁸;
- 2) преступлений, совершенных по корыстным или иным низменным побуждениям⁴⁰⁹;
- 3) когда преступление совершено в отношении малолетнего либо с использованием такового⁴¹⁰.

Нельзя не согласиться с тем, что продолжать укрывать преступника в таких случаях – это фактически давать молчаливое согласие на совершение им новых преступлений, что граничит с соучастием. Отказ же в укрыватель-

⁴⁰⁷ Ковалев М.И. Об ответственности за укрывательство и доноительство // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 107; Радунцева Н.Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 8.

⁴⁰⁸ Ковалев М.И. Об ответственности за укрывательство и доноительство // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 107; Радунцева Н.Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 8; Косякова Н. Укрывательство преступления и преступника // Законность. 1998. № 10. С. 39; Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 94.

⁴⁰⁹ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и доноительство. М., 1965. С. 54; Ковалев М.И. Об ответственности за укрывательство и доноительство // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 107; Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 94.

⁴¹⁰ Косякова Н. Укрывательство преступления и преступника // Законность. 1998. № 10. С. 39; Козлов, А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 94.

стве справедлив как по отношению к прошлым и будущим жертвам, так и по отношению к преступнику, у которого появляется шанс исправиться.

На второй поставленный вопрос следует ответить утвердительно: необходимо смягчение ответственности укрывателям близких родственников до тех пор, пока отсутствует законное основание освобождения их от ответственности (при условии, конечно, что они руководствуются при совершении укрывательства именно родственными чувствами, а не иными побуждениями). Практика показывает, что судебные органы не уделяют должного внимания этому обстоятельству. Например, за заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления по ч. 2 ст. 405 УК был осужден гр-н П., оказавший содействие сокрытию убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах его сыном. Суд установил, что обвиняемый достоверно знал, что совершено убийство (сначала со слов сына, а затем путем наблюдения окровавленного тела на месте происшествия), предоставил лопаты для захоронения трупа, а также сжег брюки Г., в группе с которым его сын совершил преступление, со следами крови на них. Наказание П. было назначено в виде двух лет лишения свободы, но со ссылкой на ст. 78 УК с условным его неприменением (с испытательным сроком – 2 года). Мотивируя свое решение, суд указал на различные смягчающие ответственность обстоятельства, однако не упомянул о близком родстве П. с одним из лиц, совершивших убийство⁴¹¹. Недооценка этого обстоятельства представляется необоснованной.

В.С. Гелашвили высказывается против ненаказуемости укрывательства приятелей и товарищей, потому что освобождение от ответственности укрывателей таких лиц должно повлечь для следственных и судебных органов необходимость установления в каждом случае степени приятельства и товарищества. Иными словами, следственным и судебным органам пришлось бы решать отнюдь не правовые вопросы, а вопросы о том, где та грань, когда знакомство переходит в более высокую степень – товарищество. Кроме того, В.С. Гелашвили ссылается на изученные уголовные дела, где в качестве «товарищей» чаще всего выступают лица, совместно с виновным употреблявшие спиртные напитки, ведущие аморальный образ жизни. У судов и сейчас имеется возможность учесть при назначении наказания то, что в некоторых случаях укрывательство товарищей совершается лицами, характеризующимися положительно, добросовестно заблуждающимися и действующими из ложно понятых интересов дружбы⁴¹².

Вероятно, в отношении товарищей такое решение и справедливо, но можно назвать множество категорий лиц, с которыми у лица, совершивше-

⁴¹¹ Архив Минского областного суда за 2005 г. Дело № 2/10.

⁴¹² Гелашвили В.С. О заранее не обещанном укрывательстве, совершенном родственниками виновного // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1980. № 1. С. 63.

го основное преступление, более теплые отношения, чем даже с членами семьи и близкими родственниками. В связи со сказанным различные авторы предлагают распространять рассматриваемое основание освобождения от уголовной ответственности за укрывательство не только на близких родственников и членов семьи виновного, но и на других лиц: состоящих с укрываемым в незарегистрированном браке и имеющих с ним общих детей, а также бывших супругов при указанном условии⁴¹³, родственников по нисходящей и восходящей линии⁴¹⁴ и др.

Думается, следует пойти далее и, как писал М. Исаев, при установлении факультативности наказания за укрывательство не обуславливать «близость» только родственными отношениями. «При таком разрешении вопроса будут сглажены острые углы действующего права, которые в отдельных случаях могут чувствоваться весьма болезненно. Интересы государства будут охранены в полной мере, но вместе с тем суд получит право считаться в необходимых случаях с наличием чувства, психологических переживаний, над которыми угроза наказания бессильна. Игнорировать эти чувства – не считаться с фактами и сознательно идти на то, что закон все равно будет нарушаться, пренебрегать тем, что весьма многие будут отрицательно относиться не к виновному укрывателю или недоносителю, а к самому закону»⁴¹⁵.

Ранее обосновывалась необходимость расширения круга лиц, не подлежащих ответственности за недоносительство, путем включения в него близких лица, совершившего преступление. То же можно сказать и об укрывательстве. Одним понятием «близкие» мы охватим все вероятные случаи совершения укрывательства в связи с особыми доверительными, возможно, дружескими отношениями между укрываемым и укрывателем. Если освобождение от ответственности таких лиц сделать правом суда, то будут разрешены практически все нравственно-этические проблемы, связанные с наказуемостью этого деяния. Возможность освобождения должна быть именно правом, а не обязанностью суда, чтобы в случаях совершения особо опасных преступлений, в частности связанных с убийством человека, ответственность укрывателей не исключалась с учетом особой значимости некоторых объектов уголовно-правовой охраны. Можно ввести Примечание к ст. 405 УК следующего содержания: «С учетом личности виновного и лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, мотивов и целей содеянного, характера и степени общественной опасности совер-

⁴¹³ Трифонов В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук : 12.00.08. СПб., 2000. С. 20.

⁴¹⁴ Ковалев М.И. Об ответственности за укрывательство и недоносительство // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 107.

⁴¹⁵ Исаев М. О наказуемости родственного укрывательства и недоносительства // Советское право. 1924. № 1(7). С. 64.

шенного преступления и иных обстоятельств дела, от уголовной ответственности за укрывательство могут быть освобождены близкие лица, совершившего преступление».

Не подлежат ответственности за укрывательство исполнитель и соучастники совершенного преступления.

Заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенное должностным лицом с использованием служебных полномочий, образует совокупность преступлений со злоупотреблением властью или служебными полномочиями. Если же указанные действия совершены с целью незаконного освобождения от уголовной ответственности прокурором, следователем или лицом, производящим дознание, то в этом случае они образуют состав преступления, предусмотренного ст. 399 УК.

3.4. Разграничение заранее не обещанного укрывательства и смежных составов преступлений

Отличие укрывательства, как и других форм прикосновенной деятельности, от соучастия в преступлении заключается в отсутствии виновной и причинной связи между действиями укрывателя и совершенным преступлением, его последствиями. Действие укрывателя всегда имеет место после совершения преступления и причинно не обуславливает совершения этого преступления, хотя само обусловлено последним.

В отличие от других форм прикосновенности – недонесения о преступлении и попустительства – укрывательство всегда совершается активными действиями, пассивное поведение для него не характерно.

Наиболее сложным является отграничение укрывательства от так называемых его видов. При этом критерии для классификации берутся различными авторами разные. Весьма подробно данный аспект освещен А.В. Зарубиным. Главным основанием деления он признает наличие или отсутствие в совершенном укрывательстве дополнительных признаков, имеющих самостоятельное уголовно-правовое значение. По этому основанию различается: 1) простое укрывательство, т.е. не имеющее самостоятельного уголовно-правового значения и квалифицируемое по ст. 405 УК; 2) укрывательство, способ которого имеет самостоятельное уголовно-правовое значение, т.е. квалифицированное укрывательство. К квалифицированным способам укрывательства относятся те, чье наличие из-за повышенной степени общественной опасности оказывает конструирующее значение на состав конкретного преступления или является обстоятельством, отягчающим либо смягчающим ответственность по статьям, содержащим данные способы. Особо среди них выделяется совершение заранее не обе-

щанного укрывательства с использованием служебных полномочий. К способам такого укрывательства, например, относятся: вынесение незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела; прямое укрытие (нерегистрация); направление материалов, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний в суд как дел об административных правонарушениях⁴¹⁶.

И.А. Бушуев условно называет специальными видами укрывательства преступлений отдельные преступления, за которые предусмотрена ответственность в Особенной части УК. Таковыми являются заведомо ложный донос, заведомо ложное показание, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, вынесение заведомо неправомерного приговора, отказ от дачи показаний и заключения, понуждение к даче показаний или заключения⁴¹⁷. Данные составы преступлений и в других источниках называются «специальными видами» или «конкретными разновидностями укрывательства»⁴¹⁸.

Существует и противоположное мнение, сторонники которого, хоть и признают определенное сходство указанных преступлений с укрывательством, но считают неправильным относить их к видам последнего. Например, П.К. Евдокимов отмечает: «Состав ложного доноса и ложного показания охватывает широкий круг действий. Эти действия могут быть произведены как в пользу, так и во вред обвиняемому, по делу которого лицо дает показания. Затем при лжесвидетельстве в пользу обвиняемого ложные показания могут быть направлены как на сокрытие всей вины преступника с целью добиться его оправдания (например, ложное утверждение об алиби преступника), так и лишь на смягчение вины преступника, чтобы уменьшить меру наказания последнему (например, утверждение об отсутствии отягчающего вину обстоятельства). Таким образом, далеко не всякое лжесвидетельство совершается в пользу обвиняемого, в последнем же случае оно не всегда касается обстоятельств, совершенно устраняющих ответственность обвиняемого за преступление, т.е. не во всех случаях лжесвидетельство можно рассматривать как вид укрывательства»⁴¹⁹. Лжесвидетельство есть разновидность интеллектуального укрывательства, выделенного в специальный состав. По уровню своей общественной опасности заведомо ложные показания, преследующие цель оправдания преступника

⁴¹⁶ Зарубин А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Тюмень, 2004. С. 119–123.

⁴¹⁷ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 80.

⁴¹⁸ Советское уголовное право. Общая часть. М., 1977. С. 288; Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 344.

⁴¹⁹ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 57.

или прекращения в отношении него уголовного преследования, не отличаются от обычных ложных показаний и полностью охватываются ст. 401 УК⁴²⁰. По мнению А.В. Баркова, здесь мы имеем дело не с видовыми составами укрывательства, а с особыми случаями укрывательской деятельности, которые иногда проявляются в названных преступлениях⁴²¹.

Несмотря на некоторые расхождения в терминологии, большинство исследователей едины в одном: поскольку названные преступления выделены законодателем в самостоятельные составы, совершение такого рода действий даже с целью скрыть преступление или преступника исключает ответственность за укрывательство и должно квалифицироваться только по статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за данные преступления⁴²². Однако есть и другие предложения. Г. Виттенберг и П. Панченко устанавливают наличие совокупности статей, предусматривающих ответственность за укрывательство и иное соответствующее преступление против правосудия (идеальная совокупность) в тех случаях, когда их цели (сокрытие преступления) совпадают⁴²³. Еще более интересный вариант квалификации наблюдаем у Б.Т. Разгильдиева. Суть его состоит в том, что укрывательство и конкретное преступление против правосудия сравниваются с позиций степени их общественной опасности. Если избранный способ укрывательства менее общественно опасен, чем само укрывательство, то деяние лица следует квалифицировать только по ст. 405 УК по принципу поглощения более тяжким менее тяжкого преступления. Если же преступление по своей опасности равнозначно укрывательству или превышает его, то правовую оценку следует давать не только укрывательству, но и преступлению, посредством которого оно совершено⁴²⁴.

Правильная квалификация в таких случаях зависит от того, являются ли заведомо ложное показание, заведомо ложный донос и т.д. специальными составами преступлений по отношению к укрывательству. Для А.П. Козлова очевидно, что совокупности преступлений здесь нет, а имеет место конкуренция норм. Ложный донос, дача ложных показаний с целью сокрытия преступления или преступника есть лишь способы укрывательства, значительно повышающие степень его общественной опасности, так как дают больше шансов виновному избежать ответственности по-

⁴²⁰ Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. М., 2005. С. 339.

⁴²¹ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 101.

⁴²² Советское уголовное право. Общая часть. М., 1977. С. 288; Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 345; Радунцева Н.Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 15; Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959. С. 219; Алексеев Б. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них // Советская юстиция. 1962. № 20. С. 23.

⁴²³ Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву / Г. Виттенберг, П. Панченко. Иркутск, 1976. С. 17.

⁴²⁴ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 60–62.

средством умышленного введения органов правосудия в заблуждение⁴²⁵. Б.Т. Разгильдиев с таким утверждением не согласен: «В специальной норме обязательно должны быть все черты (признаки) общей нормы. Только в этом случае возникает конкуренция общей и специальной норм. Однако дача ложных показаний, ложный донос и т.п. и укрывательство не могут вступить в конкуренцию как общая и специальная нормы⁴²⁶. Последнее утверждение кажется более верным. Субъекты названных преступлений, как и укрывательства, действительно в некоторых случаях своими деяниями затрудняют деятельность органов правосудия по предупреждению и раскрытию преступлений. Имея один объект посягательства, эти действия существенно различаются по объективной и субъективной стороне, а также субъекту.

При разграничении их по объективной стороне необходимо иметь в виду, что укрывательство предполагает совершение конкретных активных действий по сокрытию преступления. П.К. Евдокимов видит разницу в степени общественной опасности рассматриваемых преступлений. Сокрытие преступника или следов преступления имеет место до того, как преступник задержан, арестован или находится на скамье подсудимых. Указанные действия тем главным образом и опасны, что они препятствуют возникновению уголовного преследования, делают неизвестным сам факт преступления или затрудняют раскрытие этого преступления, арест и задержание преступника. Лжесвидетель же выступает в тот момент, когда преступник находится уже под арестом или сидит на скамье подсудимых. Действия его не могут в такой мере помочь преступнику, как действия укрывателя. Отсюда и общественная опасность их, как правило, гораздо меньшая⁴²⁷.

Заведомо ложные показания свидетеля или потерпевшего либо заведомо ложное заключение эксперта, а также заведомо неправильный перевод, привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного, вынесение заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления, отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний или отказ эксперта от дачи заключения отличаются от укрывательства и по субъекту преступления. Если субъект укрывательства – общий, то для остальных составов характерны специальные субъекты в зависимости от специфики совершаемого деяния.

Не признавая отличий укрывательства от иных преступлений против правосудия по цели, еще раз отметим: во-первых, само укрывательство не характеризуется специальной целью, может совершаться с различными це-

⁴²⁵ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 97.

⁴²⁶ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 56–57.

⁴²⁷ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 155.

лями; во-вторых, если и выделять цель сокрытия преступления или преступника как обязательный признак укрывательства (что неверно), то такая цель не может быть положена в основу разграничения, так как в некоторых случаях присуща и другим преступлениям против правосудия (в связи с чем, собственно, и возник вопрос о соотношении рассматриваемых составов).

Заведомо ложный донос, дача заведомо ложных показаний, уклонение или отказ от дачи показаний или заключения эксперта и другие преступления против правосудия нельзя относить к разновидностям укрывательства, с какой бы целью они не совершались. То, что эти деяния, как и укрывательство, препятствуют раскрытию и расследованию преступлений, не делает их укрывательством, а говорит лишь об общем объекте посягательства. Поэтому здесь нет и конкуренции общей и специальной норм. Л.В. Лобанова обоснованно выступает за совокупность укрывательства и заведомо ложного доноса, когда, имея целью скрыть одно преступление, субъект заявляет о совершении другого. При этом не только создаются препятствия для реализации уголовной ответственности в отношении лица, действительно совершившего преступление, но и побуждаются к бесполезной деятельности по проверке ложного заявления правоохранительные органы⁴²⁸.

С учетом сказанного на случаи, когда деянием виновного совершается помимо укрывательства еще и иное преступление, должны распространяться следующие правила квалификации: 1) если виновный укрывает такие предметы, хранение которых по действующему законодательству само по себе образует состав самостоятельного преступления, ответственность должна наступать по совокупности преступлений (например, укрывательство и незаконное хранение огнестрельного оружия); 2) если укрывательство преступления совершается способом, который сам по себе содержит признаки другого преступления, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений.

Так как в данных ситуациях совершаются разнородные деяния, предусмотренные различными статьями УК и не находящиеся в соотношении общей и специальной норм, они должны оцениваться самостоятельно. Однако в судебной практике видим иное. Гр-н Х., достоверно зная о том, что К. и В. совершили разбойное нападение группой лиц и завладели имуществом, т.е. о совершении особо тяжкого преступления, не сообщил об этом в правоохранительные органы. Более того, Х. по просьбе В. помог перенести похищенную сумку в указанное им место, после открытия сумки он получил часть похищенных денег. Также Х. уничтожил путем сожжения паспорт, принадлежавший потерпевшему и похищенный у него в результа-

⁴²⁸ Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности : дис. ... доктора юрид. наук : 12.00.08. Казань, 2000. С. 142.

те разбоя. Орган предварительного расследования эти действия Х. квалифицировал как недонесение о совершенном особо тяжком преступлении по ч. 1 ст. 406 УК и умышленное уничтожение официального документа по ч. 2 ст. 377 УК. В ходе судебного заседания государственный обвинитель отказался от обвинения по ст. 406 УК и, таким образом, все содеянное было оценено судом только по ч. 2 ст. 377 УК⁴²⁹. Такая квалификация не может считаться правильной, поскольку: 1) признаки недонесения как самостоятельного преступления здесь не усматриваются, так как деяние Х. не ограничилось бездействием – несообщением о совершенном разбое; 2) непонятно, почему ни орган предварительного расследования, ни суд не нашли здесь признаков укрывательства (тем более что сам следователь, предъявляя обвинение по ч. 2 ст. 377 УК, указал, что Х. «с целью сокрытия следов преступления, путем сожжения уничтожил открыто похищенный и являющийся официальным документом паспорт»). Правильным было бы квалифицировать действия Х. по совокупности ч. 2 ст. 405 УК (укрывательство особо тяжкого преступления) и ч. 2 ст. 377 УК (уничтожение официального документа).

С учетом сказанного в определенной мере можно согласиться с оценкой Б.Т. Разгильдиевым случаев, когда в укрывательство преступлений вовлекаются несовершеннолетние. Автором рассматриваются две ситуации: а) укрывательство преступлений, совершенных несовершеннолетними; б) использование несовершеннолетних в качестве укрывателей своих преступлений. В обоих случаях указывается на квалификацию деяния взрослого дополнительно по ст. 172 УК⁴³⁰. Необходимость квалификации по признакам ст. 172 УК, когда совершеннолетний преступник пользуется услугами несовершеннолетнего укрывателя не вызывает возражений. Это понятно, ибо исполнитель основного преступления, зная, что за укрывательство совершенного им деяния установлена уголовная ответственность и что в его укрывательстве ему содействует подросток, сознательно вовлекает его в совершение конкретного преступления. Нельзя, однако, оценивать как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления случаи укрывательства совершенного подростком преступного деяния взрослым лицом. Конечно, взрослый, укрывая несовершеннолетнего преступника, противодействует в какой-то степени его нормальному развитию, поскольку препятствует исправлению и перевоспитанию подростка. Но не убеждают доводы автора о том, что вероятность совершения укрытым подростком нового преступления резко возрастает, если он сам или совершенное им преступление укрываются взрослыми лицами. В таких случаях подросток,

⁴²⁹ Архив Брестского областного суда за 2004 г. Дело № 2/8.

⁴³⁰ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 69–70.

усматривая доброжелательное отношение взрослых укрывателей к его преступлению, утверждается в реальной возможности совершения преступления. В смысле ст. 172 УК в данном случае, несмотря на всю общественную опасность действий взрослого и пагубного влияния его на развитие несовершеннолетнего, признаки вовлечения отсутствуют. Оно имеет место, когда взрослый возбуждает разными способами решимость несовершеннолетнего совершить конкретное преступление. Здесь же преступление несовершеннолетним уже совершено без влияния со стороны взрослого укрывателя. Случаи привлечения взрослых к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в укрывательство преступления в процессе изучения судебной практики нами встречены не были. К примеру, в упоминавшемся уголовном деле, когда несовершеннолетний Г. оказывал содействие в сокрытии трупа путем его затопления, а также хранил похищенное у убитого имущество, вопрос о вовлечении его в укрывательство не поднимался⁴³¹.

Неоднозначно решается в литературе вопрос о квалификации самоговора как способа скрыть настоящего преступника. Оценка его интересна в связи с тем, что как самостоятельное преступление самоговор, в отличие от рассмотренных ранее деяний, не выделен. Р.М. Кашапов определяет самоговор как ложное признание лица в якобы совершенном им преступлении и выделяет из этого возможность ложного признания: 1) в отношении преступления, в действительности совершенного другим лицом, и 2) в отношении вымышленного (мнимого) преступления. Встречаются и такие случаи, когда субъект оговаривает себя по отягчающим ответственность обстоятельствам. Общественная опасность действий лица, которое выдает себя за истинного преступника, достаточно велика. Органы правосудия вводятся в заблуждение. Цели его не достигаются, так как настоящий преступник, по существу, уходит от ответственности⁴³². Поэтому самоговор следует признавать укрывательством преступления в виде интеллектуального содействия преступнику. А.С. Горелик и Л.В. Лобанова также усматривают в самоговоре объективные и субъективные признаки укрывательства, в том числе причинение правосудию вреда, типичного для данного преступления⁴³³. М.Х. Хабибуллин относит самоговор либо к заведомо ложному доносу (если ложное самообвинение в совершении преступления совершается путем «явки с повинной» или подачи заявления в судебно-следственные органы), либо к даче заведомо ложных показаний (когда самоговор происходит в процессе допроса лица на предваритель-

⁴³¹ Архив Брестского областного суда за 2002 г. Дело № 2/44.

⁴³² Кашапов Р.М. Уголовно-правовые средства, обеспечивающие раскрытие и расследование преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Хабаровск, 2000. С. 151–154.

⁴³³ Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005. С. 208.

ном или судебном следствии)⁴³⁴. Думается, что при наличии в деянии признаков обоих преступлений самооговор также должен квалифицироваться по совокупности укрывательства и заведомо ложного доноса или дачи заведомо ложных показаний.

Из общего правила квалификации укрывательства по совокупности с другими преступлениями имеются исключения. Первое исключение в белорусском уголовном законодательстве фактически сделано для состава торговли людьми. В диспозиции ч. 1 ст. 181 УК в качестве одного из альтернативных способов совершения торговли людьми названо укрывательство человека, совершенное в целях эксплуатации. Интересно, что в уголовных законах других стран данный вид укрывательства тоже выделяется. К примеру, диспозиция ст. 127¹ УК Российской Федерации практически такова же, как и ст. 181 УК Республики Беларусь, а в УК Республики Корея укрывательство или утаивание похищенного человека является самостоятельным преступлением, предусмотренным ст. 292 кодекса. В связи с криминализацией этого деяния в рамках состава торговли людьми возникают вопросы правильной квалификации и его соотношения с укрывательством как самостоятельным уголовно наказуемым действием.

Укрывательство человека в составе торговли людьми не делится на заранее обещанное и заранее не обещанное, следовательно, должно влечь одинаковую ответственность в пределах санкций ст. 181 УК. Думается, такой подход неприемлем, поскольку противоречит основным положениям учения о соучастии и прикосновенности к преступлению. Заранее обещанное укрывательство представляет значительно большую угрозу для охраняемых от преступных посягательств общественных отношений, поскольку данное укрывателем обещание оказать исполнителю содействие укрепляет у последнего решимость совершить преступление, в силу чего между ним и наступившим преступным результатом имеется причинная связь. При заранее не обещанном укрывательстве этого не наблюдается, действия укрывателя носят самостоятельный характер, не содействуют совершению укрываемого преступления. Поэтому данный вид укрывательства наказывается лишь в случаях, когда имеет место в отношении только тяжких и особо тяжких преступлений, и сам относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Наиболее строгое наказание за заранее не обещанное укрывательство торговли людьми по ч. 2 ст. 405 УК могло бы составить два года лишения свободы, а самое мягкое наказание за укрывательство человека по ч. 1 ст. 181 УК предусмотрено в виде лишения свободы на срок пять лет с конфискацией имущества. Налицо существенное ужесточение уголовной репрессии в отношении лиц,

⁴³⁴ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 42.

укрывающих без предварительного обещания человека, который явился предметом торговли людьми. Что касается укрывательства заранее обещанного, то включение его в объективную сторону торговли людьми существенным образом не отразилось на наказуемости, так как и в случае признания его пособничеством торговле людьми мера наказания должна определяться в соответствии с санкциями ст. 181 УК.

Кроме того, укрывательство относится к торговле людьми лишь при наличии двух обязательных признаков: во-первых, по объективной стороне оно состоит только в сокрытии человека; во-вторых, с субъективной стороны должна присутствовать цель эксплуатации. В. Лаевский предлагает понимать под ним «любые действия, направленные на сокрытие местонахождения потерпевшего от правоохранительных органов и любых заинтересованных лиц». Умолчание о местонахождении потерпевшего, а также сокрытие преступника, следов, орудий или средств совершенного преступления, если они не были обещаны заранее, он к укрывательству в контексте понятия торговли людьми не относит⁴³⁵.

Укрывательство понимается в составе торговли людьми очень узко, не охватывает всех действий, указанных в ст. 405 УК. Значит, не исключается квалификация укрывательства торговли людьми не по ст. 181 УК, а в качестве отдельного преступления по ст. 405 УК или как пособничества торговле людьми. Так же должна производиться квалификация действий по сокрытию человека, если у виновного не будет установлено наличие цели эксплуатации.

Следует согласиться с В. Марчуком и Е. Коротич, которые, рассматривая укрывательство человека как часть торговли людьми, указывают, что «фактически может иметь место принудительное удержание человека в целях его эксплуатации, но юридически такое поведение охватывается другими преступлениями против личной свободы человека (похищение человека (ст. 182 УК), незаконное лишение свободы (ст. 183 УК), незаконное помещение в психиатрическую больницу (ст. 184)»⁴³⁶. Как видно, в процессе квалификации правоприменитель столкнется с необходимостью разграничить три сходных состава преступления, что неизбежно создаст затруднения и может стать причиной ошибочного применения соответствующих норм УК.

Представляется несколько надуманным признание укрывательства частью процесса торговли людьми, как это делают А.С. Горелик и Л.В. Лобанова⁴³⁷. Среди действий, перечисленных в ч. 1 ст. 181 УК, укры-

⁴³⁵ Лаевский В. Противодействие торговле людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений // Судовы веснік. 2006. № 3. С. 15.

⁴³⁶ Уголовно-правовые средства по противодействию торговле людьми / В. Марчук, Е. Коротич // Юстиция Беларуси. 2005. № 3. С. 23.

⁴³⁷ Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005. С. 214–215.

вательство в наименьшей степени связано непосредственно с актом купли-продажи (иной сделки), передачи и получения человека для эксплуатации, которые и образуют торговлю людьми в буквальном понимании этого слова. Без одного из названных действий торговлю людьми представить практически невозможно, укрывательство же является действием вспомогательным, не определяющим сущность торговли людьми, которая может совершиться и в его отсутствие. При укрывательстве человек не переходит во владение к кому-либо. Поэтому укрывательство является не столько частью процесса торговли людьми, сколько действием, сопутствующим ему и необязательным.

Представляется целесообразным исключить укрывательство из объективной стороны торговли людьми, а действия лиц, скрывающих человека, в отношении которого совершается торговля, квалифицировать по общим правилам либо как пособничество торговле людьми по ст. 181 со ссылкой на ч. 6 ст. 16 УК (когда укрывательство было обещано заранее), либо как прикосновенность к торговле людьми по ст. 405 УК (если укрывательство заранее обещано не было).

С учетом толкования укрывательства применительно к ст. 181 УК комментаторами кодекса как «признака объективной стороны торговли людьми» и отождествления его только с укрывательством-пособничеством⁴³⁸ возможен еще один вариант корректировки диспозиции статьи. Имеется в виду прямое указание в норме ч. 1 ст. 181 УК на то, что способом торговли людьми является только заранее обещанное укрывательство потерпевшего. Предлагаемые в комментарии к УК правила квалификации не вытекают из действующей редакции статьи, содержащей термин «укривательство». Нами уже обращалось внимание на то, что в уголовном законе это понятие раскрывается лишь в ст. 405. При характеристике видов соучастников в ст. 16 УК оно не употребляется.

Не может быть совокупности укрывательства и приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК), и легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК). Здесь, как выразился А.В. Барков по поводу преступления, предусмотренного ст. 236 УК, «имеет место случай специального укрывательства, следующий из свойства этого преступления всегда способствовать преступнику в сокрытии следов его деяния от правосудия»⁴³⁹. Это же характерно и для легализации. Ю.В. Радзевановская, к примеру, пишет: «Легализация доходов, полученных в результате уголовно-правового запрета, направлена на сокрытие их

⁴³⁸ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. Минск, 2007. С. 368.

⁴³⁹ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 101.

истинной природы, перемещения и местонахождения, в результате чего нарушаются охраняемые уголовным законом интересы правосудия, привлечения лица, извлекшего преступный доход, к уголовной ответственности и возмещения причиненного общественно опасным деянием ущерба»⁴⁴⁰. По сути своей рассматриваемые преступления выступают разновидностями укрывательства, в которых закреплены лишь особые способы его совершения. Остановимся на соотношении приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, и укрывательства.

Среди общих черт этих преступлений выделяются следующие:

- 1) оба деяния общественно опасны в связи с совершением другим лицом какого-либо преступления, объективно способствуют его сокрытию;
- 2) совершаются уже после окончания основного преступления без заранее данного обещания;
- 3) действия виновных лиц осуществляются в отношении имущества, добытого преступным путем;
- 4) во всех случаях эти действия совершаются умышленно⁴⁴¹;
- 5) кроме того, на наш взгляд, данные преступления имеют общий объект посягательства – интересы правосудия;
- 6) по конструкции объективной стороны имеют формальный состав;
- 7) совпадают деяния, составляющие объективную сторону этих преступлений.

Различие укрывательства и приобретения или сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, в литературе проводится по всем элементам состава преступления. По действующему уголовному законодательству объектом приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, является установленный порядок осуществления экономической деятельности, а укрывательства – отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов правосудия. Как обосновывалось выше, такой подход законодателя нельзя признать правильным, поскольку при совершении преступления, предусмотренного ст. 236 УК, в первую очередь всегда страдают интересы правосудия. Этот состав должен быть помещен в главу 34 УК Республики Беларусь. Соответственно, к различиям рассматриваемых преступлений объект отнести нельзя.

⁴⁴⁰ Радзевановская Ю.В. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : уголовно-правовая и криминологическая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Уфа, 2005. С.40.

⁴⁴¹ Коржанский Н.И. Ответственность за приобретение, хранение и сбыт имущества, добытого преступным путем. Волгоград, 1971. С. 7; Иваник Н.П. Уголовно-правовая борьба с приобретением или сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967. С. 15; Макаров А.Д. Укрывательство, недоносительство и попустительство в современном зарубежном законодательстве // Закон и право. 2004. № 6. С. 42–43.

Как на разграничивающий признак указывается на разницу в предметах преступлений: предметом приобретения или сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, являются только эти ценности (имущество), а предметом укрывательства преступлений, кроме имущества, могут быть также следы преступления, орудия и средства совершения преступления, лицо, его совершившее⁴⁴². Этот критерий не может считаться существенным в проведении грани между рассматриваемыми преступлениями, скорее даже, наоборот, он их сближает, позволяет говорить о приобретении или сбыте предметов, добытых преступным путем, как разновидности их укрывательства.

При сравнении объективной стороны изучаемых преступлений обращается внимание на различие в способе их совершения, характере действий лица. Наиболее кратко выразил это В. Гелашвили: укрывательство заключается в сокрытии различными способами имущества, полученного в результате преступления; приобретая либо сбывая имущество, добытое преступным путем, виновный не укрывает, а использует его в своих целях⁴⁴³. В развитие данной мысли сопоставляется законодательное описание признаков укрывательства и преступления, предусмотренного ст. 236 УК. В соответствии с законом укрывательство может выразиться в сокрытии преступника, следов, орудий и средств совершения преступления, а также предметов, добытых преступным путем. Второе же преступление предполагает лишь совершение таких действий, как приобретение, хранение или сбыт материальных ценностей, добытых преступлением. Следовательно, если при укрывательстве действия лица представляют собой не более чем способ сокрытия преступления или преступника, то при приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем, действия виновного являются, как правило, способом извлечения материальной выгоды, удовлетворения имущественных интересов виновного или третьих лиц путем совершения сделок с имуществом преступного происхождения. Иными словами, укрыватель сам прячет имущество или помогает в этом, владеет им временно, но не приобретает его, не становится собственником или не сбывает, а при преступном приобретении (сбыте) лицо не прячет имущество, оно либо пользуется этим имуществом, либо стремится продать его⁴⁴⁴.

⁴⁴² Дробот С.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2000. С. 96; Семькина О.И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ставрополь, 2003. С. 128; Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005. С. 213.

⁴⁴³ Гелашвили В. Ответственность за заранее не обещанное укрывательство // Советская юстиция. 1978. № 15. С. 19.

⁴⁴⁴ Дробот С.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2000. С. 97; Криволапов Г. Отграничение приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, от соучастия и укрывательства преступлений // Советская юстиция. 1968. № 9. С. 17; Зарубин А.В. Уголов-

Если внимательно ознакомиться с характеристикой объективной стороны этих деяний в литературе, можно прийти к выводу, что они по большей части представляют одни и те же действия. Приведем примеры. П.И. Гришаев и Г.А. Кригер, а также М.А. Шнейдер прямо относят к заранее не обещанному укрывательству в форме сокрытия предметов, добытых преступным путем, участие в реализации похищенного имущества другим лицом⁴⁴⁵. По мнению А.И. Чучаева, укрывательство представляет собой сокрытие предметов, добытых преступным путем, а равно приобретение и сбыт таких предметов; с целью укрывательства преступления предметы, добытые преступным путем, могут быть либо сокрыты, либо реализованы, при этом не имеет значения, указанные предметы проданы другому лицу или их приобрел сам укрыватель⁴⁴⁶.

Самой сложной проблемой представляется правовая оценка хранения имущества, приобретенного преступным путем. Очевидно, что без этого действия невозможно совершить ни одно из рассматриваемых преступлений. Под термином «хранение» Н.П. Иваник понимает неоднократные или единичные действия, не являющиеся соучастием в предыдущем преступлении, а выразившиеся в принятии хранителем во владение имущества, заведомо добытого преступным путем, для сбережения, сохранения или укрытия с последующим сбытом, как самим хранителем, так и другими лицами⁴⁴⁷. Г. Криволапов сопоставляет хранение и сокрытие предметов. На его взгляд, сокрытие – понятие более широкое и предполагает не только хранение, но и ряд других активных действий с предметами, добытыми преступлением (например, изменение их внешнего вида, уничтожение, отчуждение и т.п.). В отличие от этого хранение – это лишь сбережение предметов, содержание их в целости⁴⁴⁸. Вряд ли такое объяснение позволяет четко отграничить хранение-укрывательство от хранения, наказуемого по ст. 236 УК. Вполне возможно укрывательство предметов, добытых преступным путем, без какого-либо изменения их внешней формы и совершения других активных действий, упоминаемых Г. Криволаповым. По сути своей хранение в обоих случаях означает одно и то же – нахождение предметов у лица, тем более что в ст. 236 белорусского УК нет указания на специальную цель последующего сбыва материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем.

но-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Тюмень, 2004. С. 134; Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005. С. 213.

⁴⁴⁵ Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959. С. 217; Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении. М., 1962. С. 60.

⁴⁴⁶ Чучаев А.И. Преступления против правосудия. Ульяновск, 1997. С. 76.

⁴⁴⁷ Иваник Н.П. Уголовно-правовая борьба с приобретением или сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967. С. 10.

⁴⁴⁸ Криволапов Г. Отграничение приобретения или сбыва имущества, заведомо добытого преступным путем, от соучастия и укрывательства преступлений // Советская юстиция. 1968. № 9. С. 17.

То же можно сказать и о приобретении либо сбыте предмета преступлений. Ведь приобретение предполагает любые способы принятия имущества в свое владение или собственность, не обязательно только их покупку. Из смысла ст. 236 УК такое узкое толкование не вытекает. С другой стороны, можно ли представить действия по сокрытию предметов, добытых преступным путем, без их предварительной передачи укрывателю. Даже если имущество будет уничтожено, до этого оно должно быть получено укрывателем, т.е. фактически приобретено им. Что касается сбыта, то его также не следует сводить лишь к продаже материальных ценностей. Он может заключаться в передаче другому лицу, отчуждении имущества любым путем, в том числе безвозмездно. Почему невозможно укрывательство путем сбыта имущества? Таким образом лицо, совершившее основное преступление, избавляется от, пожалуй, самого основного доказательства своей вины.

Итак, из анализа объективной стороны изучаемых составов преступлений получаем еще одно подтверждение того, что приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, по сути, есть разновидность укрывательства. Какой-либо существенной специфики в деянии, запрещенном ст. 236 УК, по сравнению с укрывательством не видится. Не принципиален для разграничения преступлений и тот факт, что укрывательство наказуемо только в случаях, когда совершается в отношении тяжких или особо тяжких преступлений, а приобретение или сбыт предметов, добытых преступным путем, влечет ответственность во всех случаях. Во многом это субъективная оценка законодателем общественной опасности двух деяний. Неоднократно высказывались и встречаются в настоящее время предложения о расширении круга деяний, укрывательство которых должно быть наказуемо.

В российских источниках указывается на разницу субъектов этих преступлений, так как по УК РФ не несут ответственность за укрывательство супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление, а приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем, наказуемы всегда. По УК Республики Беларусь такого отличия нет, субъект обоих преступлений – общий, достигший на момент совершения преступления 16 лет.

Основной признак, по которому в литературе предлагается различать рассматриваемые составы, – содержание их субъективной стороны. Исследователи (А.В. Зарубин, С.А. Дробот, О.И. Семькина, В. Гелашвили, Г. Криволапов, Ш.С. Рашковская, Н.И. Коржанский, А.Н. Мурадов и др.) в один голос заявляют о разнице в целях преступлений. Для заранее не обещанного укрывательства характерно наличие у субъекта цели, направленной на сокрытие преступления, его следов или преступника. Субъект, приобретающий или сбывающий преступно добытое имущество, как правило, преследует цель извлечения материальной выгоды от преступления для се-

бя или других лиц, т.е. корыстную цель. Возразить против этого можно тем, что, во-первых, в диспозициях стст. 236 и 405 УК нет указания на цели как обязательный признак соответствующих преступлений. Во-вторых, при совершении преступления, предусмотренного ст. 236 УК, не всегда преследуется цель извлечения материальной выгоды. С другой стороны, укрыватель может получать определенное вознаграждение за свои действия (в одном из приводившихся примеров из судебной практики упоминалось о том, что укрыватель получил часть похищенных денег).

Общественная опасность лица, совершающего преступление, предусмотренное ст. 236 УК, состоит не в том, что он лично преследует корыстную цель, а в том, по мнению Б. Разгильдиева и С. Мыльников, что он способствует осуществлению корыстных или иных низменных побуждений основного преступника. Укрыватель, если даже и совершает свое деяние по корыстным мотивам, создает условия для продолжения укрываемым лицом преступной деятельности. Основу разграничения названных составов составляют два признака: удовлетворение корыстных или иных низменных побуждений лицом, добывшим имущество заведомо преступным путем (для ст. 236 УК); воспрепятствование укрывателем привлечению такого лица к уголовной ответственности (ст. 405 УК)⁴⁴⁹. Опять же возникает вопрос: а разве субъект преступления, предусмотренного ст. 236 УК, не препятствует привлечению виновного к уголовной ответственности и не способствует продолжению его преступной деятельности? Думается, что и препятствует, и способствует. Кроме того, если мы говорим о наличии низменного мотива как признака состава приобретения или сбыта материальных ценностей, добытых преступным путем, то неужели можно утверждать, что мотивы, относимые авторами к укрывательству, не являются низменными? Следовательно, и это предложение по разграничению составов данных преступлений не выдерживает критики.

Как на критерий разграничения преступлений, предусмотренных стст. 236 и 405 УК, указывается на различие в объеме тех сведений, которыми субъекты этих преступлений обладают относительно основного преступления. Суть различия, как отмечают С.А. Дробот, Г. Криволапов, И.А. Бушуев, И.Х. Хакимов и др., в том, что если для признания лица виновным по ст. 236 УК не требуется знания деталей преступления, а требуется лишь общее представление, что имущество добыто преступным путем, то для ответственности за укрывательство виновный должен сознавать юридические свойства того преступления, сокрытие которого он оказывает содействие. Другими словами, укрыватель должен сознавать харак-

⁴⁴⁹ Квалификация заранее не обещанного укрывательства / С. Мыльников, Б. Разгильдиев // Советская юстиция. 1983. № 15. С. 25; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 71–72.

тер общественной опасности и фактическую сторону преступления, которое он укрывает. Как видим у А.В. Лохвицкого, преступление, предусмотренное ст. 236 УК, «только тогда имеет место, если покупатель знает только, что вещь краденая, и ничего больше; когда же покупатель вещей знает не только о способе их похищения, но и сам случай совершившейся кражи, знает лицо, у которого похищены вещи, то в этом случае в действиях виновного следует признавать настоящее укрывательство, а именно сокрытие следов известного преступления»⁴⁵⁰. Нами отстаивается точка зрения о достаточности для укрывателя общего представления о совершенном преступлении, без знания его деталей. Исходя из этого объем охвата сознанием укрывателя признаков основного преступления не сильно отличается от субъективной стороны приобретателя или сбытчика заведомо добытого преступным путем имущества.

Итак, присоединимся к П.К. Евдокимову в том, что «все попытки найти критерии для отграничения покупки заведомо краденого от укрывательства не приводят к должному результату. Практически же здесь бесполезно искать эту грань, поскольку покупка заведомо краденого во всех случаях полностью сливается с укрывательством похищенного и содействует причинению материального ущерба собственнику этого имущества»⁴⁵¹. Приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, следует считать разновидностью (способом совершения) укрывательства. Какой-либо существенной специфики по сравнению с укрывательством в этом составе не усматривается. В связи с этим целесообразно исключение из УК Республики Беларусь ст. 236 и дополнение ст. 405 новой частью примерно следующего содержания: «3. Заранее не обещанное укрывательство преступлений путем приобретения или сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, либо совершенное из корыстной заинтересованности, наказывается – ...». В такой формулировке учитываются: 1) большая общественная опасность приобретения либо сбыта имущества, добытого преступным путем, так как сохраняется его наказуемость по отношению ко всем преступлениям, с помощью которых получено имущество; 2) более строго наказываются другие действия укрывателей, совершенные с корыстной целью (например, виновный платит укрывателю за то, что последний его скрывает в своем доме).

Действующие редакции стст. 236 и 405 УК надо рассматривать соответственно как специальную и общую нормы. Поэтому недопустима предлагаемая в литературе квалификация данных деяний по совокупности, когда действия лица состоят только в приобретении, сбыте и хранении добы-

⁴⁵⁰ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 167.

⁴⁵¹ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 186.

тых преступным путем материальных ценностей. Не может быть и совокупности преступления, предусмотренного ст. 236 УК, с недоносительством, потому что последнее является неотъемлемой частью укрывательства, а значит, и приобретения либо сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, являющегося видом укрывательства. На это необходимо ориентировать и судебную практику, которая идет по разным путям. Так, гр-не Ч. и С. были осуждены по совокупности преступлений за недоносение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, а Ч. еще и за заранее не обещанное укрывательство этого имущества. Их деяния состояли в том, что С. и Ч., достоверно зная о похищении гр-ном К. легкового автомобиля, не сообщили о совершенном хищении в правоохранительные органы, а затем по предварительному сговору между собой продали его. Гр-н Ч., кроме того, по мнению суда, до момента сбыта укрывал этот автомобиль в гараже своего отца⁴⁵². Привлечение к ответственности за недоносение и укрывательство в данном случае было излишним.

В других случаях суд абсолютно справедливо не усматривает совокупности преступлений, запрещенных стст. 236 и 405 либо 406 УК. Согласно одному из уголовных дел, гр-н Г. приобрел у своих знакомых автомобиль с целью последующей перепродажи, достоверно зная от них, что машина похищена на территории Польши, в связи с чем на нее отсутствуют документы⁴⁵³. По одному из изученных уголовных дел, ошибку в квалификации, допущенную в ходе предварительного следствия, устранил в судебном заседании государственный обвинитель. Гр-н К. был привлечен в качестве обвиняемого по ч. 1 ст. 236 УК за приобретение женской сумки, зная, что она была добыта в ходе совершенного гр-нами Д., М. и Т. грабежа, а также по ч. 1 ст. 405 УК за укрывательство этой сумки, выразившееся в ее хранении по месту жительства. В данном случае прокурор совершенно справедливо отказался от обвинения в укрывательстве, гр-н К. по ч. 1 ст. 405 УК был оправдан⁴⁵⁴.

О совокупности можно говорить, лишь когда действия лица не ограничиваются приобретением, хранением или сбытом материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, а сопровождаются и иными деяниями по сокрытию преступления. Например, гр-н К., зная о похищении автомобиля, помог совершившему хищение гр-ну Б. его разобрать за плату, взял для личного пользования насос и домкрат, находившиеся в автомобиле, и помог отбуксировать его кузов на свалку⁴⁵⁵. Суд установил в присвоении виновным части похищенного имущества признаки его приобретения и хранения (ч. 1 ст. 236 УК), а в остальных действиях – укрыва-

⁴⁵² Архив суда Московского района г. Бреста за 1995 г. Дело № 1/181.

⁴⁵³ Архив суда Брестского района Брестской области за 2004 г. Дело № 1/62.

⁴⁵⁴ Архив суда Ленинского района г. Минска за 2003 г. Дело № 1/269.

⁴⁵⁵ Архив суда Московского района г. Бреста за 2004 г. Дело № 1/752.

тельства (ч. 1 ст. 405 УК). Хотя если получение лицом в собственность похищенного имущества рассматривать как вознаграждение за оказанное содействие по сокрытию преступления, то имеем укрывательство из корыстных побуждений. Именно для того чтобы избежать таких неоднозначных оценок, и предлагается включить приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, в состав укрывательства.

Разновидностью укрывательства также стоит считать легализацию («отмывание») материальных ценностей, заведомо приобретенных преступным путем, так как легализация направлена на сокрытие фактов получения имущества именно этим способом. Такого же мнения придерживаются и некоторые современные исследователи⁴⁵⁶. А.С. Горелик и Л.В. Лобанова выделяют два отличия между рассматриваемыми составами. Во-первых, в ст. 235 УК перечислены такие способы легализации (совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом), которые возможны только в отношении имущественных преступлений, а укрывательство, предусмотренное ст. 405 УК, касается сокрытия любых преступлений и может совершаться также путем других действий. Во-вторых, в ст. 235 УК указана специальная цель: придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами и имуществом, а укрывательство совершается с целью помочь преступнику избежать ответственности. Но такая же цель может преследоваться дополнительно и при легализации (более того, на наш взгляд, в составе легализации, в отличие от укрывательства, цель сокрытия предмета, добытого преступным путем, выражена вполне определенно и составляет суть, направленность преступления). Поэтому если в конкретном случае налицо признаки и легализации, и укрывательства, то применяется ст. 235 УК, исходя из правил разрешения конкуренции общей и специальной нормы. По сравнению с объективной стороной преступления, запрещенного ст. 236 УК, и укрывательства деяние при легализации характеризуется определенной спецификой. Поэтому целесообразно сохранить ответственность за легализацию в отдельной статье уголовного закона, но поместить ее с учетом объекта посягательства в главу 34 «Преступления против правосудия» после ст. 405, показав тем самым, что легализация является особым видом укрывательства.

⁴⁵⁶ Макаров А.Д. Укрывательство, недоносительство и попустительство в современном зарубежном законодательстве // Закон и право. 2004. № 6. С. 43; Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005. С. 214.

4. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОНОСИТЕЛЬСТВО И УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ

4.1. Особенности привлечения к уголовной ответственности за доноительство и укрывательство преступлений

На укрывательство и доношение о преступлении распространяются все нормы Общей части уголовного закона, определяющие основания и условия уголовной ответственности (раздел II УК). Как и для любого иного преступления, привлечение к уголовной ответственности возможно только при наличии в действии (бездействии) лица всех признаков составов, указанных в стст. 405 и 406 УК. Однако имеются и некоторые особенности ответственности укрывателей и доносителей, обусловленные спецификой прикосновенной деятельности.

Укрывательство и доношение, как формы прикосновенности к преступлению, представляют собой умышленную деятельность, связанную с готовящимся, совершаемым или совершенным другими лицами преступлением, лежащую вне данного преступления, не содействующую его совершению. Так как данные деяния не обуславливают совершение преступления, с которым связаны, они имеют меньшую общественную опасность, чем это преступление, в связи с чем меры государственного принуждения к виновным должны применяться более мягкие либо их применение вовсе нецелесообразно. При этом чем большей степенью общественной опасности характеризуется преступление, тем больший вред общественным отношениям может причинить его укрывательство или доношение о нем. Поэтому и ответственность за укрывательство и доношение ставится в зависимость от того, в отношении какого преступления они совершаются. В этом заключается первая особенность привлечения к уголовной ответственности укрывателей и доносителей. Здесь необходимо остановиться на рассмотрении вопроса о круге преступных деяний, доношение и укрывательство которых должно быть уголовно наказуемо.

Согласно УК 1960 года рассматриваемые деяния наказывались лишь в случаях, когда были связаны с преступлениями, исчерпывающий перечень которых содержался в УК (стст. 86, 86¹, 185, 186). Сходным образом сформулирована диспозиция ст. 240 УК Польши, стст. 135 и 136 УК Голландии, § 139 УК Норвегии. По стст. 405, 406 действующего УК наказуемы доношение и укрывательство не отдельных перечисленных преступлений, а их категорий – только тяжких и особо тяжких преступлений. Аналогично решается вопрос об ответственности за доношение и укрывательство в уголовных законах Латвийской Республики (стст. 313, 315), Узбекистана

(ст. 241), Республики Таджикистан (ст. 347), Азербайджанской Республики (ст. 307). Грузинский законодатель посчитал необходимым наказывать укрывательство и недонесение о готовящихся преступлениях, относящихся только к категории особо тяжких (стст. 375, 376). Согласно ст. 103 УК Японии и ст. 151 УК Республики Корея сокрытие преступника влечет ответственность только тогда, если за совершенное им основное преступление предусмотрен денежный штраф или более строгое наказание. По уголовным законам Республики Болгария, Швейцарии, ФРГ, Дании, Аргентины укрывательство наказуемо во всех случаях, независимо от тяжести основного преступления. Недонесение в некоторых государствах вовсе не признается преступлением (Российская Федерация, Украина). Как видим, имеются существенные расхождения в законодательстве различных государств в установлении круга преступлений, недоносительство и укрывательство которых влечет уголовную ответственность.

То же наблюдается и в литературе. Советские исследователи отмечали разночтения в кодексах союзных республик по этому вопросу. Большинство УК использовали перечневый способ, когда путем перечисления устанавливался исчерпывающий список преступлений, укрывательство и недонесение о которых влекло уголовную ответственность. Уголовные кодексы Казахской, Латвийской и Грузинской Союзных Республик устанавливали ответственность за укрывательство, исходя из тяжести наказания, предусмотренного санкцией уголовного закона за укрываемое преступление. Г. Баймурзин, И.А. Бушуев, М.Х. Хабибуллин предпочтению отдавали первому из названных приемов. Если ответственность за недоносительство и укрывательство зависит от размера наказания, тяжести основного преступления, то сфера уголовно наказуемой прикосновенности в ряде случаев расширяется до значительных пределов. Когда же формируется закрытый перечень деяний, прикосновенность к которым наказуема, законодатель располагает наибольшей возможностью в деле правильной оценки характера опасности той или иной преступной деятельности и целесообразности установления ответственности за ее укрывательство и недоносительство о ней⁴⁵⁷. В таком случае имеется возможность учесть и тяжесть основного преступления. Для советского уголовного законодательства было характерно то, что практически все перечисленные деяния, по отношению к которым прикосновенность влекла ответственность, относились к категории тяжких и были по форме вины умышленными. П.К. Евдокимов и В.Г. Смирнов высказывались за наказуемость укрывательства любых пре-

⁴⁵⁷ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 76; Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 15–16; Баймурзин Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 112–113.

ступлений, независимо от степени тяжести⁴⁵⁸, но до настоящего времени это предложение не нашло поддержки законодателя.

Установление уголовной ответственности за недоносительство и укрывательство всех без исключения преступлений нецелесообразно, поскольку многие из них характеризуются незначительной степенью общественной опасности, а соответственно прикосновенность к ним еще менее опасна. Она не достигает того уровня вредоносности, который требовал бы применения суровых мер уголовной ответственности. В то же время и существующий подход вызывает ряд нареканий. Связаны они с тем, что недоносение о преступлении и укрывательство преступлений – деяния умышленные, причем они могут совершаться только с прямым умыслом. Интеллектуальный элемент вины при этом состоит в том, что лицо должно осознавать юридически значимые обстоятельства, характеризующие укрываемое преступление (преступление, о котором не сообщается в компетентные органы) как тяжкое или особо тяжкое. С учетом того, что отнесение преступлений к определенной категории (ст. 12 УК) осуществляется фактически исходя из размера санкции статьи УК, предусматривающей наказание за его совершение, возникает ряд вопросов.

Во-первых, для того чтобы осознавать указанное обстоятельство гражданину, видимо, необходимо иметь определенные познания в области уголовного права или каким-то иным образом быть ознакомленным с соответствующей статьей УК и соотнести ее с положениями ст. 12 УК. Ошибка в определении категории преступления исключает наличие прямого умысла, значит, отсутствует субъективная сторона преступления и лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности. На это указывается и в литературе. Так, Л.В. Лобанова пишет, что формулировка ст. 316 УК Российской Федерации, где предусмотрена ответственность за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений, «не исключает объективное вменение, так как если гражданин еще способен провести грань между преступным и не преступным, то вряд ли ему по силам определить, каким по характеру и степени общественной опасности является укрываемое преступление»⁴⁵⁹.

Во-вторых, затруднительным является доказывание наличия у виновного такого рода осведомленности о характере и степени общественной опасности совершенного (готовящегося) преступления. Более вероятно доказать, что лицо осознавало признаки элементов состава этого преступления (прежде всего его объективной стороны), о которых ему стало достоверно известно от самого преступника, непосредственного восприятия со-

⁴⁵⁸ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 215; Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. С. 258.

⁴⁵⁹ Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005. С. 210.

бытия преступления или из других источников. С этой точки зрения более целесообразным является подход к установлению уголовной ответственности за недоносительство и укрывательство, который наблюдался в УК 1960 года, то есть перечневый прием.

При формировании перечня преступлений, укрывательство и недоносительство о которых должно быть уголовно наказуемым, следует принимать во внимание несколько критериев.

Основным, традиционно выделяемым критерием является тяжесть (характер и степень общественной опасности) основного преступления. В законодательстве закреплено и поддерживается в науке установление уголовной ответственности лишь за прикосновенность к тяжким и особо тяжким преступлениям. В связи с этим показательна дискуссия, ведущаяся среди российских исследователей. Уже отмечалось, что многие из них выступают против декриминализации недоношения о преступлении. Кроме того, в диссертационных работах и публикациях последних лет настойчиво предлагается ввести ответственность за укрывательство не только особо тяжких преступлений, но и относящихся к другим категориям (А.П. Козлов, Н. Косякова, А.Д. Макаров, Л.В. Лобанова, Р.М. Кашапов, В.Г. Трифонов, Е.В. Пономаренко). Такие предложения тем более важны для нас, что Республики Беларусь и Российская Федерация стремятся к созданию единого Союзного государства с унифицированным законодательством.

Правовой основой интеграционных процессов между Республикой Беларусь и Российской Федерацией является прежде всего Договор о создании Союзного государства (подписан в Москве 8 декабря 1999 года, ратифицирован Законом Республики Беларусь от 24 декабря 1999 года № 343-З). В соответствии с ним Республика Беларусь и Российская Федерация создают Союзное государство, одной из целей которого названо формирование единой правовой системы демократического государства. К совместному ведению Союзного государства и государств-участников среди прочего отнесена гармонизация и унификация законодательства государств-участников. Исходя из содержания Программы действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства унификацию можно определить как работу по согласованию единых правовых норм, положений, терминов и понятий, связанных с регламентацией общественных отношений, которые закрепляются в Основах законодательства Союзного государства.

Действующие Уголовные кодексы Республики Беларусь и Российской Федерации характеризуются по своему содержанию значительным сходством, что объясняется их общей основой в виде положений советского уголовного права, а также общепризнанных принципов и норм междуна-

родного права. Вместе с тем имеются существенные расхождения в установлении преступности и наказуемости отдельных общественно опасных деяний. Это касается уголовно-правовой регламентации недонесения о преступлении и укрывательства преступлений. Если для белорусского уголовного законодательства характерно установление запрета на совершение обоих деяний, то российский УК предусматривает ответственность лишь за укрывательство. Причем уголовно наказуемым является укрывательство только особо тяжких преступлений (ст. 316 УК Российской Федерации), в то время как в ст. 405 УК Республики Беларусь это распространяется и на совершение аналогичного деяния в отношении тяжкого преступления. Кроме того, наблюдается различный подход в определении круга лиц, могущих быть субъектами преступления: российский законодатель исключает из их числа супруга и близких родственников лица, совершившего укрываемое преступление.

Согласно ч. 5 ст. 14 Договора о создании Союзного государства, граждане Союзного государства пользуются равными правами и несут равные обязанности на территории другого государства-участника, если иное не предусмотрено законодательными актами государств-участников, договорами между ними. Сравнение упоминавшихся норм УК Республики Беларусь и Российской Федерации свидетельствует о наличии такого «иногo» случая, поскольку очевидно явное неравенство обязанностей граждан двух государств в области их участия в борьбе с преступностью. Подобная деятельность является в большей мере моральным долгом и трансформируется в правовую обязанность лишь в случаях, прямо предусмотренных законом, в том числе путем установления уголовно-правового запрета на совершение ряда деяний под угрозой привлечения к ответственности. Для белорусских граждан таких запретов в УК установлено больше. Отсюда возникает ряд вопросов по поводу того, каким образом будет распространяться действие норм Уголовных кодексов государств – участников Союзного государства на граждан одного из них, когда деяние, содержащее признаки недонесения о преступлении или укрывательства тяжкого преступления, которые наказуемы по УК Республики Беларусь и ненаказуемы по УК Российской Федерации, совершаются ими на территории другого государства-участника либо данные лица находятся на этой территории. В частности, рассмотрим ситуацию, когда основное преступление совершено на территории Республики Беларусь, следовательно, деятельность по его укрывательству или недонесению о нем направлена против интересов белорусского правосудия, а виновный находится на территории Российской Федерации. По нормам ныне действующего уголовного законодательства двух стран Республика Беларусь не сможет требовать привлечения к ответственности такого лица, являющегося гражданином

России, так как: 1) согласно ч. 1 ст. 13 российского УК граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству; 2) эти деяния не признаются преступными по УК Российской Федерации, поэтому совершение их на территории России не влечет ответственность.

Что касается белорусских граждан, виновных в недоносительстве и укрывательстве и находящихся на территории Российской Федерации, то они также не могут быть привлечены к уголовной ответственности, потому что в соответствии с требованиями Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписана государствами – участниками СНГ в г. Минске 22 января 1993 года) выдача лица, совершившего преступление, для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, которые по законам запрашивающей и запрашиваемой сторон являются наказуемыми и за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание. Таким образом, с точки зрения уголовного законодательства Республики Беларусь лицо, виновное в совершении преступления, остается безнаказанным.

Представляется необходимым в Основах уголовного законодательства Союзного государства внести единообразие в определение признаков рассматриваемых преступлений, четко установить порядок привлечения к уголовной ответственности граждан Союзного государства на территориях государств-участников, чтобы соблюдался принцип неотвратимости уголовной ответственности. Способом достижения этого может стать полная (частичная) декриминализация либо криминализация указанных деяний соответственно в УК Республики Беларусь или Российской Федерации. Наиболее оптимальный вариант на данный момент – введение уголовной ответственности в России за недонесение о преступлении и укрывательство тяжких преступлений. Здесь учитывается мнение многих российских ученых, которые выступают, как было показано, за такие изменения УК, и это соответствует нормам УК Республики Беларусь.

Специалистам в области административного права можно предложить для обсуждения вопрос об установлении административной ответственности за недонесение и укрывательство менее тяжких преступлений и преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

Еще один критерий для выделения круга преступлений, прикосновенность к которым подлежит наказанию, – это особенности и эффективность раскрытия и расследования основного преступления. Присоединимся к тем авторам, которые не признают его существенным: «Ясно, что этот момент – степень эффективности укрывательства, роль его в затруднении раскрытия преступного деяния не может быть основанием ответственности

укрывателя, ибо он не выражается существа укрывательства, тем более что это обстоятельство – эффективность укрывательства – зачастую зависит от умения конкретных органов правосудия вести расследование и раскрытие преступления»⁴⁶⁰. Б.Т. Разгильдиев указывает на то, что в настоящее время нет критериев для выявления эффективности раскрываемости преступлений. Сложность раскрытия – это признак, характеризующий не только и не столько преступление, сколько органы и лиц, занимающихся их расследованием. Эффективность раскрытия зависит от уровня профессионального мастерства, технической оснащенности, организованности действий органов правосудия. Если в отдельных случаях названные свойства не в полной мере присущи органам расследования и суда, то вряд ли целесообразно восполнять такого рода пробелы посредством расширения уголовной репрессии⁴⁶¹.

Особенности раскрытия подразумевают сложности в выявлении отдельных видов преступлений, обусловленные спецификой способов их совершения, личностью виновного и т.п. Однако процессуальная сторона раскрытия преступления также не является решающим и определяющим фактором при установлении ответственности за укрывательство и недоносительство. Законодательной практике известны случаи наказуемости укрывательства и недоносительства в отношении деяний, которые довольно легко раскрываются⁴⁶². По мнению А.В. Баркова, вопрос не в том, легко или трудно раскрыть преступление данного вида. Это зависит от особенностей уголовного дела в каждом конкретном случае. Законодатель стремится прежде всего к обеспечению неотвратимости наказания за тяжкие преступления, и нормы об ответственности за укрывательство и недоносительство являются дополнительной гарантией достижения этой цели⁴⁶³.

Включая то или иное деяние в перечень преступлений, прикосновенность к которым наказуема, нельзя забывать слова М.И. Ковалева о том, что «следует учитывать и то, как описан в законе состав преступления, недоносение о котором предполагается наказывать в уголовном порядке. Описание признаков состава должно быть четким. Признаки эти должны быть общеизвестными и относиться к признакам фактического, а не юридического порядка. Признаки состава, являющиеся чисто юридическими понятиями, не могут служить в качестве обстоятельств, знание о которых могло бы быть основанием для привлечения к ответственности за недоне-

⁴⁶⁰ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 210.

⁴⁶¹ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 32–33.

⁴⁶² Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 42–43.

⁴⁶³ Барков А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. Минск, 1980. С. 86.

сение... Знание и понимание обстоятельств чисто юридического свойства может сложиться только в результате знакомства с теорией уголовного права и судебной практикой. Этого, разумеется, нельзя требовать от всех граждан без исключения»⁴⁶⁴. В частности, для лица, не имеющего специальной подготовки, затруднительно уяснение сути категорий преступлений, чем, среди прочего, обосновывается необходимость возврата к перечневому приему в описании преступлений, недоносительство и укрывательство которых преследуется в уголовном порядке. То же справедливо и для выделения преступлений, подлежащих включению в перечень. Сам М.И. Ковалев приводит пример в отношении признака повторности. Действительно, даже специалисты в области уголовного права не всегда правильно могут его установить, не говоря уже о частном лице. Правы в этом смысле А. Захожий и И. Гонтарь, указывающие на то, что лицо, не сообщаящее о преступлении или укрывающее его, воспринимает не преступление вообще, а объективно проявляющиеся признаки конкретного общественно опасного деяния. Юридическая оценка деяния не охватывается сознанием укрывателя (недоносителя). Авторы считают, что, конструируя составы укрывательства и недоносительства, целесообразно связывать наступление уголовной ответственности не с перечислением преступлений, предусмотренных той или иной статьей УК, а с конкретными признаками этого преступления (например, укрывательство кражи, совершенной группой лиц). При этом должны исключаться признаки, для правильной оценки которых необходимы специальные познания: насилие, опасное для жизни и здоровья, повторность, должностное лицо, занимающее ответственное положение, и т.д.⁴⁶⁵

Можно согласиться с А.П. Козловым в том, что не менее значимыми критериями являются: важность объекта укрываемого посягательства (жизнь, здоровье, свобода человека, физическое и нравственное здоровье детей); распространенность ряда преступлений и актуальность борьбы с ними, в частности, с вымогательством, мошенничеством, разбоями, грабежами, кражами⁴⁶⁶. О важности объекта основного преступления свидетельствует и судебная практика: абсолютное большинство изученных уголовных дел об укрывательстве и недонесении были связаны с прикосновенностью к убийствам и разбойным нападениям, которые непосредственно создают угрозу жизни и здоровью человека. Так, доля укрывательства убийств составила около 66,7% от общего числа изученных дел, почти 26,7% – укрывательство квалифицированных краж и грабежей, 6,6% при-

⁴⁶⁴ Ковалев М.И. Об ответственности за укрывательство и недоносительство // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 105.

⁴⁶⁵ Ответственность за укрывательство и недоносительство о преступлениях / А. Захожий, И. Гонтарь // Социалистическая законность. 1983. № 2. С. 50–51.

⁴⁶⁶ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 101.

ходится на укрывательство умышленного причинения тяжкого телесного повреждения. По недонесению цифры выглядят следующим образом: не-сообщение о разбое имело место в 58,3% случаях, об убийствах – в 25%, остальные 16,7% составило недонесение о квалифицированных кражах.

Кроме того, на наш взгляд, при определении пределов наказуемости недоносительства и укрывательства необходимо также учитывать состояние преступности в государстве, ее динамику. Проведенные О. Бажановым исследования показывают, что в Республике Беларусь значительная часть преступлений остается латентной либо регистрируется, но не раскрывается. Например, на конец 2000 года около 350 тыс. преступлений прошлых лет остались нераскрытыми (в том числе более 1 000 убийств, 2,7 тыс. тяжких телесных повреждений, 18 тыс. грабежей, около 3 тыс. разбоев, более 27 тыс. краж и ряд других преступлений). Наиболее распространенными видами являются преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности, составляющие более 70% всех преступлений, совершаемых в республике. В наибольшей степени криминализации подвержены сферы предпринимательства, государственной службы и некоторые другие. Э.А. Саркисова приводит такие данные о раскрываемости отдельных категорий преступлений: убийств (вместе с покушениями на убийство) было раскрыто в 2001 г. 89,9%, в 2002 г. – 92,4%, в 2003 г. – 93,1%, в 2004 г. – 95,1%. Примерно такой же процент раскрываемости изнасилований (вместе с покушениями на изнасилование) – в 2001 г. – 92,3%, в 2002 г. – 94,9%, в 2003 г. – 93,6%, в 2004 г. – 96,1%. Значительно меньше раскрывается разбоев (в 2001 г. – 59,5%, в 2002 г. – 56,0%, в 2003 г. – 55,5%, в 2004 г. – 73,5%). Наиболее низкий процент раскрываемости краж: в 2001 г. – 43,2%, в 2002 г. – 42,5%, в 2003 г. – 40,6%, в 2004 г. – 42,7%⁴⁶⁷. Изучение состава осужденных в зависимости от совершенных преступлений показывает, что большинство из них совершили корыстные и корыстно-насильственные преступления. Например, если взять среднегодовое число осужденных за 10 лет (1991–2000 гг.), то доля лиц, осужденных за кражу, составляет 44,6%; за грабежи, разбой и вымогательство – 7,8%; хищения путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением – 5,1%; мошенничество – 0,8%; должностные преступления – 0,6%. Всего эта группа осужденных составляет примерно 59%⁴⁶⁸.

Анализ отчетов о работе судов первой инстанции в Брестской области по рассмотрению уголовных дел в 2004–2007 годах также показал, что абсолютное большинство из поступавших в суды дел составляют преступления против собственности. В 2004 году они составили 3 507 уголовных дел

⁴⁶⁷ Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск, 2005. С. 354.

⁴⁶⁸ Бажанов О. Состояние преступности в Республике Беларусь и проблемы совершенствования уголовной политики // Юстиция Беларуси. 2003. № 1. С. 30.

из 8 161 поступивших (43%), в 2005 году – 4 094 из 9 488 (43%), в 2006 году – 4 092 из 9 180 (44,6%), в 2007 году – 3 763 из 9 155 (41%). Самыми распространенными среди преступлений против собственности являлись кражи (соответственно годам – 2 477, 2 811, 2 794 и 2 470 уголовных дел) и мошенничества (155, 267, 250 и 294 уголовных дела).

Столь широкая распространенность корыстных преступлений требует усиления мер по борьбе с ними, а достаточно большой уровень их латентности обуславливает необходимость стимулирования участия в этом граждан. По действующему законодательству наказываемся недонесение и укрывательство только тех корыстных преступлений, которые относятся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, а это (за исключением разбоя) – лишь квалифицированные и особо квалифицированные составы хищений. С учетом того, что укрыватель или недонеситель должен действовать (бездействовать) с прямым умыслом, включающим сознание наличия предусмотренных в законе квалифицирующих признаков в готовящемся или совершенном преступлении, получается, что прикосновенное лицо понесет ответственность в очень редких случаях. Поэтому представляется возможным поставить вопрос об установлении уголовной ответственности за недонесительство и укрывательство наиболее распространенных корыстных преступлений, независимо от их категории (прежде всего это должно касаться краж, грабежей, вымогательств и других хищений).

Итак, укрывательство и недонесительство должно быть наказуемо только в отношении ограниченного числа преступных деяний, которые: 1) характеризуются значительной общественной опасностью (как правило, относятся к категориям тяжких и особо тяжких); 2) посягают на наиболее важные объекты (жизнь, здоровье человека, нормальное развитие несовершеннолетних, отношения собственности, общественную безопасность и здоровье населения и т.п.); 3) достаточно распространены, в силу чего требуется расширение сферы взаимодействия органов правосудия и ответственности в борьбе с ними; 4) признаки этих преступлений ясны и понятны любому без наличия каких-либо особых познаний в области уголовного права. С учетом этого перечень таких преступлений может быть дополнен, например неквалифицированными хищениями, умышленным причинением менее тяжкого телесного повреждения. С другой стороны, признаки не всех тяжких и особо тяжких преступлений могут быть уяснены специалистом. Допустим, составы нарушения законов и обычаев войны или преступных нарушений норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов вряд ли понятны каждому; даже для специалиста порой затруднительно разграничить похищение человека, захват заложника и незаконное лишение свободы и т.п.

При проведении социологического опроса среди 275 человек нами был предложен вопрос, следует ли привлекать к уголовной ответственности за недонесение и укрывательство конкретных видов преступлений. Полученные положительные ответы отражены в таблице:

Виды преступлений	Недонесение	Укрывательство
Убийство	249 (90,5%)	258 (93,8%)
Изнасилование	236 (85,8%)	250 (90,9%)
Похищение человека	236 (85,8%)	251 (91,3%)
Оскорбление	40 (14,5%)	55 (20%)
Разбой	191 (69,5%)	200 (72,7%)
Кража	171 (62,2%)	185 (67,3%)
Контрабанда	160 (58,2%)	179 (65,1%)
Терроризм	234 (85,1%)	238 (86,5%)
Незаконный оборот наркотических средств	210 (76,4%)	225 (81,8%)
Хулиганство	99 (36%)	107 (38,9%)
Измена государству	178 (64,7%)	182 (66,2%)
Злоупотребление властью или служебными полномочиями	155 (56,4%)	158 (57,5%)
Получение или дача взятки	128 (46,5%)	134 (48,7%)

Как видно, в целом граждане осознают больший характер общественной опасности укрывательства (по всем пунктам наблюдаются более высокие цифры по сравнению с наказуемостью недоносительства). Интересно то, что получены достаточно высокие показатели, хотя многие из названных преступлений не относятся к категориям тяжких или особо тяжких (преимущественно их основные составы).

С рассмотренной особенностью привлечения к уголовной ответственности за недоносительство и укрывательство (ограниченный круг основных преступлений, в связи с которыми они совершаются и наказуемы) связано еще одно – преюдициальное значение первичного преступления для привлечения к ответственности за его укрывательство или недонесение об этом преступлении. Речь идет о том, требуется ли вступление в законную силу приговора суда по основному преступлению, для того чтобы привлекать к ответственности недоносителя или укрывателя данного преступления. Н.А. Носкова утверждает: «Привлечение недоносителя к ответственности не зависит от того, в какой стадии находится уголовное дело основного преступника – ведется ли по нему следствие или оно уже рассматривается в суде. Дело в отношении недоносителя может быть возбуждено в любое время (в соответствии с процессуальными нормами), когда стано-

вится известно о факте недонесения»⁴⁶⁹. На аналогичных позициях стоит судебная практика: из 31 изученного уголовного дела о недоносительстве и укрывательстве лишь по двум из них привлечение к ответственности прикосновенных лиц производилось уже после осуждения основных преступников; в одном случае деяние укрывателя рассматривалось судом самостоятельно в силу признания невменяемым лица, совершившего исходное преступление; по четырем делам суд переквалифицировал содеянное с соучастия в преступлении на прикосновенность. В остальных же случаях дело о недоносительстве или укрывательстве расследовалось и рассматривалось в одном производстве с первичным преступлением.

Более сложное решение предлагает М.Х. Хакимов. Он считает, что деяния лиц, прикосновенных к хищению, находятся в причинной и виновной связи с действиями преступника после совершенного им преступления, и различает два вида такой связи: двухстороннюю – при укрывательстве, одностороннюю – при недоносительстве и попустительстве. Когда прикосновенное лицо имеет одностороннюю связь с совершенным преступлением, достаточно факта события соответствующего преступления, прикосновенность к которому по закону наказуема. При этом не требуется, чтобы кто-либо был привлечен к ответственности в связи с данным преступлением (например, совершивший его может находиться в розыске). Если же прикосновенное лицо имеет внешнюю двухстороннюю связь с лицами, непосредственно совершившими преступление, необходимо, чтобы они были привлечены к уголовной ответственности за соответствующее преступление, прикосновенная деятельность к которому по закону наказуема. Поэтому при односторонней связи с совершенным преступлением, если дело по нему будет прекращено на предварительном следствии или судом, или по делу будет вынесен оправдательный приговор, или изменится квалификация преступления и в связи с этим отпадает наказуемость за прикосновенность, не встает вопроса об ответственности за прикосновенность. В случаях двухсторонней связи между действиями основных преступников и поведением прикосновенного лица, если основные преступники освобождаются от ответственности или их действия будут переквалифицированы на другую статью УК, по которой прикосновенность не наказуема, это влечет и освобождение прикосновенного лица от уголовной ответственности⁴⁷⁰.

С рассматриваемым условием привлечения к уголовной ответственности недоносителей и укрывателей связан вопрос о наказуемости прикосновенности к преступлению, совершенному невменяемым, а также лицами,

⁴⁶⁹ Носкова Н.А. Ответственность граждан за преступления против правосудия. М., 1975. С.19.

⁴⁷⁰ Хакимов И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества. Ташкент, 1982. С. 26–28.

не достигшими установленного возраста уголовной ответственности. Наиболее часто в литературе встречается по этому поводу точка зрения, согласно которой виновный в заранее не обещанном укрывательстве или недоносительстве подлежит в таких случаях уголовной ответственности⁴⁷¹. В. Илюхин, хоть и указывает на то, что норма уголовного закона, предусматривающая ответственность за недонесение, отсылочная и для ее применения требуется установление всех признаков составов указанных в ст. 406 УК преступлений (а при отсутствии субъекта, состава преступления нет), все же настаивает на необходимости привлечения недоносителя к уголовной ответственности в таких ситуациях. Сопоставляя бездействие лица в отношении общественно опасных деяний невменяемых с недоносительством, влекущим уголовную ответственность, В. Илюхин приходит к выводу, что они по своим социальным характеристикам ничем не отличаются друг от друга. Во-первых, в обоих случаях субъект общественно опасен. Во-вторых, и в том и в другом случае лицо осознает, что подготавливается или совершается общественно опасное деяние, но умышленно о нем не сообщает компетентным органам⁴⁷².

М.Х. Хабибуллин обращается в связи с этим к нормам уголовно-процессуального законодательства, в соответствии с требованиями которого по делам об общественно опасных деяниях невменяемых, а также о преступлениях лиц, заболевших душевной болезнью после совершения преступления, обязательно производство предварительного следствия. В судебном заседании при обсуждении вопроса о применении принудительных мер безопасности и лечения должны быть приведены доказательства, устанавливающие или опровергающие совершение данным лицом общественно опасного деяния (глава 46 УПК). Поэтому лицо, не сообщившее о достоверно известном готовящемся или совершенном общественно опасном деянии невменяемого, своим поведением нарушает интересы правосудия, следовательно, оно может подлежать ответственности за недонесение⁴⁷³.

Это обстоятельство отмечают А. Захожий и И. Гонтарь: «Назначение института прикосновенности в социальном плане – служить обеспечению успешной борьбы с наиболее опасными преступлениями. Но ведь деяния, в которых отсутствует субъект в уголовно-правовом смысле, сами по себе приносят значительный вред обществу. Поэтому в сферу деятельности органов расследования включены деяния, совершенные лицом, не достигшим

⁴⁷¹ Гелашвили В.С. Заранее не обещанное укрывательство – преступление против правосудия // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1978. № 3. С. 78; Трифонов В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук : 12.00.08. СПб., 2000. С. 9.

⁴⁷² Илюхин В. Некоторые вопросы ответственности за недоносительство // Советская юстиция. 1980. № 7. С. 27.

⁴⁷³ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 85–86.

возраста уголовной ответственности, или невменяемым. Вполне понятно, что и здесь органам предварительного расследования необходимы меры уголовно-правовой защиты по обеспечению беспрепятственного получения сведений о такого рода общественно опасных деяниях»⁴⁷⁴.

Как показывает практика, судебные органы придерживаются той же позиции. Гр-н Н. был осужден по ч. 2 ст. 405 УК за заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления путем сокрытия орудий и средств совершения убийства, хотя гр-н П., лишивший жизни потерпевшего, был освобожден от уголовной ответственности с применением принудительных мер безопасности и лечения. Суд установил, что П. во время совершения инкриминируемого ему общественно опасного деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК, находился в состоянии временного расстройства психики в форме психотического расстройства вследствие злоупотребления алкоголем, что лишало его возможности сознавать фактический характер и общественную опасность его действия или руководить им, и признал его невменяемым⁴⁷⁵.

Как и названные авторы, выступая против акцессорной природы прикосновенности к преступлению, считаем, тем не менее, необходимым признавать обязательное преюдициальное значение привлечения к уголовной ответственности основного преступника как условия последующего наказания недоносителя или укрывателя. Несомненно, деяние невменяемого или лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, представляет общественную опасность и должно быть расследовано, но, тем не менее, преступлением не является. На это указывает и сам суд, который в приведенном примере действие П. называет не преступлением, а общественно опасным деянием. Тогда почему он осуждает Н. за укрывательство особо тяжкого преступления, которое, выходит, не было совершено?

В стст. 405 и 406 УК говорится об укрывательстве и недонесении соответственно только преступлений определенных категорий. Согласно закону прикосновенность к иным преступлениям и общественно опасным деянием не должна быть наказуема. Иное толкование недопустимо, так как противоречит принципам уголовного закона и уголовной ответственности, закрепленным в ст. 3 УК. Согласно ст. 26 Конституции Республики Беларусь никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Следовательно, не может ставиться вопрос о прикосновенности к преступлению, пока факт совершения этого преступления не установлен в обвинительном приговоре суда,

⁴⁷⁴ Ответственность за укрывательство и недонесительство о преступлениях / А. Захожий, И. Гонтарь // Социалистическая законность. 1983. № 2. С. 50.

⁴⁷⁵ Архив суда Барановичского района и г. Барановичи Брестской области за 2003 г. Дело № 020220500306.

вступившем в силу, поскольку до этого момента, в соответствии с законодательством, преступления нет. Таким образом, следует считать обязательным условием привлечения к уголовной ответственности за укрывательство или недонесение о преступлении наличие вступившего в законную силу приговора суда, которым подтверждается факт совершения (покушения, приготовления) основного преступления. Такой приговор будет иметь преюдициальное значение при рассмотрении дела об укрывательстве или недонесительстве.

Оправдательный приговор по первому делу исключает привлечение к ответственности за прикосновенность. Отсутствие состава основного преступления свидетельствует о невозможности прикосновенности к нему. И это не акцессорность ответственности прикосновенного лица, а норма закона, в котором прямо указано на причастность только к преступному, а не к любому общественно опасному деянию. Если же лицо укрывает или не сообщает о деянии невменяемого (лица, не достигшего возраста уголовной ответственности), имеет место ошибка с его стороны, а значит, права Л.В. Лобанова, что ответственность должна наступать за покушение на укрывательство или недонесение.⁴⁷⁶ При таком решении учитываются и интересы правосудия, об ущемлении которых шла речь в приводившихся ранее цитатах, так как виновный наказывается, и не нарушаются нормы закона, предусматривающие прикосновенность лишь к деяниям, имеющим все признаки конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления.

Соответственно из ч. 1 ст. 164 УПК необходимо исключить возможность соединения в одном производстве уголовного дела о совершенном преступлении и дела по обвинению в заранее не обещанном укрывательстве этого преступления или недонесения о них.

Итак, к особенностям привлечения к уголовной ответственности за укрывательство преступлений или недонесение о преступлении относятся:

- 1) ограниченный круг основных преступлений, в связи с которыми недонесительство и укрывательство совершаются и влекут уголовную ответственность;
- 2) наличие уголовной преюдиции, то есть вступившего в законную силу обвинительного приговора суда по этому преступлению;
- 3) отсутствие в действии или бездействии признаков соучастия, то есть виновной и причинной связи с основным преступлением, совершение недонесения и укрывательства без предварительного (данного до или во время совершения основного преступления) обещания этих деяний.

⁴⁷⁶ Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005. С.209; Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности : дис. ... доктора юрид. наук : 12.00.08. Казань, 2000. С. 147–148.

При отсутствии хотя бы одного из названных условий лицо либо вообще не подлежит уголовной ответственности, либо наказывается не за прикосновенность к преступлению, а по другим статьям УК (за соучастие).

4.2. Уголовная ответственность за недоносительство и укрывательство преступлений и некоторые вопросы Общей части уголовного права

Остановимся на взаимосвязи изучаемых составов недоносительства и заранее не обещанного укрывательства с основными институтами Общей части уголовного права.

Во-первых, проанализируем, как проявляется применительно к недоношению и укрывательству учение о стадиях совершения умышленного преступления. Здесь следует рассмотреть два аспекта: возможно ли недоносительство и укрывательство приготовления либо покушения на преступление, а также может ли иметь место предварительная преступная деятельность в прикосновенности.

В ст. 10 УК названы четыре равнозначных основания уголовной ответственности – совершение запрещенного УК деяния в виде оконченного преступления, приготовления к совершению преступления, покушения на совершение преступления и соучастия в совершении преступления. Не вызывает сомнений обязательность привлечения к уголовной ответственности лица, укrywшего или не сообщившего об оконченном преступлении либо преступлении, совершенном в соучастии, что подтверждает и судебная практика. Если же основной преступник виновен лишь в приготовлении к преступлению или покушении на него, то возникают вопросы об ответственности прикосновенных к этим деяниям лиц.

Согласно уголовному закону наказуемо укрывательство тяжкого или особо тяжкого преступления и недоношение о готовящемся тяжком либо особо тяжком преступлении, а также о совершенном особо тяжком преступлении. Из этого можно заключить, что законодатель прямо закрепляет возможность недоносительства как об оконченном, так и неоконченном преступлении (а именно приготовлении к преступлению, о необходимости четко определить в ст. 406 УК признаки недоношения о совершаемом преступлении говорилось ранее). Более того, от стадии совершения основного преступления зависит мера ответственности недоносителя: несообщение о готовящемся преступлении признается более общественно опасным и соответственно наказывается строже.

Что касается укрывательства преступлений, то здесь однозначного ответа в норме закона не дается. Буквальное понимание термина «преступ-

ление» приводит к выводу, что укрывательство допускается только в отношении оконченного преступления указанных категорий. Примеров осуждения за прикосновенность в форме укрывательства к приготовлению или покушению на преступление среди изученных уголовных дел нами не обнаружено, хотя с теоретической точки зрения такие случаи вполне возможны. И.А. Бушуев в связи с этим пишет: «Укрывательства преступления в стадии приготовления к преступлению быть не может, укрывательство предполагает соответствующие активные действия после совершения преступления. Если же укрывательство было обещано заранее, до совершения преступления, то оно становится соучастием. По тем же соображениям не может иметь место укрывательство и в стадии неоконченного покушения. При оконченном же покушении может идти речь об укрывательстве лишь постольку, поскольку прикосновенное лицо не допускает возможности очередного посягательства на объект. Если, однако, укрыватель предполагал, что преступник, не попавший на этот раз в жертву, предпримет очередную попытку лишить жизни другое лицо и укрывает его, то он также должен рассматриваться как пособник убийству и привлекаться к ответственности за соучастие в нем. В подобных случаях мы имеем дело с такими действиями укрывателя, которые по существу устраняют препятствия на пути совершения преступления»⁴⁷⁷.

Действительно, укрывательство всегда по времени следует после совершения основного преступления, но категорично утверждать о невозможности совершения укрывательских действий в отношении неоконченного преступления, думается, нельзя. Как, к примеру, квалифицировать случаи, когда лицо приобретает оружие для убийства, но о его намерении становится известно правоохранительным органам, и виновному удается избежать задержания только при содействии третьего лица, до этого ничего не знавшего о готовящемся преступлении? Имеются все признаки приготовления к убийству, преступная деятельность пресечена по не зависящим от виновного обстоятельствам, который в силу объективных причин не может довести преступное намерение до конца, останавливается на совершенном. Основание уголовной ответственности за первичное деяние имеется. Так почему же в данном случае нет укрывательства? Аналогичные примеры можно сконструировать и по укрывательству покушения на преступление. Итак, вопреки мнению И.А. Бушуева, практически возможны ситуации заранее не обещанного укрывательства неоконченного преступления. Согласимся лишь с тем, что при этом требуется наличие ряда обязательных условий: 1) отсутствие заранее данного обещания укрыть преступление; 2) убежденность укрывателя в том, что основное деяние не

⁴⁷⁷ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и доноительство. М., 1965. С. 121–122.

будет продолжено, ограничится стадией приготовления или покушения. При осознании лицом того, что преступление находится в процессе совершения и данный процесс развивается далее, его действия становятся в причинную и виновную связь с основным преступлением и должны расцениваться как пособничество.

Соккрытие приготовления к преступлению или покушения на преступление способно затруднить деятельность органов правосудия по расследованию и рассмотрению этих деяний, привлечению к ответственности виновных, а потому должно наказываться. Неоконченная преступная деятельность в некоторых случаях представляет не меньшую общественную опасность, чем многие преступления оконченные, особенно если мы говорим о приготовлении или покушении на совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления. Таким образом, на наш взгляд, не имеется препятствий к тому, чтобы признавать уголовно наказуемым деянием заранее не обещанное укрывательство приготовления к тяжкому или особо тяжкому преступлению либо покушения на них.

С точки зрения общих положений уголовного права при заранее не обещанном укрывательстве, как преступлении умышленном, вполне возможна предварительная преступная деятельность. С этим соглашается большинство исследователей. М.Х. Хакимов приводит даже соответствующие примеры: а) приготовления: укрыватель может приготовить убежище для преступника или специальное хранилище для сокрытия похищенных предметов, однако ввиду задержания преступника или изъятия похищенных предметов он не сможет осуществить свое преступное намерение; б) покушения на заранее не обещанное укрывательство: укрыватель, встретившись с преступником, хотел ввести его в свой дом, а в этот момент преступника могли задержать или действие укрывателя могло быть прервано во время передачи ему преступником орудия взлома или в момент приема похищенных предметов для реализации и т.д.⁴⁷⁸ Однако при этом следует помнить, что укрывательство отнесено к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности, следовательно, приготовление к нему на основании ч. 2 ст. 13 УК Республики Беларусь уголовную ответственность не влечет. Покушение на заранее не обещанное укрывательство преступлений практически зачастую не представляет существенной общественной опасности, образует малозначительное деяние, в силу чего также ответственности не влечет, хотя это, как замечает Н.Г. Радунцева, «не должно ставить под сомнение возможность осуждения за покушение на заранее не обещанное укрывательство»⁴⁷⁹.

⁴⁷⁸ Хакимов И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества. Ташкент, 1982. С. 50–51.

⁴⁷⁹ Радунцева Н.Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 13.

По-другому выглядит ситуация в отношении недонесения о преступлении. Здесь о предварительной преступной деятельности говорить не приходится. Поскольку недонесение представляет собой чистое бездействие, то не может быть приготовления и покушения на такое преступление⁴⁸⁰. Имея формальный состав, недонесение признается оконченным с самого начала преступного бездействия, независимо от его продолжительности. Отсюда и невозможность покушения на его совершение. Тяжело себе представить, как можно готовиться к несообщению, умолчанию об обстоятельствах основного преступления. Поэтому присоединимся к мнению И.А. Бушуева, согласно которому стадии преступления при недонесительстве, во-первых, трудно конструируемы, во-вторых, при этом преступлении вся предшествующая моменту окончания преступления деятельность лица не имеет уголовно-правового значения, она не содержит признаков преступления⁴⁸¹.

Следственные органы и суды в целом правильно разграничивают прикосновенность к преступлению в форме недонесения или укрывательства и соучастие в преступлении. Например, было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении гр-на В. по факту соучастия с гр-ном Б. в убийстве из корыстных побуждений с особой жестокостью в процессе разбойного нападения за отсутствием в его действиях признаков состава преступления. В ходе предварительного расследования было установлено, что Б. предложил В. остановить автомобиль, в котором кроме них находился потерпевший Г., под предлогом устранения незначительных неполадок машины. Пока В. занимался ремонтом, Б. заранее приготовленными молотком и лопаткой нанес многочисленные ранения потерпевшему, приведшие к его смерти. Гр-ну В. не было ничего известно о преступных планах Б., в применении физического насилия к Г. он участия не принимал. Уже после наступления смерти потерпевшего В. оказал содействие в сокрытии его тела: привез бензин для сожжения трупа. В итоге В. абсолютно правильно был осужден по ч. 2 ст. 405 УК⁴⁸². В других случаях ошибки, допущенные при квалификации, исправляются высшими судебными органами. Так, суд первой инстанции признал гр-ку М. виновной в пособничестве в совершении разбоя группой лиц по предварительному сговору, с проникновением в жилище и в крупном размере. Это, по мнению суда, выразилось в предоставлении ею веревки, перчаток, чулок для масок, одежды для осужденной Р. и подыскании автомашины, на которой соисполнители Р., Б. и К. прибыли к месту происшествия. Судом кассационной инстанции приговор в отношении М. был изменен, ее деяние переквалифицировано

⁴⁸⁰ Шур Г.М. Недонесительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 166; Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 333.

⁴⁸¹ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство. М., 1965. С. 123.

⁴⁸² Архив Брестского областного суда за 2001 г. Дело № 2/34.

на ч. 1 ст. 406 УК. Основанием к такому решению послужило то, что достоверных доказательств виновности М. в пособничестве в материалах дела приведено не было. Было выяснено, что инициатива на совершение преступления исходила от гр-ки Р., осужденный Б. показал, что они с К. самостоятельно без содействия со стороны М. взяли в доме последней указанные предметы. Показания Р. и К. по этому поводу были противоречивы, поэтому не могут быть положены в основу обвинения. Осужденные и свидетель также утверждали, что договоренность о доставке к месту совершения преступления на автомобиле была достигнута Р., она же указывала дорогу. Гр-ка М. вместе с остальными поехала туда, поскольку виновные опасались, что она может сообщить о предстоящем преступлении в милицию. Сама М. в разбое участия не принимала, в дом не проникала, все время находилась в машине, на что указывают и потерпевшие. Свою вину в пособничестве разбоем М. не признала. Определение суда кассационной инстанции было опротестовано прокурором, но и в порядке надзора суд пришел к выводу об отсутствии в данном случае соучастия в преступлении⁴⁸³.

Более сложным для судов, как показывает практика, является вопрос о возможности соучастия в заранее не обещанном укрывательстве или недонесении о преступлении. С позиций науки уголовного права он решается положительно. Прежде всего, реально допустимо соисполнительство при прикосновенности, когда, например, несколько человек укрывают одного преступника, не сообщают о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении. Такие уголовные дела в судебной практике встречаются, но, к сожалению, как следует из изученных материалов, суды не уделяют должного внимания факту совершения преступления группой лиц – ни в одном из обвинительных приговоров по таким уголовным делам суд не указал на данный факт⁴⁸⁴. В то же время совершение преступления группой лиц по предварительному сговору является согласно п. 11 ч. 1 ст. 64 УК отягчающим обстоятельством.

Вместе с тем не всегда такая позиция суда является ошибочной. По одному из дел в ходе предварительного следствия действия обвиняемых П. и К. были квалифицированы как заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления со ссылкой на ч. 2 ст. 17 УК, то есть как совершенное группой лиц по предварительному сговору. Оценка деяния основывалась на том, что, как следует из материалов дела, указанные лица по договоренности между собой, а также совместно с совершившими убийство Е. и К. для сокрытия следов преступления вывезли труп потер-

⁴⁸³ Архив суда Пинского района Брестской области за 2001 г. Дело № 1/7.

⁴⁸⁴ Архив Брестского областного суда за 2002 г. Дело № 2/44; Архив суда Барановичского района и г. Барановичи Брестской области за 2003 г. Дело № 03022050546.

певшего с места преступления и сбросили его в реку, поместив в мешок с телом предварительно приготовленные камни. В приговоре суд этот признак из обвинения исключил, так как на момент совершения преступления в 2000 году действовал УК 1960 года, в ст. 38 и других нормах которого совершение преступления группой лиц по предварительному сговору не предусматривалось как отягчающее ответственность обстоятельство⁴⁸⁵.

Сложное соучастие также вполне вероятно при укрывательстве и недоносительстве. Чаще всего исследователи говорят о возможности подстрекательства к ним⁴⁸⁶, но не исключают и случаев пособничества или организаторской деятельности. Общее же мнение таково, что, как правило, сложное соучастие в заранее не обещанном укрывательстве и недонесении о преступлении является малозначительным деянием и поэтому ответственности не влечет. Этим, в частности, объясняется отсутствие судебной практики по такого рода уголовным делам.

Рассматривая институты Общей части уголовного права, нельзя обойти вниманием особенности освобождения от уголовной ответственности укрывателей и недоносителей по основаниям, предусмотренным главой 12 УК. Статьей 83 УК определяются правила освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Никаких особых условий применения давности к наказуемым видам недоносительства и укрывательства законодательство не знает. Так как рассматриваемые преступления относятся к категории не представляющих большой общественной опасности, виновные лица освобождаются от уголовной ответственности, если со дня совершения укрывательства или недонесения истекло два года (п. 1 ч. 1 ст. 83 УК). Б.Т. Разгильдиев считает, что исчисление сроков давности необходимо производить с того момента, когда лицо своими действиями само прекратит совершение укрывательства или недоносительства⁴⁸⁷. Думается, это не совсем верно. В законе в качестве начального момента течения срока давности называется день совершения преступления. На основании ч. 1 ст. 9 УК временем совершения деяния признается время осуществления общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Из этого следует, что:

1) если укрывательство выступает в виде одного акта преступного действия (передача виновному транспортного средства), срок давности исчисляется с момента завершения этого действия;

2) когда укрывательство является преступлением длящимся (предоставление убежища преступнику, хранение похищенного), а также при не-

⁴⁸⁵ Архив Брестского областного суда за 2001 г. Дело № 2/41.

⁴⁸⁶ Шур Г.М. Недоносительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 163; Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 124.

⁴⁸⁷ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 106.

доносительстве срок давности исчисляется с момента прекращения преступного состояния, причем как добровольно укрывателем или недоносителем, так и помимо их воли;

3) при укрывательстве – продолжаемом преступлении (уничтожение предметов, добытых преступным путем, по частям, а не всех сразу) срок давности будет исчисляться с момента совершения последнего акта укрывательства.

Среди других общих оснований освобождения от уголовной ответственности к недонесению и укрывательству неприменимы:

1. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК), так как эти преступления не направлены против конкретного лица, могут причинить вред интересам правосудия в целом. Абсолютно справедливо в связи с этим отказывают суды в возложении на недоносителя или укрывателя обязанности возместить моральный вред по искам потерпевших от основного преступления. Прикосновенные лица не виновны в причинении такого вреда, а потому и не должны его возмещать⁴⁸⁸. По этим же причинам, думается, неотносима к укрывательству и недонесению норма ст. 86 УК – освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности. Ее действие связано с возмещением ущерба или иным образом заглаживанием нанесенного преступлением вреда, в то время как указанные последствия не характерны для формальных составов рассматриваемых преступлений.

2. Освобождение от уголовной ответственности в силу утраты деянием общественной опасности (ст. 87 УК), хотя на практике видим иное. На основании ст. 87 УК было прекращено уголовное преследование в отношении гр-на С., обвинявшегося в том, что он совместно с иными лицами с целью укрывательства следов особо тяжкого преступления перевезли труп убитого с места преступления в лесной массив, где произвели его захоронение. Прокурор посчитал, что личность С. вследствие изменения обстановки перестала быть общественно опасной: с момента совершения им преступления, относящегося к категории не представляющего большой общественной опасности, прошло значительное время; С. призвался на срочную военную службу в Вооруженные Силы Республики Беларусь; положительно характеризуется и к уголовной ответственности ранее не привлекался, при этом добровольно явился и сообщил в правоохранительные органы о совершенном преступлении⁴⁸⁹. Налицо грубая ошибка в применении норм уголовного закона, ведь «под изменением обстановки, вследствие которого совершенное деяние утрачивает характер общественно опасного,

⁴⁸⁸ Например, Архив Минского областного суда за 2004 г. Дело № 2/73.

⁴⁸⁹ Архив Брестского областного суда за 2004 г. Дело № 2/43.

следует понимать объективные изменения, происходящие в государстве... в связи с крупными политическими или социально-экономическими преобразованиями, проведением реформирования в той или иной сфере общественной жизни, когда нормы УК еще действуют, а деяния, предусматриваемые ими, утрачивают общественно опасный характер»⁴⁹⁰. Таким образом, ст. 87 УК в настоящее время к укрывательству и недоносительству применяться не может.

В приведенном случае прокурору следовало ссылаться на другую статью главы 12 УК (ст. 88) и освобождать от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Все условия для этого имелись: впервые совершено преступление, не представляющее большой общественной опасности, лицо добровольно явилось с повинной и способствовало раскрытию преступления (как собственного, так и укрываемого). В.А. Елеонский писал: «Интересам борьбы с преступностью отвечало бы освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего заранее не обещанное укрывательство преступлений, если оно добровольно заявит об этом органам власти и окажет действительную помощь в изобличении преступников»⁴⁹¹. Действующим законодательством такое право предоставлено, но использовать его, как и любую правовую норму, надо разумно. В некоторых случаях с учетом тяжести, общественной опасности совершенных прикосновенным лицом деяний полное исключение его ответственности было бы необоснованным, но при этом можно учесть деятельное раскаяние как смягчающее обстоятельство (пп. 1–4 ч. 1 ст. 63 УК).

Анализируя данное основание освобождения от уголовной ответственности, следует остановиться на изучении вопроса о соотношении деятельного раскаяния и добровольного отказа от совершения преступления при недонесении и укрывательстве. Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовительных действий либо прекращение действия или бездействия, непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо сознавало возможность доведения преступления до конца (ч. 1 ст. 15 УК). Так как для недоносительства не характерны стадии приготовления и покушения, соответственно и добровольный отказ от этого преступления невозможен. Лицо, умолчавшее о готовящемся или совершенном преступлении, но в последующем заявившее о нем (в том числе сообщившее всю известную информацию во время допроса), тем самым оказавшее содействие в предотвращении совершения или раскрытии основного преступления, может быть освобождено от ответственности в силу деятельного раскаяния. Сюда же можно отнести и

⁴⁹⁰ Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск, 2005. С. 474.

⁴⁹¹ Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие. Хабаровск, 1984. С. 83.

предпринятые лицом самостоятельные меры по пресечению готовящегося преступления (предупреждение потерпевшего, отобрание у лица приготовленных орудий преступления, уговоры отказаться от его совершения, явиться с повинной и т.п.). Многие исследователи выступают за освобождение от ответственности недонесителя в таких случаях, подобные положения закреплены в уголовных кодексах некоторых зарубежных стран (например, в УК ФРГ), но, на наш взгляд, не следует расширять сферу ненаказуемости недонесения в таких ситуациях. Освобождение от ответственности здесь должно быть скорее исключением, чем правилом, так как состав недонесения имеется и бездействие является общественно опасным. Дополнительным условием освобождения от уголовной ответственности при этом должно быть обязательное несовершение готовящегося преступления под влиянием поведения недонесителя.

М.И. Ковалев говорит о специфических особенностях добровольного отказа от укрывательства преступлений и различает два случая:

а) когда лицо добровольно отказывается от укрывательства, если оно только совершило все необходимые действия для сокрытия преступника или следов преступления в будущем. В данном случае добровольный отказ укрывателя ничем не отличается от добровольного отказа исполнителя, и лицо может нести уголовную ответственность только за фактически совершенные действия, если они содержат в себе состав какого-либо преступления;

б) когда лицо совершило в действительности сокрытие преступления, но в дальнейшем добровольно отказалось от продолжения укрывательства. В этом случае добровольный отказ от укрывательства не может изменить квалификацию действий укрывателя, однако он должен быть учтен при решении вопроса о наказании укрывателя⁴⁹².

Второй случай – уже не добровольный отказ, а деятельное раскаяние укрывателя. Некорректно употребив термин, М.И. Ковалев фактически это и имеет в виду, на что указывает предлагаемая им квалификация содеянного. К такому же практически выводу приходят и другие авторы: добровольный отказ от заранее не обещанного укрывательства может быть только в случаях, когда между обещанием укрыть, данным после совершения преступления, и самим фактом укрывательства имеется разрыв во времени, т.е. добровольный отказ возможен до совершения действий непосредственно по укрывательству (например, лицо лишь вырыло яму для последующего сокрытия похищенного). Лицо может нести уголовную ответственность только за фактически совершенные действия, если они содержат в себе состав какого-либо преступления (например, недонесения)⁴⁹³.

⁴⁹² Ковалев М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд юрид. наук. Москва, 1952. С. 118.

⁴⁹³ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 53; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновен-

Поскольку после совершения действий, непосредственно направленных на укрывательство преступника или следов преступления, деяние считается оконченным, любая последующая деятельность субъекта представляет собой не добровольный отказ, а деятельное раскаяние (например, явка с повинной, способствование раскрытию преступления и задержанию виновного, чистосердечное признание). Названные обстоятельства, согласно общему правилу, должны учитываться судом при назначении наказания, а в отдельных случаях, с учетом конкретных обстоятельств совершенного преступления и личности укрывателя, могут служить основанием для освобождения виновного лица от уголовной ответственности. Б.Т. Разгильдиев, к примеру, считает возможным освобождение от уголовной ответственности укрывателя при деятельном раскаянии, только если, во-первых, укрытый им преступник еще не совершил другого умышленного преступления; во-вторых, он в какой-то мере осведомлен о местонахождении укрытого лица (т.е. при обращении укрывателя в органы власти последние получили бы возможность задержать укрывающееся лицо); в-третьих, укрыватель не привлекается к уголовной ответственности, если совершает деятельное раскаяние добровольно⁴⁹⁴. Такие требования излишни, они существенно ограничивают сферу применения ст. 88 УК и никак не вытекают из ее содержания. В каждом конкретном случае совокупность условий, позволяющих освободить укрывателя от ответственности, индивидуальна и должна определяться с учетом обстоятельств дела.

В литературе также затрагивается проблема наказуемости укрывательства и недоносительства, совершенных в состоянии психического или физического принуждения. И здесь действуют общие правила, согласно которым угроза (психическое принуждение) не исключает уголовную ответственность. УК относит совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения к обстоятельствам, смягчающим ответственность (п. 7 ч. 1 ст. 63 УК). По мнению М.Х. Хакимова, в отдельных случаях психическое принуждение, совершенное в отношении несовершеннолетнего или лиц, находившихся от преступников в служебной или материальной зависимости (члены семьи, близкие родственники расхитителя), с учетом обстоятельств дела должно признаваться обстоятельством, освобождающим от уголовной ответственности.⁴⁹⁵ Это не согласуется с требованиями

ности к преступлению. Саратов, 1981. С. 66–67; Радунцева Н.Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С.13; Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 125–127; Гелашвили В. Ответственность за заранее не обещанное укрывательство // Советская юстиция. 1978. № 15. С. 19.

⁴⁹⁴ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 68.

⁴⁹⁵ Хакимов И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества. Ташкент, 1982. С. 29.

законодательства, в котором не предусматривается освобождение от уголовной ответственности при соответствующих условиях, а совершение преступления в силу материальной, служебной или иной зависимости считается наказуемым, но относится также к смягчающим ответственность обстоятельствам (п. 7 ч. 1 ст. 63 УК). Ответственность за укрывательство или недонесение о преступлении может быть устранена только в том случае, если в результате подобной угрозы была полностью парализована воля лица и имело место состояние крайней необходимости (ст. 36 УК). По правилам о крайней необходимости должны рассматриваться и деяния укрывателя и недонесителя, совершенные под влиянием физического насилия (принуждения) или непреодолимой силы. В материалах изученных уголовных дел подобных ситуаций встречено не было.

Среди других обстоятельств, исключающих преступность деяния, в отношении укрывательства и недонесительства мыслимы такие, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (ст. 38 УК) и исполнение приказа или распоряжения (ст. 40 УК). При применении названных статей УК каких-либо особенностей для рассматриваемых составов преступлений не усматривается. Соблюдение указанных в них условий должно исключать ответственность лица, совершившего укрывательство или недонесение о преступлении.

По общим правилам следует разрешить вопрос о возможности применения обратной силы закона к случаям недонесительства и укрывательства. Сопоставление санкций стст. 86, 86¹, 185 и 186 УК 1960 года и санкций стст. 405 и 406 действующего УК показывает, что в настоящее время установлены более мягкие наказания за эти деяния, а потому совершенно правильно суды в приговорах ссылаются именно на УК 1999 года. В примечании к ст. 406 УК сохранилось положение, содержащееся в примечании к ст. 86 УК 1960 года, согласно которому не подлежат уголовной ответственности за недонесение члены семьи и близкие родственники лица, совершившего преступление. Кроме этих лиц, из числа субъектов недонесения исключен и священнослужитель, узнавший о преступлении на исповеди, а равно защитник, узнавший о преступлении во время исполнения своих профессиональных обязанностей. Данная норма улучшает положение лиц, совершивших преступление, поэтому также имеет обратную силу. С другой стороны, круг деяний, прикосновенность к которым наказуема, расширен по сравнению с УК 1960 года, поэтому нынешний уголовный закон как устанавливающий преступность деяния не будет иметь обратной силы в отношении таких действий (бездействия), совершенных до вступления его в силу.

Таким образом, обзор основных институтов Общей части уголовного права позволяет сделать вывод о том, что они применяются к составам

укрывательства и недонесения о преступлении в общем порядке, как и к любому другому преступному деянию, запрещенному Особенной частью УК Республики Беларусь. Некоторые особенности, отдельные изъятия и отклонения от общих положений имеются в связи со спецификой рассматриваемых форм прикосновенности к преступлению и были отмечены (невозможность предварительной преступной деятельности при недоносительстве, применимость не всех оснований освобождения от уголовной ответственности за недонесение и укрывательство и др.).

4.3. Назначение наказания за недонесение и укрывательство

В теоретическом аспекте наказуемость недоносительства и укрывательства вызывала интерес исследователей в части определения общего подхода, принципа определения пределов наказания за эти преступления. Предлагавшиеся концепции наказуемости во многом зависели от понимания тем или иным автором сущности данных прикосновенных деяний, уровня их автономности, независимости от основного преступления. Также учитывалась разная степень общественной опасности самих форм прикосновенности к преступлению: укрывательство, совершаемое активными действиями, считается более общественно опасным деянием, чем недонесение-бездействие, так как объективно способно причинить больший вред интересам правосудия. Поэтому рассмотрим основные начала наказуемости отдельно в отношении недонесения и укрывательства.

Еще со времен уголовного законодательства Российской империи принято разделять в зависимости от степени общественной опасности недонесение о совершенном и о готовящемся преступлении. Как отмечалось, на это обратил внимание и Конституционный Суд Республики Беларусь. А.В. Лохвицкий вывел некоторые пределы для суда в определении меры наказания недонositелю: «1) суд не может положить за дононос наказания высшего нежели то, которое полагается за само преступление; 2) так как дононос о совершившемся преступлении менее важен, чем о приготавливаемом, то следует заключить, что наказание недоносителя первого рода не может быть более того, которое следует недоносителям второго рода...»⁴⁹⁶. В.Г. Смирнов, относя недонесение о готовящемся преступлении к соучастию, тем не менее не считал целесообразным определять ответственность за недоносительство-соучастие по принципам ответственности соучастников преступления, потому что: во-первых, недоносительство приобретает характер общественно опасный лишь в связи с некоторыми преступлениями, и во-вторых, степень общественной опасности деяния недоносителя о

⁴⁹⁶ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 171–172.

готовящемся преступлении является значительно меньшей, чем прочих участников в совершении преступления. Отсюда, на его взгляд, в Общей части УК должна быть помещена статья о принципах ответственности не-доносительства, где должно быть отражено, что оно наказуемо только в случаях, специально предусмотренных законом, что недоносительство о готовящемся преступлении является деянием значительно более общественно опасным, нежели недоносительство о совершенном преступлении⁴⁹⁷.

По поводу принципов наказуемости укрывательства у того же автора видим: уголовная ответственность за укрывательство-прикосновенность должна быть определена в общей форме применительно ко всем преступлениям, предусмотренным Особенной частью УК. Место этой статьи – в Общей части УК. Мера наказания в отношении укрывателя преступления определяется в пределах санкции статьи, которая предусматривает уголовную ответственность за укрываемое преступление. При назначении меры наказания за укрывательство суд может, в зависимости от обстоятельств дела, понизить наказание до половины наименьшего срока наказания, предусмотренного в кодексе за укрываемое преступление⁴⁹⁸. П.К. Евдокимов признавал теоретически правильным и практически удобным привлекать укрывателя к ответственности по статье закона, предусматривающей укрываемое им преступление. Санкции статей наших уголовных законов преимущественно относительно-определенные, и поэтому суд имеет возможность в рамках санкции индивидуализировать наказания⁴⁹⁹.

Э. Раал, напротив, указывал, что максимальная мера наказания, предусматриваемая в законе за укрывательство преступления, не должна превосходить максимальной меры санкции, предусмотренной за укрываемое преступление. По его мнению, свойственную преступлению степень общественной опасности укрывательство приобретает не в связи с любым преступным деянием другого лица, а только в связи с определенным его действием или бездействием, вследствие чего нецелесообразно предусматривать уголовную ответственность за укрывательство в общей форме в отношении всех преступлений⁵⁰⁰. Такого рода требование закреплено в ст. 452 УК Испании: «Ни в коем случае не могут назначаться меры лишения свободы, срок которой превышает срок лишения свободы за укрываемое преступление. Если укрываемое преступление наказывается другой

⁴⁹⁷ Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. С. 303–304.

⁴⁹⁸ Там же. С. 258.

⁴⁹⁹ Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953. С. 215–216.

⁵⁰⁰ Раал Э. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тарту, 1956. С. 16–17.

мерой, лишение свободы за укрывательство заменяется штрафом на сумму от шести до двадцати четырех месячных заработных плат, за исключением случаев, когда укрываемое преступление наказывается штрафом на тот же или меньший срок, в этом случае за укрывательство наказание назначается ближе к нижнему пределу». Согласно ст. 294 УК Болгарии действия по сокрытию преступника наказываются «лишением свободы на срок до 5 лет, но не более тяжким наказанием, чем то, которое предусмотрено за укрываемое преступление».

И.Я. Фойницкий, изучая укрывательство вещей, добытых преступлением, выделял две существовавшие на тот момент теории. Согласно первой укрывательство рассматривалось как добавочная часть основного преступления, особый вид соучастия, а потому «кара его изменяется с изменением кары за главное преступление, то увеличиваясь, то понижаясь, смотря по тому, увеличивается или уменьшается наказание за главное преступление»⁵⁰¹. Второе направление исходит из самостоятельной природы заранее не обещанного укрывательства, «расстается с системой ответственности укрывателя за главного виновного», а укрыватель подлежит наказанию только за свои действия. И, наконец, между ними укладываются системы смешанные, которые «постановляя, что каждый несет ответственность лишь за себя, ставят, однако, особыми постановлениями закона величину кары за сокрытие вещей в зависимости от важности наказания, установленного для преступления, путем которого добыты вещи»⁵⁰².

Следуя предложенной классификации, можно заключить, что действующее уголовное законодательство Республики Беларусь относится к так называемым «смешанным системам»: с одной стороны, укрывательство (как и недонесение о преступлении) выделяется в качестве самостоятельного преступного деяния, а с другой стороны, ответственность за него поставлена в зависимость от категории основного преступления. Категория же определяется, как установлено в ст. 12 УК, по двум критериям – форме вины и виду и размеру наказания в виде лишения свободы, которое предусмотрено в санкции статьи Особенной части УК за преступление. Конечно, об абсолютной обусловленности меры наказания недонositелю или укрывателю наказанием основному преступнику говорить нельзя, но в некоторых случаях она играет существенную роль. Если за совершенное преступление возможное наказание в соответствии с санкцией статьи УК не превышает 6 лет лишения свободы, то недонositель или укрыватель уголовной ответственности за прикосновенность к этому преступлению не подлежат. Поэтому согласимся с тем, что одним из принципов наказуемо-

⁵⁰¹ Фойницкий И.Я. На досуге. Сборник юридических статей и исследований с 1870 года. СПб., 1898. Том 1. С. 458.

⁵⁰² Там же. С. 462–463.

сти недоносительства и укрывательства выступает самостоятельность ответственности прикосновенного лица, размер которой, однако, зависит от тяжести исходного преступления. Связано это с тем, что степень общественной опасности укрывательства и недонесения, как деяний, всегда связанных с другим преступлением, повышается пропорционально увеличению тяжести укрываемого преступления.

Из этого вытекают другие принципы:

- укрывательство особо тяжкого преступления при прочих равных условиях должно влечь более строгую ответственность, чем укрывательство тяжкого преступления;

- недонесение о готовящемся преступлении наказывается строже, чем недонесение о преступлении совершаемом или совершенном;

- укрывательство преступления представляет большую общественную опасность, включает в себя недонесение, а потому должно наказываться строже последнего;

- лица, прикосновенные к преступлению, заслуживают менее сурового наказания по сравнению с основными преступниками.

Данные принципы нашли закрепление в УК Республики Беларусь, в стст. 405 и 406 которого имеются соответствующие части, а укрывательство и недонесение отнесены к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности и, таким образом, наказуемы значительно мягче, чем укрываемые тяжкие и особо тяжкие преступления. Предложения же наказывать укрывательство или недонесение по той же статье УК, что и основное преступление, распространяются только на случаи, когда эти деяния обещаны заранее, в силу чего являются соучастием в преступлении, и нашли отражение в ч. 7 ст. 16 УК.

Кроме того, при назначении наказания недоносителю или укрывателю суд должен руководствоваться, как и в любом другом случае, общими началами, указанными в ст. 62 УК Республики Беларусь, то есть, исходя из принципа индивидуализации наказания, учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность.

Санкции стст. 405 и 406 УК относительно-определенные и альтернативные, поэтому у суда имеется достаточно возможностей для соблюдения в каждом случае принципа индивидуализации наказания. Реализация этого принципа на практике выглядит так:

- 1) среди 20 осужденных по делам о заранее не обещанном укрывательстве наказание в виде лишения свободы было назначено 9 (то есть 45%), из них 5 лицам – на срок 2 года, 3 – на 1 год 6 месяцев, одному – на 1 год 4 месяца. При этом двое осуждены с условным неприменением нака-

зания и один – с отсрочкой исполнения назначенного наказания. По другим делам были назначены наказания:

в одном случае (5% от общего количества осужденных) – общественные работы на срок 100 часов (суд применил ст. 70 УК),
штраф в размере 30 базовых величин – 2 человека (10%),
исправительные работы на срок два года с удержанием 20% заработка – 3 (15%),
арест на срок 3 месяца – 2 осужденным (10%),
ограничение свободы на срок 6 месяцев – 1 (5%), 1 год – 1 (5%), 1 год 6 месяцев – 1 (5%);

2) за недонесение о преступлении по изученным уголовным делам всего было осуждено 15 человек, из них назначено наказание в виде общественных работ на срок 180 часов 1 осужденному (около 6,7%), на срок 240 часов – 2 (примерно 13,3%); исправительных работ на срок два года с удержанием 20% заработка в доход государства – 1 (6,7%); ареста на срок три месяца – 7 (46,7%) и два месяца – 1 (6,7%); лишения свободы на срок 6 месяцев (в одном случае с условным неприменением наказания) – 2 (13,3%). По одному из дел суд счел возможным осудить виновного без назначения наказания (ст. 79 УК).

Как показывают цифры, суды отдают предпочтение наказаниям, связанным с изоляцией осужденных от общества (арест, ограничение свободы, лишение свободы). Их доля для укрывательства составила 70%, а для недоносительства – около 60%. В то же время одно из самых мягких наказаний, предусмотренное санкциями обеих статей (ч. 1 ст. 405, чч. 1 и 2 ст. 406 УК), – штраф – практически не назначается. Выявлен только один случай его применения, причем за укрывательство, а не за недонесение, хотя санкция ст. 406 УК дает больше возможностей для этого. Незначительно также число осужденных к общественным работам (всего 4 человека, причем одному из укрывателей суд назначил это наказание как более мягкое, чем предусмотрено за это преступление).

Из 35 осужденных недоносителей и укрывателей в общей сложности пятеро (примерно 14,3%) были привлечены к уголовной ответственности в формах реализации уголовной ответственности, не связанных с применением назначенного наказания: 3 раза суд принимал решение об условном неприменении наказания (ст. 78 УК), 1 – об отсрочке исполнения наказания (ст. 77 УК) и 1 – без назначения наказания (ст. 79 УК).

С учетом судебной практики можно поставить вопрос об ужесточении ответственности за недоносительство и укрывательство. Несмотря на предоставленные законодателем достаточно широкие возможности выбора среди различных по своей тяжести наказаний, суды отдают предпочтение самым строгим из них. Практически по каждому третьему из дел (31,4%)

суд избирал лишение свободы, хотя согласно ч. 2 ст. 62 УК данное наказание может быть назначено лишь при условии, что цели уголовной ответственности не могут быть достигнуты применением более мягкого наказания. Это свидетельствует о признании по большинству уголовных дел весьма значительной общественной опасности деяний прикосновенных лиц. Представляется, что снижение верхних пределов санкций рассматриваемых статей по сравнению с УК 1960 года (максимальное наказание за укрывательство по ч. 2 ст. 185 УК 1960 года составляло 5 лет лишения свободы, а за недонесение по ч. 2 ст. 186 УК 1960 года – 3 года лишения свободы) было преждевременным.

На это обращают внимание и некоторые современные российские исследователи. Р.М. Кашапов, например, считает, что санкция ст. 316 УК Российской Федерации (максимум, как и в ст. 405 УК Республики Беларусь, – до двух лет лишения свободы) «не отвечает предъявляемым требованиям борьбы с преступлениями против правосудия в условиях продолжающихся экономических реформ и правового нигилизма, так как необоснованно занижена и вряд ли устроит укрывателя»⁵⁰³. По мнению О.И. Семькиной, данная санкция не только не соответствует тяжести совершаемого укрывателями преступления, но и не обладает достаточным потенциалом, сдерживающим укрывателя от нарушения Уголовного Закона. Указанный автор, а равно и А.Д. Макаров в своих диссертационных работах предлагают лишением свободы до двух лет наказывать укрывательство тяжкого преступления, а укрывательство особо тяжкого преступления либо при наличии квалифицирующих признаков – до пяти и более лет лишения свободы⁵⁰⁴.

Надо сказать, что санкции ст. 405 УК достаточно мягкие. Уголовные законы других государств, во-первых, как правило, дают меньше альтернативы суду в выборе меры наказания (например, в ст. 294 УК Болгарии предусмотрено только одно наказание – лишение свободы, по стст. 160 и 305 УК Швейцарии виновному грозит тюремное заключение или каторжная тюрьма). Во-вторых, максимальный размер самого строгого наказания в виде лишения свободы во многих кодексах больше: до трех лет – в уголовных законах Эстонии (ст. 180), Украины (ст. 396), Испании (ст. 450); до четырех лет – Латвийской Республики (ст. 313); до пяти лет – в УК Болгарии (ст. 294), ФРГ (§ 257), Польши (ст. 239). Схожая ситуация и по недонесению: в США за недонесение предусмотрены штраф или тюремное заключение на срок до трех лет или оба наказания (Свод законов США).

⁵⁰³ Кашапов Р.М. Уголовно-правовые средства, обеспечивающие раскрытие и расследование преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Хабаровск, 2000. С. 142.

⁵⁰⁴ Семькина О.И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ставрополь, 2003. С. 149, 152; Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 153–154.

По УК Латвийской Республики, как и за укрывательство, может быть максимально назначено до четырех лет лишения свободы (ст. 315), Польши – до трех лет лишения свободы (ст. 240, причем нет никакой альтернативы), ФРГ – до пяти лет лишения свободы (§ 138) и т.д. Хотя в Эстонии недоноситель может быть приговорен не более чем к одному году лишения свободы (ст. 181 УК), а в Голландии – к одному году тюремного заключения (ст. 135 УК).

Представляется обоснованной постановка вопроса о некотором ужесточении санкций стст. 405 и 406 УК за счет включения предлагавшихся ранее новых частей в эти статьи, которые предусматривали бы ответственность за недонесение о совершаемом тяжком или особо тяжком преступлении и за укрывательство в виде приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путем, или укрывательство, совершенное из корыстных побуждений.

В итоге ст. 405 УК дополнится частью третьей следующего содержания: «3. Заранее не обещанное укрывательство преступлений путем приобретения или сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, либо совершенное из корыстной заинтересованности, – наказывается арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до четырех лет, или лишением свободы на срок до пяти лет». Указанные виды и размеры наказания предлагаются с учетом содержания санкций ст. 236 УК, которая в результате данных изменений должна быть исключена из уголовного закона, будучи поглощенной составом укрывательства.

Санкции чч. 1 и 2 ст. 406 УК можно оставить прежними с той лишь оговоркой, что по части второй будет наказываться заранее не обещанное недонесение о совершаемом тяжком или особо тяжком преступлении. Часть 3 предлагается изложить так: «3. Заранее не обещанное недонесение о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении, – наказывается арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок».

Говоря об общих началах назначения наказания за недоносительство и укрывательство, нельзя обойти вопрос об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих ответственность прикосновенных лиц.

По результатам изучения судебной практики В.С. Гелашвили пришел к выводу, что при определении наказания за укрывательство суды чаще всего учитывали следующие смягчающие ответственность обстоятельства: чистосердечное раскаяние и признание своей вины; наличие положительной характеристики; отсутствие судимости; несовершеннолетие; несовершеннолетие и отсутствие родителей; возмещение ущерба; первоначальный отказ скрыть похищенное. Наличие родственных отношений судами как смягча-

ющее обстоятельство не принималось во внимание⁵⁰⁵. По данным М.Х. Хабибуллина, суды при назначении наказания лицам, виновным в укрывательстве и недоносительстве, чаще всего в качестве обстоятельств, смягчающих ответственность, учитывали совершение преступления впервые, вследствие случайного стечения обстоятельств; несовершеннолетие преступника; чистосердечное раскаяние или явку с повинной, а также активное способствование раскрытию преступления; совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной служебной или иной зависимости и др.⁵⁰⁶ В некоторой части приведенные перечни совпадают между собой и с итогами нашего исследования.

Как показал проведенный анализ, в настоящее время в приговорах суды указывают такие смягчающие ответственность обстоятельства, как:

- 1) чистосердечное раскаяние в содеянном – названо в отношении 13 из 35, или 37,1% осужденных;
- 2) наличие данных, положительно характеризующих личность, в том числе по месту работы или учебы, месту жительства – 10 осужденных, или 28,6%;
- 3) наличие на иждивении малолетних (несовершеннолетних) детей – 9 осужденных, или 25,7%;
- 4) лицо ранее не привлекалось к уголовной ответственности (первая судимость, как указано в некоторых приговорах) – 7 осужденных, или 20%;
- 5) активное способствование раскрытию основного преступления и изобличению преступника – 5 осужденных, или 14,3%;
- 6) молодой возраст недоносителя либо укрывателя – 3 осужденных, или 8,6%.

Имелись единичные случаи, когда суд признавал смягчающими ответственность обстоятельствами возмещение причиненного вреда, наличие постоянной работы, намерение поступить в вуз и т.п. Во многих приговорах также указывалось на тот факт, что совершенное преступление является не представляющим большой общественной опасности.

Среди отягчающих ответственность обстоятельств М.Х. Хабибуллин называет совершение укрывательства или недоносительства лицом, ранее совершившим какое-либо преступление; корыстный мотив; совершение преступления в состоянии опьянения; причинение укрывательством или недоносительством тяжких последствий; различные обстоятельства, отри-

⁵⁰⁵ Гелашвили В.С. О заранее не обещанном укрывательстве, совершенном родственниками виновного // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1980. № 1. С. 62.

⁵⁰⁶ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 113–119.

цательно характеризующие личность укрывателя или неадресанта⁵⁰⁷. Современные суды выделяют только три обстоятельства такого рода:

1) совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения – в отношении 9 осужденных, что составляет 25,7%;

2) совершение неадресанства или укрывательства лицом, ранее совершившим какое-либо преступление – 2 осужденных, или 5,7% (интересно, что по всем изученным делам у 4 человек был установлен рецидив);

3) отрицательная характеристика личности – 1 (2,9%).

На фоне такого соотношения числа учитываемых судами при назначении наказания смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств удивляют приводившиеся выше цифры относительно видов применяемых наказаний. Выходит, что при наличии большого числа смягчающих обстоятельств суды, тем не менее, отдают предпочтение более строгим наказаниям, содержащимся в санкциях стст. 405 и 406 УК. Это, на наш взгляд, свидетельствует в пользу сохранения ответственности за неадресанство и укрывательство в силу их достаточно серьезной степени общественной опасности, недопустимости смягчения мер наказания за их совершение.

Статистические данные также обращают внимание на несовершенство судебной практики. Недостатком, как ранее говорилось, является, в частности, оставление без внимания судами такого смягчающего ответственность обстоятельства, как совершение укрывательства близким родственником или членом семьи виновного. В практике случаи родственного укрывательства встречаются, и в условиях, когда освобождение от ответственности таких лиц в законе не предусмотрено, абсолютно необходимо факт родственных отношений хотя бы учитывать при назначении наказания укрывателю. С другой стороны, упущением судов можно назвать то, что они не признают отягчающими ответственность обстоятельствами групповой характер совершения укрывательства или неадресанства, наличие корыстных мотивов.

Влияние мотивов совершения укрывательства или неадресанства на меру наказания виновному отмечали многие авторы. Как пишет А.И. Бушуев, мотивы преступления в ряде случаев качественно меняют общественную опасность прикосновенного лица: вряд ли можно утверждать, что во всех случаях укrywший убийцу родственник более опасен, чем укрыватель краденого, совершающий эти действия за вознаграждение и в виде промысла⁵⁰⁸. Особо останавливался на рассмотрении «оплачиваемого» неадресанства Г.М. Шур, также признавая его большую опас-

⁵⁰⁷ Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и неадресанство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 121–125.

⁵⁰⁸ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и неадресанство. М., 1965. С. 127.

ность⁵⁰⁹. Многие авторы предлагают включить корыстный мотив в квалифицированные составы недонесения и укрывательства. На наш взгляд, в современных условиях целесообразно данный квалифицирующий признак предусмотреть лишь для укрывательства, потому что: во-первых, недонесение о преступлении менее общественно опасно; во-вторых, корыстный мотив не встречен нами ни в одном уголовном деле о недонесительстве, он более характерен для укрывательства, когда виновный получает часть добытых преступным путем и скрытых ценностей; в-третьих, укрывательство из корыстных побуждений фактически совпадает с составом приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, который целесообразно включить в ст. 405 УК.

Кроме того, в литературе рекомендуется выделять и иные квалифицирующие признаки недонесения и укрывательства:

1. Б.Т. Разгильдиев утверждает, что при прочих равных условиях степень общественной опасности прикосновенного лица значительно повышается, если в результате его действия или бездействия основной преступник совершит новое преступление. Такой осознанный характер действий обуславливает необходимость рассматривать его в качестве отягчающего прикосновенность обстоятельства, что, на его взгляд, в определенной мере будет стимулировать лиц, причастных к преступлению, более активно выполнять обязанности, возложенные на них уголовным законом⁵¹⁰.

2. Некоторые исследователи убеждены, что ответственность за укрывательство преступлений и преступников необходимо дифференцировать в зависимости от способа совершения укрывательства. В качестве квалифицирующих признаков предлагается считать уничтожение вещественных доказательств, изменение места происшествия, дачу ложных показаний, ложный донос, ложную явку с повинной, самооговор⁵¹¹.

3. В.Г. Смирнов особо указывает на необходимость выделять ответственность за укрывательство преступлений со стороны должностных лиц, оказывающих содействие преступникам посредством использования своего служебного положения⁵¹², а О.И. Семькина квалифицированный состав укрывательства связывает только с некоторыми должностными лицами – судьями, прокурорами, следователями и дознавателями, действия которых непосредственно направлены на заранее не обещанное сокрытие особо

⁵⁰⁹ Шур Г.М. Недонесительство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 169–173.

⁵¹⁰ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 30.

⁵¹¹ Косякова Н. Укрывательство преступления и преступника // Законность. 1998. № 10. С. 39; Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 99; Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 154.

⁵¹² Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. С. 255.

тяжких преступлений с использованием служебных полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности⁵¹³.

4. По мнению многих современных российских ученых, особую общественную опасность представляет укрывательство преступлений: умышленно совершенных в отношении малолетних, лиц, не способных себя защитить в связи с физическим или психическим состоянием; преступлений, совершаемых с участием или использованием малолетних, невменяемых. Более опасно несообщение о посягательствах на жизнь, о преступлениях, совершенных с участием или использованием малолетних, о преступлениях в отношении малолетних, а также лиц, не способных себя защитить в силу физических или психических недостатков, возраста, состояния беременности⁵¹⁴.

5. Наконец, к квалифицирующим признакам предлагается относить совершение укрывательства в виде промысла, в соучастии (группой лиц по предварительному сговору, организованной группой)⁵¹⁵.

Думается, что было бы излишним перегружать рассматриваемые статьи УК всеми перечисленными квалифицирующими признаками. Большинство из них в практике либо не встречаются вовсе, либо очень редки. Достаточно того, что основные из названных обстоятельств указаны в ст. 64 УК в качестве отягчающих, поэтому у суда есть возможность учесть их при назначении наказания (другое дело, что на практике это не всегда делается). Если обратиться к названным признакам, связанным со специфическими способами сокрытия преступления или должностным положением недоносителя и укрывателя, то, как нам представляется, действующее законодательство и так позволяет назначить виновным соразмерное наказание по совокупности соответствующих преступлений. Поэтому включение данных признаков еще и в составы недонесения и укрывательства также нецелесообразно.

⁵¹³ Семькина О.И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : дис ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ставрополь, 2003. С. 145–146.

⁵¹⁴ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 102; Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 102, 154–155; Косякова Н. Укрывательство преступления и преступника // Законность. 1998. № 10. С. 39.

⁵¹⁵ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 102; Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. С. 102, 154.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ истории уголовного законодательства в области установления ответственности за прикосновенность к преступлению позволяет сделать выводы: а) среди форм прикосновенности ранее всего в источниках права стало выделяться укрывательство; б) наибольшее развитие институт прикосновенности к преступлению получил в законодательстве Российской империи XIX – начала XX века; в) в советский период до принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года последовательного выделения в отдельные составы преступлений недонесения, укрывательства и попустительства не было, долгое время формы прикосновенности отождествлялись с соучастием в преступлении; г) ни в одном из рассмотренных источников права не дается определение общего понятия прикосновенности к преступлению. В некоторых из них (в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в декретах советской власти) встречается только понятие «прикосновенные лица».

К признакам прикосновенности к преступлению относятся:

- Действие или бездействие при прикосновенности всегда связаны с преступлением другого субъекта. Поэтому дополнительным признаком прикосновенности является время действия (бездействия) прикосновенного лица – как правило, после совершения исполнителем основного преступления (исключения составляют попустительство и недонесительство о готовящемся или совершаемом преступлении).
- Для прикосновенности, в отличие от соучастия, не характерна совместность совершения одного преступления двумя или более лицами.
- Деяние прикосновенного лица по сравнению с деянием соучастника имеет меньшую общественную опасность и наказуемо не всегда, а лишь в случаях, прямо указанных в уголовном законе.
- Деяние прикосновенного лица посягает на иной объект, нежели основное преступление – на интересы правосудия.
- При прикосновенности к преступлению не имеется двусторонней виновной связи между деяниями основного преступника и прикосновенного лица. Прикосновенность к преступлению характеризуется только прямым умыслом, соучастие возможно и с косвенным умыслом.
- Поскольку деяния исполнителя основного преступления и прикосновенного лица не имеют ни причинной, ни виновной связи, ответственность их также носит относительно самостоятельный характер. При решении вопроса об ответственности за прикосновенность учитывается лишь категория основного преступления.

Таким образом, деятельность прикосновенных лиц имеет свою существенную специфику, характеризуется указанными выше отличительными

чертами, благодаря чему можно с уверенностью говорить о существовании отдельного института уголовного права – прикосновенности к преступлению, что следует закрепить в законодательстве. Переименовав ст. 16 УК на «Соучастие в преступлении и прикосновенность к преступлению», можно дополнить ее частями 10 и 11 следующего содержания:

«10. Не является соучастием в преступлении и не влечет ответственность со ссылкой на настоящую статью умышленное деяние (действие или бездействие) лица, которое не участвовало совместно с другими лицами в совершении преступления и не способствовало его совершению, выразившееся в заранее не обещанном укрывательстве преступления, недонесении о преступлении либо попустительстве преступлению, совершенному другим лицом (прикосновенность к преступлению).

11. Ответственность за прикосновенность к преступлению наступает лишь в случаях, прямо предусмотренных в Особенной части настоящего Кодекса».

В ч. 6 ст. 16 УК, на наш взгляд, следует ввести в качестве способов совершения интеллектуального пособничества заранее обещанное недонесение о преступлении, заранее обещанное попустительство преступлению и заранее обещанную легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем. Эти деяния, не обещанные заранее, характеризуются всеми перечисленными признаками прикосновенности к преступлению и должны признаваться ее формами. Поэтому в ст. 406 УК следует установить ответственность лишь за заранее не обещанное недонесение о преступлении, а в ст. 235 УК – за заранее не обещанную легализацию материальных ценностей, приобретенных преступным путем.

Недонесение о преступлении можно определить в ч. 1 ст. 406 УК следующим образом: «1. Заранее не обещанное несообщение суду, органу уголовного преследования или иным уполномоченным государственным органам, должностным лицам и организациям всех достоверно известных сведений об обстоятельствах совершения особо тяжкого преступления, имеющих существенное значение для его выявления и расследования и подлежащих установлению в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь, лицом, которое заведомо могло сообщить эти сведения немедленно после их получения (заранее не обещанное недонесение о преступлении)». Часть 2 данной статьи можно изложить в следующей редакции: «2. Заранее не обещанное недонесение о совершаемом тяжком или особо тяжком преступлении», а часть 3 – «3. Заранее не обещанное недонесение о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении». Руководствуясь этическими соображениями и исходя из неэффективности предупредительного воздействия нормы о недо-

носителю на некоторые категории граждан, предлагаем новую формулировку примечания к ст. 406 УК:

«1. Не подлежат уголовной ответственности за деяния, предусмотренные частями 1 и 2 настоящей статьи:

- 1) близкие лица, совершившего или совершающего преступление,
- 2) священнослужитель, узнавший о преступлении на исповеди,
- 3) защитник, узнавший о преступлении при исполнении своих профессиональных обязанностей,

4) медицинский или фармацевтический работник, узнавший о преступлении при исполнении своих профессиональных обязанностей, кроме случаев, когда имеются основания полагать, что вред здоровью пациента причинен в результате насильственных действий.

2. Лица, указанные в части 1 настоящих примечаний, могут быть освобождены от уголовной ответственности за заранее не обещанное недонесение о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении, если сообщение о преступлении не могло быть осуществлено иначе как путем дачи объяснений и показаний непосредственно против лица, готовящегося совершить преступление, и ими были предприняты иные возможные меры, направленные на предотвращение совершения этого преступления».

Конструкция диспозиции ст. 405 УК выглядит более удачной по сравнению с аналогичными нормами зарубежных уголовных законов. Вместе с тем представляется логичным ввести в статью прямое указание на возможность совершения укрывательства только действием (без ограничения наказуемых способов) в отношении преступления, совершенного другим лицом. С учетом этого ч. 1 ст. 405 УК может быть изложена так: «1. Заранее не обещанное сокрытие лица, совершившего тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем, либо иные умышленные действия, направленные на сокрытие тяжкого преступления, совершенного другим лицом (заранее не обещанное укрывательство преступления)».

Примечание к ст. 405 УК можно сформулировать следующим образом: «С учетом личности виновного и лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, мотивов и целей содеянного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления и иных обстоятельств дела от уголовной ответственности за укрывательство могут быть освобождены близкие лица, совершившего преступление». Это позволит учесть родственные мотивы совершения укрывательства, которые в ряде случаев играют более значимую побудительную роль, чем угроза наказанием.

Приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, следует считать разновидностью укрывательства. Су-

щественной специфики по сравнению с укрывательством в этом составе не усматривается. Поэтому целесообразно было бы исключить из УК Республики Беларусь ст. 236, дополнив одновременно ст. 405 частью третьей: «3. Заранее не обещанное укрывательство преступлений путем приобретения или сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, либо совершенное из корыстной заинтересованности – наказывается...». В такой формулировке учитываются: 1) большая общественная опасность приобретения либо сбыта имущества, добытого преступным путем, так как сохраняется его наказуемость по отношению ко всем преступлениям, с помощью которых получено имущество; 2) строже наказываются другие действия укрывателей, совершенные с корыстной целью (например, виновный платит укрывателю за то, что последний его скрывает в своем доме).

К особенностям привлечения к уголовной ответственности за укрывательство преступлений или недонесение о преступлении относятся:

1) ограниченный круг основных преступлений, в связи с которыми недоносительство и укрывательство совершаются и влекут ответственность;

2) наличие уголовной преюдиции, то есть вступившего в законную силу обвинительного приговора суда по этому преступлению;

3) отсутствие в действии или бездействии признаков соучастия, совершение недонесения и укрывательства без предварительного их обещания.

При отсутствии хотя бы одного из названных условий лицо либо вообще не подлежит уголовной ответственности, либо наказывается не за прикосновенность к преступлению, а по другим статьям УК.

Обзор основных институтов Общей части уголовного права позволяет сделать вывод о том, что они применяются к составам укрывательства и недонесения о преступлении по общему правилу, как и к любому преступному деянию, запрещенному Особенной частью УК Республики Беларусь. Отдельные исключения имеются в связи со спецификой рассматриваемых форм прикосновенности к преступлению (невозможность предварительной преступной деятельности при недоносительстве, применимость не всех оснований освобождения от уголовной ответственности за недонесение и укрывательство и др.). Изучение судебной практики показывает, что, несмотря на предоставленные законом достаточно широкие возможности выбора среди различных по тяжести наказаний, суды отдают предпочтение самым строгим из них. Почти по каждому третьему из дел (31,4%) суд избирал лишение свободы. Это свидетельствует о признании значительной общественной опасности деяний прикосновенных лиц. С учетом практики можно ставить вопрос о некотором ужесточении санкций стст. 405 и 406 УК за счет включения в них предлагавшихся ранее новых частей.

Предлагаемые изменения будут способствовать развитию института прикосновенности к преступлению в уголовном праве, индивидуализации ответственности прикосновенных лиц.

Репозиторий БРГУ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Б. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них / Б. Алексеев // Советская юстиция. – 1962. – № 20. – С. 22–25.
2. Арутюнов, А. Причинная связь в соучастии / А. Арутюнов // Право и образование. – 2002. – № 5. – С. 166–177.
3. Арутюнов, А.А. Институт соучастия : исторический экскурс / А.А. Арутюнов // Российский следователь. – 2002. – № 5. – С. 38–42.
4. Бажин, А.А. Место заранее не обещанного приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путем, в системе охраняемых уголовным законом общественных отношений / А.А. Бажин // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2005. – № 4. – С. 111–114.
5. Баймурзин, Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению / Г. Баймурзин. – Алма-Ата : Наука, 1968. – 188 с.
6. Барков, А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений / А.В. Барков. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 112 с.
7. Барщевский, М.Ю. Адвокатская этика. – 2-е изд., испр. / М.Ю. Барщевский. – М. : Профобразование, 2000. – 312 с.
8. Безбородов, Д. Уголовная ответственность за заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем / Д. Безбородов, А. Зарубин // Уголовное право. – 2003. – № 4. – С. 7–8.
9. Брусницын, Л. Поощрение за сообщения о преступлениях / Л. Брусницын // Законность. – 2000. – № 2. – С. 32–33.
10. Бурчак, Ф.Г. Соучастие : социальные, криминологические и правовые проблемы / Ф.Г. Бурчак. – Киев : Выща школа, 1986. – 207 с.
11. Бушуев, И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство / И.А. Бушуев. – М. : Юрид. лит., 1965. – 138 с.
12. Виттенберг, Г. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : учеб. пособие / Г. Виттенберг, П. Панченко. – Иркутск, 1976. – 50 с.
13. Гелашвили, В. Ответственность за заранее не обещанное укрывательство / В. Гелашвили // Советская юстиция. – 1978. – № 15. – С. 18–19.
14. Гелашвили, В.С. Заранее не обещанное укрывательство – преступление против правосудия / В.С. Гелашвили // Вестник Московского университета. Серия «Право». – 1978. – № 3. – С. 74–78.
15. Гелашвили, В.С. О заранее не обещанном укрывательстве, совершенном родственниками виновного / В.С. Гелашвили // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1980. – № 1. – С. 59–63.

16. Глухова, О.В. Заранее не обещанное недонесение : прикосновенность к преступлению или соучастие в нем / О.В. Глухова // Вестник Брестского университета. Серия гуманитарных и общественных наук. – 2007. – № 3(30). – С. 88–95.

17. Глухова, О.В. Место прикосновенности к преступлению в уголовном праве и законодательстве Республики Беларусь / О.В. Глухова // Вестник Брестского университета. Серия гуманитарных и общественных наук. – 2006. – № 2(26). – С. 163–169.

18. Глухова, О.В. Признаки объективной стороны недонесения о преступлении / О.В. Глухова // Вестник Брестского университета. Серия гуманитарных и общественных наук. – 2008. – № 4(35). – С. 82–87.

19. Голоднюк, М. История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия / М. Голоднюк // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 14–16.

20. Горелик, А.С. Уголовная ответственность за противодействие осуществлению правосудия / А.С. Горелик // Юридический мир. – 1998. – № 9–10. – С. 65–72.

21. Горелик, А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. – 491 с.

22. Гришаев, П.И. Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. – М. : Госюриздат, 1959. – 256 с.

23. Гришанин, П. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них / П. Гришанин // Советская юстиция. – 1975. – № 15. – С. 22–23.

24. Грунтов, И. Уголовная ответственность за легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК 1999 года) / И. Грунтов // Судовы веснік. – 2000. – № 4. – С. 20–24.

25. Дробот, С.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.А. Дробот. – М., 2000. – 163 с.

26. Евдокимов, П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук / П.К. Евдокимов. – Минск, 1953. – 245 с.

27. Зарубин, А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Зарубин. – Тюмень, 2004. – 212 с.

28. Захожий, А. Ответственность за укрывательство и недонесительство о преступлениях / А. Захожий, И. Гонтарь // Социалистическая законность. – 1983. – № 2. – С. 50–51.

29. Иваник, Н.П. Уголовно-правовая борьба с приобретением или сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.П. Иваник. – Саратов, 1967. – 18 с.

30. Илюхин, В. Некоторые вопросы ответственности за недоносительство / В. Илюхин // Советская юстиция. – 1980. – № 7. – С. 27–28.

31. Исаев, М. О наказуемости родственного укрывательства и недоносительства / М. Исаев // Советское право. – 1924. – № 1(7). – С. 48–64.

32. Кашапов, Р.М. Уголовно-правовые средства, обеспечивающие раскрытие и расследование преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.М. Кашапов. – Хабаровск, 2000. – 218 с.

33. Ковалев, М. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них / М. Ковалев // Советская юстиция. – 1977. – № 19. – С. 26–28.

34. Ковалев, М.И. Об ответственности за укрывательство и недоносительство / М.И. Ковалев // Советское государство и право. – 1957. – № 2. – С. 104–107.

35. Ковалев, М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук / М.И. Ковалев. – М., 1952. – 250 с.

36. Козлов, А.П. Соучастие : традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.

37. Кокшаров, С. Субъект лжесвидетельства и недоносительства / С. Кокшаров, А. Горелик // Советская юстиция. – 1979. – № 17. – С. 10–11.

38. Колесник, В. Сомнительные новеллы УК / В. Колесник // Законность. – 1999. – № 3. – С. 27–28.

39. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка, Н.А. Бабий, А.В. Барков [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.

40. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – 5-е изд., доп. и испр. – М. : Юрайт-Издат, 2006. – 921 с.

41. Косарева, Т.И. Пособничество совершению преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.И. Косарева. – Рязань, 2004. – 194 с.

42. Косякова, Н. Укрывательство преступления и преступника / Н. Косякова // Законность. – 1998. – № 10. – С. 38–40.

43. Криволапов, Г. Отграничение приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, от соучастия и укрывательства преступлений / Г. Криволапов // Советская юстиция. – 1968. – № 9. – С. 16–17.

44. Крымінальны кодэкс Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. – Афіц. выд. – Мінск, Выд. Кіраўніцтва спраў СНК : Выд. экан. нарады БССР, 1928. – 163 с.

45. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. – М. : Госюриздат, 1960. – 244 с.
46. Лаевский, В. Противодействие торговле людьми : некоторые вопросы квалификации преступлений // Судовы веснік. – 2006. – № 3. – С. 14–18.
47. Лобанова, Л.В. Преступления против правосудия : проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности : дис. ... доктора юрид. наук : 12.00.08 / Л.В. Лобанова. – Казань, 2000. – 305 с.
48. Лохвицкий, А.В. Курс русского уголовного права / А.В. Лохвицкий. – СПб. : Скоропечатня Ю.О. Шрейера, 1871. – 710 с.
49. Лукашов, А.И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности : уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации / А.И. Лукашов. – Минск : Тесей, 2002. – 256 с.
50. Макаров, А.Д. Несообщение о преступлении или преступнике как вид прикосновенности к преступлению : в свете совершенствования уголовного законодательства / А.Д. Макаров // Закон и право. – 2004. – № 9. – С. 43–47.
51. Макаров, А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Д. Макаров. – М., 2004. – 176 с.
52. Макаров, А.Д. Укрывательство, недоносительство и попустительство в современном зарубежном законодательстве / А.Д. Макаров // Закон и право. – 2004. – № 6. – С. 42–47.
53. Марчук, В.В. Уголовно-правовые средства обеспечения исполнения обвинительного приговора : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / БГУ / В.В. Марчук. – Минск, 1996. – 115 с.
54. Меркушев, М. Ответственность за укрывательство. К проекту Уголовного кодекса СССР / М. Меркушев // Социалистическая законность. – 1955. – № 1. – С. 19–24.
55. Мишунин, П. Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве / П. Мишунин // Социалистическая законность. – 1956. – № 11. – С. 7–16.
56. Мурадов, А.Н. Ответственность за приобретение, хранение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (по материалам Азербайджанской ССР) / А.Н. Мурадов. – Баку : Элм, 1989. – 104 с.
57. Мыльников, С. Квалификация заранее не обещанного укрывательства / С. Мыльников, Б. Разгильдиев // Советская юстиция. – 1983. – № 15. – С. 24–25.

58. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.

59. Неклюдов, Н.А. Противодействие правосудию и злоупотребления по службе / Н.А. Неклюдов. – СПб. : Типо-Литография В.А. Вацлика, 1892. – 68 с.

60. Носкова, Н. Квалификация недонесения о преступлении / Н. Носкова // Советская юстиция. – 1971. – № 5. – С. 14.

61. Носкова, Н.А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Носкова. – М., 1971. – 28 с.

62. Носкова, Н.А. Ответственность граждан за преступления против правосудия / Н.А. Носкова. – М. : Общество «Знание» РСФСР, 1975. – 39 с.

63. Омаров, А.С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Омаров. – М., 1954. – 15 с.

64. Омаров, А.С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Омаров. – М., 1954. – 210 с.

65. Павлиашвили, И. Ответственность за укрывательство по делам о хищениях социалистической собственности / И. Павлиашвили // Социалистическая законность. – 1951. – № 5. – С. 30–34.

66. Панченко, П.Н. Преступное попустительство : учеб. пособие / П.Н. Панченко. – Иркутск, 1976. – 98 с.

67. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А.А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1961. – 666 с.

68. Пономаренко, Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Пономаренко. – Саратов, 2007. – 26 с.

69. Раал, Э. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. Раал. – Тарту, 1956. – 20 с.

70. Радзевановская, Ю.В. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : уголовно-правовая и криминологическая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.В. Радзевановская. – Уфа, 2005. – 182 с.

71. Радунцева, Н.Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Г. Радунцева. – М., 1980. – 19 с.

72. Разгильдиев, Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению / Б.Т. Разгильдиев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1981. – 111 с.

73. Рашковская, Ш.С. Преступления против правосудия : учеб. пособие / Ш.С. Рашковская. – М. : ВЮЗИ, 1978. – 104 с.

74. Саркисова, Э.А. Прикосновенность к преступлению : проблемы ответственности / Э.А. Саркисова // Право Беларуси. – 2003. – № 14(38). – С. 54–59.

75. Сахаров, А.Б. Некоторые вопросы соучастия и прикосновенности в связи с кодификацией уголовного законодательства / А.Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1958. – № 9. – С. 104–107.

76. Семилетова, Л.В. О разграничении понятий «заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» и «соучастие в преступлении» / Л.В. Семилетова // Современное право. – 2003. – № 12. – С. 46–48.

77. Семькина, О.И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.И. Семькина. – Ставрополь, 2003. – 212 с.

78. Смирнов, В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Г. Смирнов. – Л., 1954. – 13 с.

79. Смирнов, В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук / В.Г. Смирнов. – Л., 1954. – 250 с.

80. Тельнов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. – М. : Юрид. лит., 1974. – 208 с.

81. Трайнин, А.Н. Избранные труды / сост., вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 898 с.

82. Трифонов, В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Санкт-Петерб. ун-т МВД России / В.Г. Трифонов. – СПб., 2000. – 26 с.

83. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии) : сб. законодательных материалов / под ред. И.Д. Козочкина. – М. : Зерцало, 2001. – 352 с.

84. Уголовное право. История юрид. науки / А.А. Пионтковский, С.Г. Келина, О. Ф. Шишов [и др.]. – М. : Наука, 1978. – 309 с.

85. Фойницкий, И.Я. На досуге : сб. юрид. ст. и исследований с 1870 года / И.Я. Фойницкий. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1898. Том 1. – 608 с.

86. Хабибуллин, М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и доноительство по советскому уголовному праву / М.Х. Хабибуллин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1984. – 136 с.

87. Хакимов, И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества / И.Х. Хакимов. – Ташкент : Фан, 1982. – 124 с.

88. Чучаев, А.И. Преступления против правосудия. Научно-практический комментарий / А.И. Чучаев. – Ульяновск : Дом печати, 1997. – 80 с.

89. Шнейдер, М.А. Соучастие в преступлении. Советское уголовное право. Часть общая. Выпуск 11 / М.А. Шнейдер. – М. : ВЮЗИ, 1962. – 68 с.

90. Шур, Г.М. Недоительство : дис. ... канд. юрид. наук Г.М. Шур. – М., 1949. – 185 с.

91. Эстрин, А. О соучастии по Уголовному кодексу РСФСР / А. Эстрин // Советское право. – 1922. – № 3. – С. 63–81.

Репозиторий ВрГУ